



Ministry of Culture of the Russian Federation
Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
“Ekaterinburg State Theatre Institute”

LITERARY EXERCISES

2019

Drama, Poetry, Prose

Ekaterinburg
TXT
2020

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Екатеринбургский государственный театральный институт»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ 2019

Драматургия, проза, поэзия

Екатеринбург
ТХТ
2020

ББК 94.3
Л 64

Л 64 **Литературные опыты 2019**: драматургия, поэзия, проза. — Екатеринбург : ТХТ, 2020. — 284 с.

ISBN 978-5-7584-0502-4

В сборник вошли драматургические, поэтические и прозаические произведения, созданные студентами и выпускниками отделения «Литературное творчество» Екатеринбургского государственного театрального института (руководители отделения — Николай Коляда и Юрий Казарин).

Адресовано всем, кто интересуется современной литературой и драматургией.

ББК 94.3



ISBN 978-5-7584-0502-4

© Екатеринбургский государственный
театральный институт, 2020
© ТХТ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТУРГИЯ

<i>Роман Козырчиков. Тихий свет</i>	12
<i>Алексей Синяев. Взломанный</i>	37
Конец Берии.....	61
<i>Аня Кизикова. Я и мои собаки</i>	79
<i>Семен Вяткин. Капремонт</i>	93
<i>Юлия Новгородцева. «Яжемать», или Мы — музыка</i>	119

КУРТ КОБЕЙН

<i>Роман Дымяков. И она так же хотела себе ложные зубы</i>	126
<i>Ирина Васьковская. КК</i>	133
<i>Семен Вяткин. Нифер</i>	148
<i>Екатерина Гузема. Rare те</i>	157
<i>Дарья Уткина. Полли сказала</i>	166

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

<i>Александр Пятков</i>	178
<i>Алиса</i>	189
<i>Анастасия Волкова</i>	195
<i>Анастасия Третьякова</i>	202
<i>Анжелика Аскарова</i>	207
<i>Анита Адыгамова</i>	210
<i>Богдан Бейк</i>	212
<i>Елена Алексеева</i>	219
<i>Иван Плотников</i>	225
<i>Мария Зырянова</i>	231
<i>Надежда Болтачева</i>	236
<i>Никита Бобров</i>	243
<i>Олеся Савостова</i>	249
<i>Ольга Горшенина</i>	255
<i>Ольга Фадеева</i>	263
<i>Светлана Панина</i>	277

ДРАМАТУРГИЯ

«Уральская школа драматургии» сегодня известна во всем мире. Даже на Бродвее была сыграна пьеса Ярославы Пулинович «Наташина мечта», а уж постановок по пьесам уральских драматургов в Польше, Румынии, Германии, Швеции и других странах не перечесать. Успешными и известными стали выпускники ЕГТИ Василий Сигарев, Олег Богаев, Александр Архипов, Светлана Баженова, Елена Киселькова, Анна Богачева, Ирина Васьковская, Владимир Зуев, Тая Сапурина, Анна Батурина, Оксана Розум, Татьяна Ширяева, Дарья Уткина, Мария Конторович, Полина Бородина и мн. др.

В этом сборнике изданы совсем неизвестные, но талантливые пьесы молодых уральских драматургов. Для многих из них это первая публикация в жизни, ведь они еще учатся на отделении «Литературное творчество» в ЕГТИ.

Хочется пожелать им счастливой судьбы в театре!

Николай Коляда
*художественный руководитель
специальности «Литературное
творчество» (направление
Драматургия), драматург,
режиссер, Заслуженный деятель
искусств России, лауреат
премии К. С. Станиславского*

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

Много лет назад мы с Владимиром Блиновым решили попытаться открыть литературное отделение на филфаке УрГУ. Не получилось. Однако тогдашний ректор ЕГТИ профессор Владимир Гаврилович Бабенко неожиданно поддержал нас и предложил работать с молодыми литераторами бок о бок со знаменитым драматургом и выдающимся театральным деятелем Николаем Владимировичем Колядой. Так родилось новое направление в специальности «Литературное творчество» — поэзия, проза, литературная критика. Я сердечно благодарен ректору ЕГТИ Анне Аркадьевне Глуханюк за доброе отношение к художественной словесности в Екатеринбурге и вообще на Урале. Дело в том, что Екатеринбург — это последнее место в России на восточном направлении, где молодые поэты, прозаики, критики и драматурги могут получить высшее специализированное образование. Со студентами-литераторами работают высокопрофессиональные преподаватели, в том числе известнейший драматург Олег Богаев.

Поэзия и проза — это основа словесной культуры, но те, кто занимается подобного рода сочинительством, знают, что написание, создание поэтического и прозаического текста имеет так называемый «отложенный эффект». В России чтобы стать объективно известным писателем (не модным, не знаменитым и т. п.) нужно время — и не малое: обычно прозаический текст (повесть, роман) осваивается обществом и культурой в течение 10 лет, поэтический текст принимается обществом и культурой в течение 20–25 лет. Время культуры — иное: оно регулирует время литературы и вообще сочинительства и писательства, — и как бы откладывает, оттягивает момент признания того или иного сочинителя в качестве подлинно талантливого

писателя. Наличие интернета (а нынешнее время — это эпоха прежде всего связи, но не отношения), естественно, тормозит процесс «окультуривания» художественного текста и наполняет словесное пространство подделками, фейками, стилизацией и прочими текстоидами.

Каждый понедельник в 6 часов вечера творческий семинар ЕГТИ (специальность «Литературное творчество») собирает несколько десятков людей, посвятивших свою жизнь художественной словесности. В ЕГТИ мы учим студентов и слушателей создавать тексты, но не текстоиды, не однодневные образцы полухудожественной речи. Наш семинар за полтора десятка лет своего существования «выпустил в свет» не только сотни настоящих текстов и книг, но и несколько настоящих писателей, поэтов, вообще словесников. Нас не балуют премиями, хотя несколько слушателей были отмечены высокими премиями регионального и всероссийского уровня. Но я считаю это неглавным: главное заключается в том, что мы благодаря ЕГТИ создали на Урале и в Зауралье устойчивую сферу подлинной художественной словесности.

В этом сборнике мы предлагаем вниманию читателей несколько десятков художественных текстов, созданных шестнадцатью молодыми людьми — начинающими писателями, которые, я уверен, продолжат традиции великой русской литературы.

Юрий Казарин
*художественный руководитель
специальности «Литературное
творчество» (направление
Поэзия, проза, литературная
критика), доктор филологических
наук, профессор, член Союза
писателей России, лауреат
многих литературных премий
и ряда литературных наград*

ДРАМАТУРГИЯ

ТИХИЙ СВЕТ

Действующие лица

Тамара Усик, 45 лет.

Людмила, сестра Тамары, 45 лет.

Валя, муж Людмилы, 45 лет.

Нина, мать Вали, 80 лет.

Хромоножка, 35 лет.

Микола, сын Хромоножки, 15 лет.

Когда долго и невыносимо стоит жара, каждый день, вернее, каждую ночь, человеку дается кусок счастья: прохлада ночи. Тихая и свежая, она наполняет жизнью. Но иногда, когда ночью открыто окно, можно услышать хромой шаг смерти: она подволакивает одну ногу на пустынной пыльной дороге. А потом — стук в окно.

Третий день уже стоит солнце без продыху. Из-за духоты стол вынесли из кухни к крыльцу дома в тени, прямо на траву и поставили. Самая полная, Тамара, сидела в трикотажном ярком халате на самой маленькой табуреточке, как гостя, свисала своим телом на ней; Людмила, как хозяйка, сидела посреди стола в парике, сидела и смотрела перед собой, на речку; по левую руку ее сидел муж Валя, а по правую — старуха Нина, плотно одетая в черное, будто не чувствовала жары, скрючилась над тарелкой и что-то медленно ела. Делать что-то в такую погоду совершенно невозможно, можно только сидеть и смиренно принимать страдания, обмахиваться газетками и ждать спасения. Долго уже сидели все молча, вытирали пот. Тамара что-то вспомнила, оставила чашку с кипятком и растерянно заговорила.

Тамара. Я в интернете прочитала, что у протестантов каких-то, кальвинистов или как, если ты богатый и все у тебя хорошо, значит, ты избранный в рай. А если бедный, постоянно у тебя несчастья, значит, бог тебя не любит. Я так расстроилась. Я же всегда без денег, болячки всегда, значит, не любит меня

* Родился в Биробиджане. Учится в ЕГТИ (семинар Н. Коляды), 4 курс, публиковался в сборниках современной драматургии и журнале «Урал».

бог. А если не он, то кто? (*Подумала.*) С другой стороны, я ведь не кальвинистка, я ведь даже не христианка.

Н и н а (*перестала жевать*). Как понять, не христьянка?

Л ю д м и л а. Вы, мама, ешьте, не слушайте. У нее крыша поехала. Капитально. Дай дуре интернет...

Тамара махнула рукой и продолжила пить кипяток.

В а л я. Что ты на с... (*заикается*) сестру опять начинаешь?

Л ю д м и л а. Моя же сестра, не твоя! Завыступал.

Н и н а. Как русская-то если — не христьянка?

Л ю д м и л а. Вы будто, мама, христианка. (*Засмеялась.*) Неделю назад только про Иисуса узнала. Успокоиться не могла, надо же какая история! Шок-контент.

Н и н а. Ужасная, ужасная история. Бедный мальчик. И вот так вот с ним, собаки. Он же по добру только все. Бедный, бедный мальчик.

Л ю д м и л а. Ой, ну ешьте уже, Нина, успокойтесь!

В а л я. Ты бы уж в т... (*заикается*) такой день-то бы не орала бы. С... (*заикается*).

Л ю д м и л а. А что за день, Валя? Армагеддон? Очень похоже на Армагеддон. На Апокалипсис похоже.

Т а м а р а. Так правда же, Люда, жалко сына хромоножкиного. Пятнадцать лет всего. Как он так умер?

Л ю д м и л а. Бог дал, бог взял, что ж теперь.

Т а м а р а. Странно ведь как: у речки нашли, ожоги, говорят, какие-то. Откуда ожоги-то?

Л ю д м и л а. Она ж ненормальная, хромая эта ваша. Сочиняет, поди. Ожоги какие-то. Что, он воспламенился? Мозг у вас воспламенился.

Т а м а р а. Так ведь люди говорят. Жалко так ее, страшенькая такая и вот еще неудача какая.

Л ю д м и л а. Страшенькая, а сына натаскала. Косая, хромая, а слепой нашелся. (*Посмеялась.*) Какие люди-то, Тома? Тут только сумасшедшие живут, нормальные тут жить не станут. Тут степь кругом и воняет скотобойней. И вареными костями. Тут человеку нечего делать.

Н и н а. Сидим же мы.

Л ю д м и л а. Мы прокляты. Бог нас не любит, как кальвинистов Томиных.

Валя. На похороны бы все равно надо было с... *(заикается)* сходить...

Людмила. Помогли же ей мужики: утащили, закопали. Че ходить-то? Он тебе кто? Веточки еще еловые, будто панихида была... *(Посмотрела на Тамару.)* Как ты кипяток этот хлещешь? Жара, а ты кипяток.

Тамара. Я готовлю свое тело к худшему.

Замолчали. Некоторое время тихонько, умиротворенно смотрели на речку, пот со лба вытирали, но потом Валя решил разрядить обстановку.

Валя. Мне приснилось вчера, что у меня член отпал.

Головы с недоумением повернулись на Валю. Тамарины руки медленно опустили чашку на стол, она охнула, схватилась рукой за грудь.

Тамара. Ужас какой! Не приведи господь ведь такое...

Людмила. А тебе-то что, Тома? Переживает, главное, за член моего мужа. Отпал и отпал, тебе-то что?

Тамара. Так я ведь...

Людмила *(Вале)*. Вот что ты так прицепился к этим похоронам, а? Газетку подложи под ножку, стол рухнет сейчас.

Валя. Ты з... *(заикается)*.

Людмила. Ой, помалкивай сиди, Цицерон. У нас окошко выпадывает в доме, почини вот лучше.

Нина *(перестала жевать)*. Как понять Цицерон?

Людмила. А так вот. Никак не понимайте. Для этого надо институт кончить, как я. Но куда вам всем. Вам бы сидеть только, да в окошко смотреть. Куда вы там смотрите все время? Там же ничего нет. Вообще ничего. Даже ветра.

Замолчали.

*Вчера сидел Микола на стульчике, на деревянной табуреточке, у окна, и на столе из спичек дворец строил. Дворецли, храмли, Тадж-Махал ли какой-то — Микола ценил красоту, а луч из короткой занавески вспарывал ему горло. Язык от старанья закусил, в окошко смотрит, там девочки стоят, на него уставились. Че там делаешь, олень? — они кричали. Микола ладошкой по стеклу треснул, засмеялись девочки и убежали. Он говорил: п... *(заикается)* подохни, тварь, подохни, тварь. Понюхал храм свой Микола и на кровать высокую пошел, и лег на нее Микола. Лежит, и луч ему теперь*

жизнот вспарывает. И стена пыли перед ним. Звездной ли пыли, алмазной ли пыли. Он рукой ее трогает, и стена разверзается. Микола — волшебник. Микола снимает майку и гладит пальцем «порез» от лучика, гладит свое белое тело.

Тамара вдруг заволновалась, закосилась по сторонам, отпила еще кипятка, капельки со лба и висков вытерла.

Т а м а р а. Третий день жара такая крошечная. Ненормальная. Пишут в интернете, не бывало еще так. Не загореться бы хоть. Вспыхнем ведь как спички.

Н и н а. Ненормальная какая.

Людмила посмотрела на Тамару, положила голову на ладошку.

Л ю д м и л а. Вот мы же двойняшки, как мы такие разные получились? Я худая, ты — толстая. Я в институт поехала, ты тут просидела всю жизнь. Да и по лицу другая ты совсем, круглая какая-то. Надо же... Думала, совсем нас жизнь разведет, а ведь нет, смотри-ка, все равно живешь со мной.

Тамара обиженно откусила печенье.

Т а м а р а. Усик мой умер если так быстро! Так бы ведь и не жила у вас. Бедный мой Васька. Один я Усик осталась. Дочери-то, поди, замуж выйдут и одна я только Усик останусь на всем свете. Один единственный Усик.

Нина засмеялась, подавилась, закашлялась. Увидела строгий взгляд Людмилы, резко остановилась.

Н и н а. Я над фамилией просто... Усик! Смех какой.

Тамара поправила химические кудри на голове.

Т а м а р а. Я не всегда ведь Усиком была... И без институтов работа есть, детей вот обеих отправила учиться. Двадцать лет продавцом и хорошо все, не выгоняет никто.

Л ю д м и л а. Тома, ты продавец ненастоящий. Продавец — он должен обсчитывать, обвешивать... А тебя саму все обсчитывают, ты свои же деньги вкладываешь.

Т а м а р а. Не собирай, меня все ценят. На божницу покупателей чуть ли не сажают.

Л ю д м и л а. Еще бы. Такого клоуна еще поискать.

Т а м а р а. Я к тому вообще про спички сказала, что вдруг Микола этот, хромоножкин, от солнца сгорел?

Людмила (*пожала безразлично плечами, стала в телефоне читать что-то*). Он же ночью помер, какое солнце-то.

Тамара. Очень таинственно все-таки. (*Посмотрела по сторонам, взяла полотенце, накинула на голову.*) На всякий случай, солнышкин удар ведь случается.

Людмила. Солнечный. Солнечный удар, а не солнышкин, Тома. И в тени он не случается.

Тамара. Пускай полежит. (*Поправила полотенце, отпила чай.*)

Людмила (*не отрывается от телефона*). Представляете, тетка вон какая-то из госдумы обеда ест на пять тыщ. Это че у нее там? Паразитка такая! (*Убрала телефон, подумала.*) Я бы ей туда плюнула и насрала бы.

Валя. Да что ты, Люда, пускай уж ест женщина.

Людмила. Пускай вот как мы поест! Терпеть не могу несправедливость. Постоянно что-нибудь в Фэйсбуке, какой-нибудь шок-контент. Я сразу пишу в комментарий свое мнение. Не могу молчать, трясет прямо всю сразу!

Валя. Так уж не ч... (*заикается*) читала бы.

Людмила. Я не такая как вы тут все! Вам все по херу, а мне нет. Вы как в сказке будто живете тут. А я свои права знаю. Знаете, какая напряженка сейчас в стране! Каждый день, как вижу, что права мои ущемляются, сразу пишу! Даже вены на лбу вздуваются.

Нина. А мои права ущемляешь сама, а у меня даже Фейсбука нет.

Людмила. Это что еще?

Нина. Ты меня ненавидишь. Как есть — сперва себе наложит, а потом только мне. Свет мне в комнате выключает рано, а у меня бессонница. И ты смеешься, когда я рассказываю.

Людмила. Вы потому что трэш собираете, что попало плетете. У вас не бессонница, вы спите, а потом сны свои рассказываете, будто правда была.

Нина. Я имею право на свет, у меня пенсия.

Людмила. Ой, все. Начинается. В Фейсбуке поважнее проблемы, чем ваш бред. Там международный уровень вообще-то.

Тамара. А я привыкшая уже. Дочки тоже как приедут, тоже ведь такое вот заводят. Я молчу, в кухню уйду и все, смотрю в окно, будто что-то увидела, и не слушаю. (*Задумалась.*) Там котик этот бегаёт, жирненький, как я. (*Посмеялась.*) Птичка там пролетит,

например, веточки пошевелит. И мне покой такой сразу ощущается, а потом как защемит, и так мне вдруг умирать не хочется, Люда, прямо невыносимо становится. Потому что я хочу сидеть и смотреть в это окно вечно. *(Немного прослезилась.)* Почему вот такое находит на меня?

Людмила. Да дура ты потому что. Из-за таких вот так и живем. Ты вот лично губишь, Тома, страну.

Тамара от испуга выронила чашку с кипятком себе на коленку. Стала тереть больное место.

Тамара. Мне не больно, курица довольна. *(Посмеялась.)* Я не губила, ты че, Люда.

Валя. Это все по-детски, Люда, комментарии твои. Так только дети делают.

Людмила. А по-взрослому как? Лежать под одеялком и ждать смерти? А у тебя ведь, Валечка, нет детей. Откуда тебе знать? Или есть, Валечка? А?

Валя. Сама ведь п... *(заикается)*.

Людмила. Ну, а что? Ты видный такой. Посмотри на себя в зеркало! *(Засмеялась.)* Смотри, какие ровные ноги. Майка элегантная. Это что, хохлома? А уж как на велосипед свой сядешь, кто устоит? Откуда же мне знать, Валечка? Может, ты каждый день за поворотом детей делаешь?

Нина. Злющая какая... Сама-то вообще лысая.

Людмила. А вы, мама, жрать столько не утомились? Ест и ест без продыху.

Нина оскорбилась, швырнула ложку.

Тамара *(подняла ложку, отдала Нине)*. Кушайте, Ниночка, кушайте! Не слушайте ее. Она с утра такая сегодня склочная.

Нина посмотрела на Людмилу, взяла ложку и, не простив обиды, продолжила есть.

Людмила. Достала жара уже. Губернатор еще этот дачу купил... Я не лысая, у меня волос мало.

Нина. Я на вашей свадьбе съела кусочек арбуза, четыре картошины и компота стакан. И все. И это было двадцать пять лет назад.

Людмила. Вы в блокнот, что ли, записываете?

Нина. Я вас не объедаю, чтобы ты знала.

Л ю д м и л а. Кусочек арбуза и компот — у нас больше ничего и не было. Потому что мы нищие. И по любви выходили, по вдохновению. Потому что Валя рок-музыкой увлекался. Мы только о прекрасном думали, зачем нам питаться.

Н и н а. Я хочу сказать, что за двадцать пять лет немного очень съела.

Л ю д м и л а. А вы и не в госдуме работаете, чтобы много есть. Ой, да ешьте вы, что хотите. Молчите только.

Замолчали. Людмила подула себе в декольте.

Микола гладил свое тело. Соски, например, живот, а дальше — ниже, под шорты, в жару, в пекло, в преисподнюю. Поднял ладонь Микола и языком, горячим и мокрым, от запястья до вершины пальца смочил, и дальше — ниже. Луч на теле Микола расширился, тело Микола потело, содрогалось белое тело и трепетала Миколина плоть. Потом остановилась и медленно задышала. Поднес Микола ладонь к лицу своему и прижал к золотушным губам. В окошко заколотили вдруг. Там девочки стоят, смеются, ладошки свои лижут. Микола к стенке отвернулся, замер, что делать, не знает. Они кричали: эй, чертила, нравится, что ли, сперму глотать? И смеялись. Он говорил: п... (заикается) подохни, тварь, подохни, тварь. И притворялся трупом. Но в окна колотили, и Микола схватил Достоевского и швырнул классика с силой в шалав. Так, что стекло разбилось, и лоб девочки покраснел даже.

Нина приостановила поглощение еды, но ложку из руки не выпустила.

Н и н а. Я вчера сижу на кровати перед сном, смотрю в окно. Чувствую, в углу что-то зашевелилось. Смотрю — там шарик такой светящийся висит, как в воздухе. Я испугалась — снова в окно. Посмотрела еще — висит. Долго висел. Хотела подойти, побоялась. Потом исчез. Жалко, что не подошла.

Нина продолжила есть, но все напряглись.

Л ю д м и л а. Вы таблетки как положено пьете? Не больше?

Н и н а. Думаю, смерть была, а я опять пропустила. Я иногда слышу ее хромой шаг. Когда вот теперь еще будет?

Л ю д м и л а. У нас крыша просто дырчатая, вот лучик и попал, наверно. Вам спать надо нормально ложиться, все как будто юная девица под окном сидит. Как Татьяна Онегина. Или как ее?

Как-то неловко все замолчали. Тамара вдруг прыснула, не сдержалась и засмеялась.

Тамара. Вспомнила. Вспомнила, помните, мы втроем, после выпускного, пьяные на лодке по речке уплыли, в Индию хотели.

Людмила. Вот и приплыли. Сидим на этом же крылечке и чай хлещем.

Тамара. Ой, я бы если бы богатая была, певица, например, или... юморист, например, я бы в каждой стране пожила бы год.

Людмила. Столько не живут, Тома. Нина вот только.

Людмила засмеялась, Нина с ненавистью покосилась на сноху.

Тамара. Мы же уверены были тогда, что богатые будем. Почему мы до сих пор нищие?

Людмила. Чтобы богатым быть, надо, наверно, не в магазине работать.

Тамара. У нас не оказалось талантов если. Пошли уж, куда взяли. Но в лодке тогда мы этого не знали ведь еще.

Людмила. Сказали бы нам тогда, что мы тут же будем кипятком пить, мы бы там и утопились.

Людмила взяла полотенце, вытерла потное лицо.

Людмила. О, косточки варят на птицефабрике моей. *(Прикрывает нос полотенцем.)* Шок-контент. Надо было в городе оставаться. А не в Валю влюбляться. Как самка тупая.

Тамара. Я в городе была, мне не понравилось. Там все жалкие, и всех жалко. Вот идешь, например, вечером, смотришь на всех вокруг. У них у всех что-то болит, покоя им что-то не дает. И хочется тогда подойти к каждому и спросить. Вот женщина пожилая. У вас все хорошо? Что вы чувствуете? Вам плакать точно не хочется? Или мужик сидит на скамеечке. Вы почему домой не идете? Вам одиноко? Ноги не мерзнут? Парень стоит какой-то. У тебя деньги есть? Не голодный? Тебя что-то мучает? На сердце тяжело? И даже вроде неприятный он. Ну, видно, что попивает, например. А все равно сердце у него стучит под курточкой и шея теплая. И вот хочется подойти к каждому и подуть на ранку: давай, ползи, ползи, будет легче, пройдет зима, и тебя кто-то поцелует. Будет легко, тепло и радостно однажды.

Людмила. Ты, Тома, вот так к людям подходила? Знаешь, сколько на земле таких человечков? Семь миллиардов. И все скоты.

Тамара. А здесь людей нет почти, жалеть и некого.

Людмила. Конечно, здесь такие все счастливые и хохочут постоянно. Мы вон, смотри, какие радостные сидим. У меня даже волосы от счастья выпали. Валька вон плачет от тихой радости сидит. Ниночка, посмотри, какая довольная, сытая. Веточки вон еловые лежат, сказка, а не жизнь.

Валя. Веточки... Люда, в... *(заикается)* выпивка-то есть немного?

Людмила. От счастья тебя, Валя, к рюмке тянет?

Валя. Врут, думаешь, про ожоги?

Людмила. А ты, Тома, от счастья вчера в петлю полезла?

Все замолчали, замерли. Нина оторвалась от еды, Тамара опустила голову.

Людмила. Жопа твоя толстая спасла тебя только, чердак отвалился.

Тамара длинно посмотрела на Людмилу.

Тамара. Могла бы и помолчать хоть раз.

Людмила. Я всю жизнь молчу, Тома. Вот за каким таким хером, скажи, а?

Тамара молчит.

Людмила. Терпи, Тома. Все терпят, и ты терпи. Долго ли осталось? Парочку самоваров, поди, и все. *(Улыбнулась.)*

Валя. Дашь, нет, Люда, бутылку?

Людмила закатила глаза, но пошла в дом. Тамара чаю отхлебнула, на Валу смотреть стала.

Тамара. Помнишь, мы к речке бежали, а ты на стеклышко наступил и заплакал, в шестнадцать лет? *(Улыбнулась.)* А потом что было? Что мы делали тридцать лет, Валя?

Валя. Ты з... *(заикается)* зачем в петлю-то?

Тамара. А, вспомнила, потом Усиком я стала.

Валя. Терпеть же надо до конца, че уж делать-то...

Тамара. Мне не больно, курица довольна. *(Посмеялась.)*

Валя. У тебя дети, ты молодая еще.

Т а м а р а. Я толстая дура, Валя.

Валя. Зачем, Тома?

Т а м а р а. Для веселья, Валя.

Н и н а. Я б тоже удавилась, могла б на табуретку залезть.

Микола стоял теперь в палисаднике и малину с кустарника ел: малиновые ягоды в малиновые губы. И худые белые руки в царапинах. Ягодный запах прервался запахом спичек. Подумал Микола: ммм, спички... Сильно любил Микола запах серы. Хоть и знал: где сера — там ад, там зверь. Подумал он и из малинника вынырнул. И снова девочки стояли. Девочка с расшибленным Федором лбом веточку держала и в разбитое окошко ее вонзала. И повалил дым серный. Он кричал: мокрощёлки дебилные. Смеялись и убежали они. И бежал он по траве, по крылечку, по досочкам. Горел храм его спичечный. Бросился Микола, дул на него, махал на него. Майка Миколина вспыхнула даже. Он скинул ее, огненную, и с ковшика водой залил храм свой. Сгорел храм. Огарочки только остались. Хромая Миколина мама зашла тогда и по голове Миколу погладила. Дурачок какой родился, храмы палит — она сказала.

Нина продолжила есть, Людмила вернулась с бутылкой. Валя потянулся за ней, но Людмила не дала бутылку.

Л ю д м и л а. Сколько налью — столько выпьешь. Давно, что ли, трезвый ходишь?

Людмила налила в стакан немного, Валя схватил, тут же выпил.

Валя. Еще немного давай уж.

Л ю д м и л а. Обсерешься.

Н и н а. Жалко ей. Водки жалко, еду жалко...

Л ю д м и л а. Мама, сыночек ваш пить бы умел, я бы не жалела, наверно. Забыли, как он драться умеет? Давно вам не прилетало?

Н и н а. Лет десять уж не пьет сильно...

Л ю д м и л а. А мне и пятнадцати лет хватило с синяками на роже позориться. И по деревне его искать. Пятнадцать лет фестивали.

Помолчали. Валя умоляюще взглядывал на жену, Людмила смотрела на мужа.

Л ю д м и л а. Такой ты был тоненький и беленький раньше. Валечкой был. Глаза такие умные, как у собаки. Ясно было, что уж мы-то с Валечкой не как все проживем. Мы же не такие

с ним. Мы тоньше других, умнее, глубже. У нас энергия, и свет в нас особенный есть. Мы же не Людка с Валькой с улицы соседней. У нас не так все. (*Улыбнулась.*) Но нет. Ты Валька, а я Людка. Вот и приплыли.

Людмила налила еще Вале. Валя выпил. Помолчали.

Тамара. Мне в интернете мужчина написал. Такой, знаете, как бы южный. Но видно, что солидный. Он поставил отметку «пять» и написал что-то. Но я не поняла не по-русски. Как вот ответить? Или уж не отвечать пока?

Людмила. Ты из-за этого чердак обрушила? Из-за языкового барьера?

Тамара молчала.

Людмила. А у тебя там фотографии есть?

Тамара. Есть, но там кошка в клумбе.

Людмила. Ясно. Пошли ему тогда смайлик с кошачьей мордой.

Тамара. Я, конечно, не уверена, что готова к новым отношениям... Ну, ладно, потом с компьютера смайлик ему вышлю. Писали, кстати, что вообще у нас плюс шестьдесят семь будет скоро, и что надо готовиться к такому.

Людмила. Мы же не в аду, Тома, какие шестьдесят семь?

Нина (*престала жевать*). Я — в аду.

Тамара. Правда! В интернете если написали, я вру, что ли.

Людмила. Господи, Тома, на каком сайте? Что ты читаешь?

Тамара. Ни на каком сайте, мне само показывается. Высвечивается на экране, я нажимаю.

Людмила. Ой, все, Тома, это клиника.

Нина. А я могу в интернет попасть?

Людмила. Вы, мама, в рот ложкой попадите сначала.

Нина. Я слышала, можно высчитать дату смерти как-то при помощи интернета.

Людмила. Ты ей, Тома, наговорила? У вас крыша у всех поехала?

Тамара. Можно, можно высчитать. Я вам посчитаю, Ниночка, и скажу.

Людмила. Да никогда вы, Нина, не умрете. Я посчитала уже. Навсегда вы тут, в аду. И я с вами вместе.

Людмила налила себе из бутылки в стакан. Валя потянулся тоже, но потерпел неудачу.

Тамара. Я себе посчитала, выпало, что вчера должна была. Но не совпало.

Нина разочаровалась и продолжила есть. Тамару осенило.

Тамара. Можно ведь высчитать, правильно ли Микола этот умер. В том смысле, что совпадет или нет дата. Надо только дату рождения узнать как-то.

Валя. Двадцать третье июля.

Тамара. А вчера какое было?

Людмила. Какого числа мы поженились, Валя?

Валя молчал.

Людмила. Че молчишь? Говна поел?

Людмила посмотрела на него и стала ждать ответа.

Людмила. Я жду, Валечка. Давай-ка продемонстрируй чудеса памяти.

Валя молчал, потом попытался что-то сказать, но не вышло. Людмила подождала, потом взяла бутылку и швырнула ее в кирпичный их дом. Кирпичи посыпались, бутылка разлетелась. Все замерли и притихли. Помолчали.

Людмила. Я в институте еще решила, что не буду детей заводить. А потом и в правду не вышло. И слава богу. Ненавижу детей. И стариков. *(Посмотрела на Нину.)* Совсем у них ума нет. Беспомощные и некрасивые. Надо будет постараться как-то до всего этого говна подохнуть успеть.

Все так же молчали.

Нина. А я ребенком очень красивая была. Гладенькая и кругленькая. Здоровая и румяная была. Играла и веселилась. Не помню, когда это закончилось. Но очень давно.

Тамара. Я и сейчас кругленькая и румяная. *(Посмеялась.)* Только жить, правда, не хочется.

Снова замолчали.

Хромая мама Миколина у стола стояла и капусту белокочанную секла. Гора на столе из капусты уже лежала. А она секла и секла в корытце. Микола рядом сидел, окно разбитое пакетиком заклеил,

на солнце сквозь пакетик смотрел, капусту рубленную жевал. Пальцы, мама, не разруби, пальцы не разруби — он говорил. Тут же мама по пальцу и рубанула, кровью в капусту накапала. Она сказала: вот ведь сечка острая какая, ну наточил Микола, ну хозяин, а мама косоглазая. Палец закусила и дальше сечь стала. Микола испугался, но ничего не говорил. Не трогай ничего, Микола — она сказала. И пошла куда-то палец лечить. Микола выбрал кусочки капусты, кровью политые, в форточку вышвырнул. Посидел, подумал крепко. Сечку в руки взял, потрогал и вышел с ней за ворота.

Все молча сидели и смотрели на речку, но там ничего не было. На тропинке прихрамывала, припрыгивала Хромоножка в сторону их дома. Людмила выпрямилась, Валя встал с табуретки. Хромая поравнялась со столом, улыбнулась всем.

Хромоножка. Вам сегодня нет почты.

Помолчали, хромая неловко улыбнулась.

Хромоножка. Я капусты вам принесла. Хотите? Я наквасила, а теперь не съем же одна ведро целое.

Она улыбнулась, из сумки с почтой банку достала, в руках держит.

Хромоножка. Ой, газетки промочила.

Она растерянно улыбнулась, Тамара взяла банку. Неловко помолчали.

Тамара. Нина любит капусточку, съест.

Валя бросился к крылечку, табуретку ей поднес. Хромая села. Валя, как бы в поддержку, ее за плечо взял. Хромая вскочила.

Хромоножка. Нет. Нет, не трогай меня, пожалуйста. Не трогай меня.

Людмила встала, Валю на свое место усадила, сама с хромой рядом села. Замолчали.

Хромоножка. Миколу когда утром сегодня мужики к лесу ташили, я веточки сзади бросала еловые. Не знаю, зачем. Помню, что делают вроде так, а зачем, не помню. Правило такое, что ли. А потом еще на могилку газировку полила. Он любил газировку сладкую.

Тамара поправила полотенце на голове.

Т а м а р а. А ты знаешь, как он умер?

Х р о м о н о ж к а. До церкви завтра доковыляю, далеко же сегодня уже. Надо вроде свечку поставить... Я не помню правил что-то.

Помолчали.

Л ю д м и л а. Выходной бы уж взяла бы. Повод как бы.

Х р о м о н о ж к а. Я люблю ходить, мне нравится.

Л ю д м и л а. В такое пекло можно и самой помереть.

Х р о м о н о ж к а. Я от дерева до дерева бегу, с передышками.

В а л я. Его же не убили, да?

Х р о м о н о ж к а. Надо же еще что-то делать? Какие-то ритуалы?

В а л я. Надо оградку сделать. Давайте оградку сделаем и крест? Может, п... *(заикается)* плиту? Фотографию повесить.

Л ю д м и л а. И часовенку построить.

Х р о м о н о ж к а. Такие правила?

Л ю д м и л а. Валя, может, склеп сделаем?

Х р о м о н о ж к а. А у него фотографии нет. Мы что-то протянули с паспортом...

В а л я. Надо что-то сделать.

Л ю д м и л а. Ты уже сделал. Все, что мог.

В а л я. Мы уже ничего не можем сделать?

Хромая улыбнулась. Людмила пожалала плечами, посмотрела в телефон, положила его, подождала, что хромая уйдет, не дождалась, переключилась на Нину.

Л ю д м и л а. Ну не шамкайте вы!

Н и н а. Так я что?

Л ю д м и л а. Вы шамкаете!

Н и н а. Так я ем же. Злыдня какая...

Л ю д м и л а. Ой, все. Рот закройте и ешьте.

Нина закрыла рот, посмотрела на тарелку. Снова замолчали все неловко.

Н и н а. Я вчера перед сном сижу на кровати...

Л ю д м и л а. Было уже.

Н и н а. Хрен ты угадала. Я вчера перед сном сижу на кровати, свет уже выключила когда, в окно смотрю. Там темнота. А потом как воссияло. Что это было, вы знаете?

Лю д м и л а. Так смерть, поди, опять была, а вы, мама, опять просрали свой выход. *(Засмеялась.)*

Х р о м о н о ж к а. Ой, я тоже иногда чудеса вижу, разное бывает. То, например, земля заколышется, то звезда на небе вспыхнет. А один раз я как будто бы подлетела...

Лю д м и л а. О, все. Туши свет.

Х р о м о н о ж к а. Это, я так думаю, бог сигналы посылает, чтоб мы не сомневались. *(Улыбнулась.)*

Лю д м и л а. Какой бог?

Х р о м о н о ж к а. Какой, не знаю какой. Какой-нибудь. Есть ведь в нас искра его, значит, и бог есть.

Лю д м и л а. Начитаются интернета и начинают с ума сходить. Сумасшедший дом.

Х р о м о н о ж к а. Вот, например, глаза мои косые — тоже сигнал от бога. Я ведь раньше не была косая. А потом — раз! — и окосела. Потому что мне банка со спиртом на голову упала.

Лю д м и л а. То есть глаза у тебя косые от бога? А нога хромая тоже от него?

Х р о м о н о ж к а. Нет. Ногу мне люди сломали.

Лю д м и л а. В них тоже искра потому что.

Х р о м о н о ж к а. Я не знаю почему. А почему у вас волосы выпали?

Лю д м и л а. От радости жизни.

Х р о м о н о ж к а. Также ведь знак какой-то наверняка.

Лю д м и л а. Все, Тома, про бога говорить начали — беги за бутылкой. Будем про духовное говорить. А у нас вот нет у всех искры никакой. Томочка вот у нас мечтает быть юмористом. Она, конечно, и так юморист, но она хочет быть богатым юмористом, чтобы гастролировать. А сама в торговле, в магазине. Там народ смешит. Валечка вот, тонкая душа и романтик, он у нас по ночам не спит, на звезды смотрит, на скотобойне трудится. Убивает и плачет, убивает и плачет. Ниночка уже не помнит, кем работала, она пенсионерка всю жизнь. Я считай, что пролетариат. И мы все сидим тут, вешаемся, смерть высчитываем. Попиваем иногда друг от друга втихаря. Сидим себе тихонечко за столом и ждем смерти.

Н и н а. Я иногда слышу ее хромой шаг.

Лю д м и л а. У нас воняет скотобойней, трупами животных и вареными курицами. *(Томе.)* Ты еще тут, Тома? Беги за бутылкой в магазин свой, сделай себе скидку.

Хромоножка. А у меня искрит иногда. По утрам, когда просыпаюсь. Я чувствую что-то такое. И когда с почтой бегаю — искрит. Я как бы чувю, что есть какой-то замысел для меня. Как волшебство чувствую.

Людмила. Ты про почту? Ты, типа, вестник такой? Вести людям разносишь? Волшебство. Вы необразованные и ленивые. Вот и все чудеса.

Нина. Я сегодня сижу утром, в окно смотрю...

Людмила. Пошла жара...

Нина. Я сегодня сижу утром, в окно смотрю. Там собака бежит.

Людмила. Чудеса.

Нина. Та вон, помните, овчарка была у нас, черненькая спина. Алиса звали.

Людмила. Она издохла в девяностые.

Нина. А вот бежит все равно. Точно она. Остановилась, смотрит на меня. Я испугалась, крикнула на нее, уходи, говорю, собака такая. Она убежала.

Людмила. Ой, мама, вы на нейролептиках сидите. Я вас не осуждаю. Тома, где бутылка?

Тамара заволновалась, напряглась, начала говорить.

Тамара. Люда, ты орать будешь... Я вчера утром сижу просто, в окошко смотрю. Приходит мне на телефон эсэмэска. Читаю, там пишут: хотите получить семь миллионов? Отправьте «да». Ну, я дура, что ли? Конечно, хочу. Отправила им: «да, очень хочу». А у меня потом с карточки все выщелкнулось. Вся получка исчезла.

Людмила (*закрывает лицо руками*). Тормознутая сестра.

Хромоножка. А семь миллионов не зачислились? Может, придут еще.

Людмила. Придут, конечно. Жди, Тома, теперь сигнал от бога.

Тамара сняла с головы полотенце.

Людмила. Я тебе интернет отрублю и телефон заберу. Сиди и смотри в окошко. На котиков. То вообще тебя уносит уже. Шок-контент просто.

Тамара. Сама ведь из интернета не вылазишь...

Людмила. Я в Фейсбуке! Там реальная жизнь. А у тебя — окошко.

Тамара. Я с дочками там переписываюсь же, они звонки не любят.

Людмила. Ты им по триста сообщений пишешь в день. А они тебе одно. В неделю.

Тамара. Не собирай хоть. Переписываемся каждый день. *(Помолчала.)* Ты что, читала?

Людмила. Нет, нашептали мне. Ангелы. У тебя же комп стоит включен всю жизнь, и страницы все открыты.

Тамара. Ну и что? Мне просто нравится писать им. Пусть не отвечают. Я им зато про свою жизнь рассказываю.

Людмила. Ты сочиняешь там такое, Тома... Это не жизнь. Это индийское кино. Родители себя так не ведут.

Тамара. Тебе не понять, Люда.

Тамара испугалась своих слов, принялась за кипяток. Помолчали.

Людмила. Ты бы если детей своих любила, Тома, они бы и писали тебе.

Тамара молчала.

Людмила. Если б Усик твой не умер, так бы ты и таскалась по деревне дальше. Всех бы мужиков собрала. Но вот умер. Сильно ты убивалась, я помню. Детей на тебя скинул, а сам умер. До петли довела.

Тамара молчала.

Тамара. Я не доводила, он сам так предпринял.

Людмила. Ага, предпринял. Предприниматель нашелся.

Тамара. Правда. Я не виновата.

Людмила. Ты всю деревню собрала? Может, в город выезжала? Жалела там всех?

Тамара. Что я тебе сделала?

Людмила махнула рукой. Замолчали.

Нина. Слышите?

Тамара. Что?

Прислушиваются.

Нина. Нет, ничего.

Помолчали.

Н и н а. Печет-то как.

Л ю д м и л а. Так что вы как шахидка укутались?

Н и н а. Дует потому что.

Л ю д м и л а (*выглядывает за крылечко*). Скоро солнце подберется, съест наш тенок.

Микола за ворота вышел и по дороге пошел, сечку из рук не выпускал. Хмурый шел и недовольный, камешки из сланцев вытряхивал. Узнал ворота знакомые, остановился и подошел к ним. На корточки сел, подумал крепко Микола. Решился и встал. Шалава уродская — он сказал. Перелез через ворота сбоку, прыгнул. Тишина стояла. Звериный ли крик, детский ли крик над землей вознесся. Потом выскочил Микола, как ошпаренный. На ворота посмотрел еще раз. П... (заикается) подохни, тварь, подохни тварь — он говорил. По дороге обратно так побежал Микола, что сланцы слетели с ног его. Остановился отдышаться, сечку кровоточащую в руке заметил. И выкинул сразу в лопухи, в канаву. Вернулся, сланцы подобрал и домой побежал Микола.

Все долго уже молчали, газетками обмахивались.

Х р о м о н о ж к а. А мои где родители? Я не знаю где.

Л ю д м и л а. Ты же коррекционная? Интернатовская, в смысле.

Х р о м о н о ж к а. Коррекционная. Мне даже нравится, что я одна с самого начала. Что нравится, то и делаю. Как птичка. (*Улыбнулась*.)

Л ю д м и л а. И что тебе нравится? Почту носить?

Х р о м о н о ж к а. А мне снятся родители зато. Какие-то кошмары. Они там огромные и толстые всегда, смеются и поджигают мне платье. Я их так не люблю. Но знаю, что это точно они.

В а л я. У Миколы были ожоги?

Х р о м о н о ж к а. Я вспыхиваю во сне, кричу. А потом тишина такая, и шаги. Я закрываю рот руками, и стук в окно. Такая вот смерть.

В а л я. Не бойся.

Х р о м о н о ж к а. Я не боюсь.

Замолчали. Хромя не уходила.

Л ю д м и л а. Я бы предложила выпить тебе, но моя сестра просрала свое состояние, а я расшибла последнюю бутылку

о кирпич. Потому что муж мой не помнит, когда мы поженились, а день рождения твоего сына помнит.

Валя. Люда...

Хромая глаза косые опустила, помолчала и заговорила.

Хромоножка. Обрюхатил меня пьяный, а я теперь мучиться должна, что ли? А мне теперь больно получилось из-за ребенка его.

Тамара. Кто... обрюхатил?

Хромоножка. Сижу теперь одна, капустку ем.

Валя достал из кармана шкалик, налил в стакан, хромой подвинул.

Хромоножка. Не трогай меня, не трогай меня.

Валя. Я не т... *(заикается)*.

Хромоножка. Ненавижу тебя, Валечка.

Замолчали.

Хромоножка. Я ведь Миколку в начале утопить хотела. Думаю, снесу на речку и все. Никому ведь дела все равно нет. В полотенце завернула, пришла. Положила на воду, а он лежит и не утопает. Я так испугалась, ничего себе, думаю, говно какое. А за речкой еще лес от зарева как горит будто. Я даже заплакала. Обратно его утащила. И полюбила вот сильно. Вчера полю огород, он пришел, смотрит. На грядке стоит. Я говорю: морковь же там посажена, уйди, говорю, отдубашу тебя. Он убежал. *(Помолчала.)* Он же как птичка. Его покормишь если, он поест, не покормишь — не поест. Птичка небесная... А вот все равно что-то не так я делала. Не пойму, как так он умер. *(Подумала.)* Если б вот, например, дали, как сказать-то, второй вот шанс, другую бы еще жизнь дали, я бы по-другому прожила. *(Улыбнулась.)* Жалко, что не дадут. *(Помолчала.)* Вот почта сейчас осталась у меня, таскаю. Ташу и ташу ее. Ташу и ташу... *(Подняла голову.)* А ты бы, Валя, как прожил бы, если бы еще тебе дали жизнь? *(Встала.)* Побегу я, еще надо отнести за речку успеть.

За столом замолчали.

Хромоножка. Странно так. Умер только Микола, а кажется, что вообще все закончилось и нет ничего больше на свете.

Хромая пошла к речке, за столом молчали.

Сел Микола в темноте на кровать высокую и плакать стал. Сильно и горько плакал Микола. Назад ему отмотать захотелось. Захотелось загрузиться с последнего сохранения. И кровь чтоб не пускать. Плакал Микола и руки свои экземные грыз. Один раз бы только отмотать дали ему и все. Он говорил: урод тупорылый, урод тупорылый. Себе так Микола говорил и на луну смотрел, луна потому что волшебница и вдруг это сон все тогда. Даже заснул Микола, а когда проснулся, вспомнил все. И сечку вспомнил, и кровь вспомнил. И зарыдал опять Микола горячими, крупными, проклятыми слезами.

Н и н а. Ненормальная какая, ребенка топить.
Л ю д м и л а. Лучше бы у тебя член все-таки отпал, Валя.

Валя вдруг зарыдал.

Валя. Я т... (заикается) тебя н... (заикается) ненавижу.

Все растерялись, испугались Валиных слез.

Валя. Это ты меня т... (заикается) таким сделала.

Л ю д м и л а. Это что, Валя?

Валя. Я трусливый никчемный урод.

Л ю д м и л а. Так это я виновата, что ты убогих насилуешь?

Валя (Нине). И т... (заикается) тебя тоже.

Н и н а. Сдурел, что ли?

Валя. Сука старая. Даже ты меня не любишь.

Н и н а (показывает на Людмилу). Ты с этой стервы на меня не переходи. Не путай говно с лопатой.

Л ю д м и л а. Правильно все он говорит. Никогда не любили. Он к нам бегал всегда, потому что вы били его.

Н и н а. Это называется воспитание.

Л ю д м и л а. Вы всех детей своих угробили.

Н и н а. Дети мои сами помирали. Потому что я их от брата двоюродного рожала. Это нормально в таких случаях.

Л ю д м и л а. Как свиньи.

Н и н а. Я средняя мать, но не такая стерва, как ты.

Л ю д м и л а. Не родит свинья бобра. Чему тут удивляться.

Валя. Чтоб ты сдохла, Людочка.

Л ю д м и л а. Чтоб ты сдох, Валечка.

Все замолчали, успокоились, на речку устались. Солнце двигалось и съедало тенек. Все уже сдвинулись, прижались в доме по узкой полоске тени.

Людмила. Газетку положи под ножку, рухнет стол сейчас.
Валя. Газетка нас уже не спасет.

Помолчали.

Валя. Я красивый и умный был. А ты стерва. Ты это все сделала. Я из-за тебя спился.

Людмила. А я из-за тебя тут сижу. А могла бы на Красной площади сидеть.

Валя. Ненавижу тебя.

Людмила. Ненавижу тебя.

Валя. Сука скандальная.

Людмила. Алкаш бесполезный.

Валя. Я тебя полюбил и поэтому слушал тебя, разинув рот.

Людмила. Я тебя полюбила, выучилась и похудела. А тебе косые нравятся.

Замолчали. Сидят тихонечко, на речку смотрят. Тихо заговорили.

Тамара. Оба виноваты, вы потому что злые.

Людмила. Заткнись, сука жирная.

Тамара. Сдохни, сестричка.

Людмила. Я тебя ненавижу, сестра.

Тамара. И я тебя, Люда. Правда. Честное слово.

Нина. И меня вы все ненавидите.

Людмила. Да, гнида старая.

Тамара. Да, сдохните тоже, Ниночка.

Людмила. Тупые, убогие свиньи, чтоб вы все сдохли.

Тамара. Да уж, поскорей бы.

Помолчали.

Людмила. Отожралась ты, Тома, на моем горбу.

Нина (*Людмиле*). Помнишь, одиннадцать лет назад я окрошки у тебя попросила. А ты сказала: хватит тебе. Никогда не забуду тебе. Сука.

Валя. Лысая п... (*заикается*).

Людмила (*передразнивает*). Пэ, пэ, пэ. Урод.

Тамара. Ты вампир, Люда.

Валя. И сосешь нашу кровь.

Л ю д м и л а. Потому что я не хочу умирать, мрази.

Помолчали.

Сидел Микола на кровати, ночь уже совсем комнату Миколину подбела, одни глаза его блестели в темноте. В окно заколотили сильно. Вскочил Микола и за ворота выбежал. Там парни стояли и девочки. Почуял Микола, что расправа пришла к нему за кровь, им пролитую. И девочка та стояла, и красный ее лоб, пораженный русской литературой. Этот пидор овчарку мою завалил — она сказала. Забежал за ворота Микола, закрылся. Чувствовал: бить пришли Миколу. По воротам тогда колошматить стали. Он кричал: отсекись, шалава тупая. Страшно Миколе, но сдался врагам, чтоб улицу всю не перебудить. Схватили Миколу и потащили подальше, к речке потащили. Девки и парни вели Миколу. За руки, под руки, в шею и за ноги. Микола в землю упирался, и пыль стояла великая. Он кричал: шлюхи дырявые, уроды дебилные. От тебя мочой воняет, ты че, обоссался, Микола — она сказала. К речке притащили уже почти, остановились вдруг, остолбенели вдруг. Там Валя-заика стоит, велосипед свой в речке моет. Испугались все, молчали. Тишина стояла великая. Ждали. Микола Вале-заике в глаза смотрит, а Валя — Миколе. То ли вода речная в глазах Валиных блестела, то ли слеза. Он говорил: а я все уже, ухожу почти, руки помою и ухожу уже. Забрал велосипед и ушел Валя. А Микола остался.

Т а м а р а. Ну и что, что толстая, ну и что, что не едят, ну и что, что дура. Мне не больно, курица довольна.

Л ю д м и л а. А может сядем в лодку и уплывем? А, Валечка? Ну, есть же искра в нас?

В а л я. Главное, не упустить свой шанс, Люда.

Т а м а р а. Я хочу быть богатой и знаменитой. И чтобы меня все любили и завидовали бы. Я заведу свой ютуб-канал.

Н и н а. Бред.

Л ю д м и л а. Бред.

Т а м а р а. Да.

Замолчали, на речку смотрели. Там не было ничего, никогда не было. Но сейчас вдруг солнце стало ярче, потом еще ярче. Совсем жара стала. Пекло на земле. Солнце огромное над речкой стало, даже глаза слепило и тени огромные на земле всей оставляло. Потом вспыхнуло солнце и дорожку на речке сделало. От берега к самому солнцу. Испугались

все, изо стола вышли. Жарко, но смотрят. Невыносимо, но оторваться нельзя. Блестит дорожка на речке.

Людмила. Это что еще за шок-контент?

Тамара. Дорожка будто какая-то?

Валя. По речке прямо — дорожка.

Людмила. Почему оно большое такое?

Тамара. Очень большое солнце. Не бывало такого.

Нина. Я же говорила про шарик, а вы...

Людмила. Это что получается, плюс шестьдесят семь, что ли?

Тамара. Как светится все.

Валя. А вокруг темно будто.

Тамара. Я же сказала, что писали про это.

Людмила. Как это все... Как это говорится-то?

Валя. К... *(заикается)* красиво.

Людмила. Да, это красота и есть.

Тамара. Я никогда такого не видела. Такого... как бы сказать-то...

Людмила. Такого прекрасного?

Тамара. Да.

Людмила. А если ближе подойти?

Нина. Страшно.

Тамара. Слишком непонятно.

Людмила. Такое разве может быть?

Валя. Никогда не может.

Людмила. Тогда что это, если не может?

Тамара. Как называется то, чего не может быть?

Людмила. Мы сгорим и все.

Тамара. Как спички вспыхнем.

Валя. Умрем все, наверно.

Тамара. А я че-то уже не хочу.

Людмила. Придется, Тома.

Нина взяла и побежала тихонечко к дорожке.

Микола с мучителями у речки стояли. Че делать с дебилом будем, дубасить или топить — они сказали. Дубасить и топить — они сказали. Окунули в воду тело Миколино и обратно на берег подняли. Почему ты ушел от меня, папа вонючий, почему ты ушел — он кричал. Вода речная с глаз Миколиных полилась, увидел

луну Микола, волшебницу. Она посветила ему и дорожку на воде показала. Рванулся Микола и побежал к ней. Испугались все и разбежались в ужасе. Так и кончилось все. И тишина стояла великая.

Недалеко Нина убежала, не хватило ей скорости. Поймали ее и обратно отвели, к столу. Смотрят на речку, а дорожка пропала. Нет ее больше. Солнце притихло, ветерок подул. Все за стол обратно сели.

Людмила сняла парик.

Т а м а р а. Все, что ли?

Л ю д м и л а. Что это было? Солнышкин удар, что ли?

Т а м а р а. Наверно.

Все молчали, голову вниз опустили.

Л ю д м и л а. Что это было?

Тишина.

Л ю д м и л а. Надо что-то с этим делать?

Тишина.

Л ю д м и л а. Что-то произошло? Что вы молчите? Изменилось что-то?

Тишина.

Л ю д м и л а. Домой пора. Че сидим тут. На работу завтра.

В а л я. Пойдемте.

Молчали, Тамара на солнце смотрела.

Л ю д м и л а (*Тамаре*). Че уселась, собирать давай со стола.

Тамара чашечки подвигала.

Л ю д м и л а. Валя, уведи Нину, помоги ей. Посади там у окошка в комнате, пускай смотрит.

Валя помог Нине встать, пошли потихоньку по крылечку.

В а л я. Вот так. Осторожно. Ногу поднимай. Вот так. Держись за перила.

Н и н а. Жалко дурака-то этого. Угробили парня. Бедный, бедный мальчик.

В а л я. Ноги выше поднимай.

Ушли В а л я и Н и н а в двери дома. Тамара так на чашечки и смотрела.

Т а м а р а. Люда...
Л ю д м и л а. Че опять?
Т а м а р а. Ты же грамотная, что это было?
Л ю д м и л а. Бог его знает.

Помолчали.

Т а м а р а. Люда...
Л ю д м и л а. Че опять?
Т а м а р а. А, может, все-таки есть искра?
Л ю д м и л а. Откуда я знаю, Тома.

Помолчали.

Л ю д м и л а. Ты че, плачешь, что ли? Может, и есть.
Т а м а р а. Я посчитала. Ну, дату смерти-то. У Миколы совпало.
Л ю д м и л а. Так че ты плачешь-то, Тома?
Т а м а р а. Не знаю, Люда.
Л ю д м и л а. Ну, меньше в туалет бегать будешь.
Т а м а р а. Люда...
Л ю д м и л а. Ну, что? Что?
Т а м а р а. А, может, все? Все закончилось, все исчезло и пусто
теперь на земле?
Л ю д м и л а. А, может, и так. Так всем и надо.
Т о м а. Люда...
Л ю д м и л а. Что, что, Тома?
Т а м а р а. Так непонятно все. Я так не люблю непонятное.
Л ю д м и л а. Что ты плачешь, Тома?

Людмила махнула рукой, чашки со стола собрала, домой понесла. Тамара сидела и тихонько плакала, не смогла пойти. Людмила чашки в мойку бросила, за компьютер села. Посидела немножко и выключила. Не могла смотреть. По комнате прошлась, у окошка села, смотрит. Дорога, котик рыжий. И тихо-тихо там. Невозможно тихо. Можно слышать только хромой шаг смерти: она подволакивает одну ногу на пустынной пыльной дороге. За стенкой Нина сидела и капусту жевала, в окошко смотрела. Невозможно тихо. Валя рядом сидел и тоже тихо молчал. В окошке дорога пыльная и небо. Невозможное. Тишина за окном. Даже рыдать невозможно. Только смотреть и смотреть вечно. На этот свет. Какой-то особенный тихий свет. Пустынный, непрощенный. И снова безмолвно тихий. А за речкой хромая стояла и слезы рукавом утирала. Плакала, что из-за ноги своей не успела. И вслух молилась, просила, чтобы еще раз дорожку показали, на пять минут только, один бы только шанс ей дали.

Конец

ВЗЛОМАННЫЙ

(Блог Экста)

Действующее лицо

Э к с т, выпускник вуза, видеоблогер.

Отголоски:

Б р а т.

О т е ц.

В и т я, друг Экста.

Голоса:

Первый голос из Скайпа — молодой писклявый голос.

Второй голос из Скайпа — старый надтреснутый голос.

Многоголосица.

Фон:

Комментаторы, подписота, друзья в соцсетях, фоловеры, ретвиттеры, пользователи видеохостинга и проч.

ВМЕСТО НАЧАЛА

Однокомнатная. Резиновый матрац на полу. Голые стены, на гвоздях бубны висят. Коллекция барабанов, то тут, то там, джембе, тамтам, у окна барабанная установка. Стол с ноутбуком, оттуда раздаются барабанные ритмы. Дверь в ванную, она закрыта, на двери матовое стекло, за ним тень танцует под ритмы. Ритмы из ноутбука. Барабанные ритмы. Напротив стола штатив с видеокамерой, за ней стена, белый задник, на нем приклеена куча всяких стикеров и мемов, а еще полотно экрана. На камере кнопка красная горит, запись идет, запись того, как тень танцует за стеклом. Ритмы усиливаются, трек слишком раскачался, в самый пиковый момент, когда тень подпрыгивает, в ноутбуке переключается песня: «Еще чуть-чуть и прямо в рай, и жизнь удалась, вона бьютифул лайф». Крик: «Эй? Это как сюда попало?»

Выбивает дверь ногой. Перед нами Э к с т, лысый парень, худой, без футболки, бледный, на груди татуировка «песочные часы». Волосы короткие. На руках перчатки по локоть, свечным воском покрыты. Воск

* Родился в Пермской области. Окончил ЕГТИ (семинар Н. Коляды), публиковался в журналах «Урал» и «Современная драматургия», в сборниках пьес Уральской школы драматургии. Живет и работает в Екатеринбурге.

теплый, стекая по перчаткам, застывает несорвавшимися каплями. Экст подходит к ноутбуку. «Не, ну блед, брядь! Ну как так-то? Он же позже был!»

Смотрит на перчатки, кликает мышью, снова включает ритмы. Видит, что попал в объектив камеры. Машет, улыбается. Пытается нажать на кнопку, выключить, не испачкав камеру, не получается. Пытается снять перчатки — не получается, слишком припотели. Снова пытается выключить, не выходит. Махнув рукой, уходит. Останавливается в дверях. «Хер с ним, начнем!»

Возвращается. Встает на белый фон, направляет камеру на себя и начинает монолог.

Запись 1

Экст. Привет! Приве-е-ет, босота-подписота! Это снова Экст! Сколько не видались? А? *(Начинает считать по пальцам, видит, что в перчатках, прячет руки.)* Черт! Перчи не скинул! Да, извините, что без фрака, но зато прикрыта срака! *(Пытается снять перчатки, не выходит.)* Только не спрашивайте: «Экст, а на хера тебе перчатки?» Что значит зачем? Это мой новый проект! Что за проект? Это сложно, скажем так, я давно не выкладывал видео, потому что попал в творческий тупик, так сказать, сбились ориентиры, или нет, вот так: цель пропала с радаров. Недавно я нашел новый путь, это чисто эксперимент и на него надо решиться, причем сегодня, ну и плюс рассчитаться с долгами, которые висят уже столько месяцев, вы ведь просто так не отстанете? Да и они тоже. Мы не виделись что-то вроде шести месяцев, да? Что я делал? Батарейки собирал, например. Я побрился, сделал татуировку, это все поиски себя. Ну, это все тот же проект. За шесть месяцев отвалилась половина подписчиков, я их, правда, другим словом называю. Да, не увидел я свои золотые десять тысяч подписотинцев. В общем, отписанты, будьте счастливы и горите в аду. Ладно, дальше я анонсирую! Анонсирую, пока никто не видит. Ха! Вот и прозвучала лучшая шутка, дальше их не будет *(Отдирает от задника все мемы, стикеры и цитаты, приклеенные к нему: вечное и утомленное лицо Дауни-младшего с закатившимися глазами, надпись «Цвет настроения — вставьте свое» и проч.)* Я не буду делать стримы, это стремно, не будет подкастов, обзоров, мата будет мало, засера звезд тоже не будет, и обмусоливание чужих инстапостов

не предполагается, и прочей шлакоты, короче, отписывайтесь. Вообще, этот выпуск — моя самоликвидация, видеокатапульта во внешний мир. Будет откровенно и скучно. Повторяю — отписывайтесь. Я надеюсь на пару десятков человек в конце, если останетесь, может, вы меня поймете? Только не думайте, что это уловка какая-то. Если останетесь, ну, тогда спасибо! *(Берет ножницы и разрезает перчатки. Уходит из кадра, пьет воду, барабанит на джембе пару рудиментов. Возвращается к камере.)*

Я недавно ел кусок хлеба, черного, горбушку. Знаете, натер его чесноком, посолил, как в детстве, начал есть, ум-м, вкуснятина! Но к концу кусок заплесневел прямо у меня в руках. Горечь! И мои воспоминания отравлены, теперь мне кажется, что в детстве я ел хлеб с плесенью. Понимаете? Нет-нет, погодите. Ха-ха! Это типа зашквар, да? Если так, то он не последний! Тогда давайте заново? Сначала. Наверное, лучше с детства начать? Ведь там в нас закладывают фундамент, а в кого-то тротилловую шашку. Правда, так на полчаса длиннее, похер, что терять-то? Терять нечего. Мы жили с родителями в шахтерском поселке. Из достопримечательностей у нас на отшибе стоял террикон с отработанной породой, говорят, он был горячий внутри, и если кто-нибудь на него залез, то провалился бы и сгорел в рудных отбросах, но мы вот ни разу не сгорели. Так-то весело было. Бабушка с дедом через дорогу жили, у них хозяйство, куча коров, покос летом. Не понос, а покос! Для городских, у которых гаджеты вместо рук: это когда ты берешь в руки не смартфон, а палку с железным наконечником, не для селфака, а косить. Заготавливаешь пищу для домашних животных, типа сено, сушеная трава. У нее сказочный запах! Помню его. Помню, отец берет вилами огромную копну сена, поднимает над головой, он без футболки, труха на его спине, а ему хоть бы что, он даже не чешется, у меня так никогда не получалось. Помню, я сам в первый раз попробовал закинуть копенку в кузов и пырнул брата вилами в зад.

Экст запускает слайд-шоу на ноутбуке. На экран выводятся фотографии. Старый ГАЗ шестьдесят шесть. Мальчишки с собаками. Затем Экст с граблями, его Брат с вилами и Отец, жующий соломинку, стоят на фоне копны сена.

Б р а т. Ты что творишь, рукожопый?

Э к с т. Извини, я не специально.

Б р а т. Какая разница? За случайно бьют. Сильно бьют, понял?

Э к с т. Да у меня рука соскочила. Извини! Сильно больно?

Б р а т. Соскочила? Вечно у тебя все соскакивает! Отец мне барабан купил, а ты его солдатиком порезал. Убей уже себя, а?

Э к с т. Да он...

Б р а т. Соскочил, да? Я в курсе. Меня-то отец научил на барабане играть, а ты рукожопый. «Соскочила». Теперь никогда не научишься!

Э к с т. Почему это?

Б р а т. Он сказал, рукожопых не будет учить.

Э к с т. А ты? А ты тогда виложопый, понял?

Б р а т. Иди сюда, упырюга!

О т е ц. Так, хлопцы, ей-бо, хватит визжать, а ты хватит стонать. Зачем брата травмишь?

Б р а т. Да он меня вилами пырнул!

Э к с т. Не пырнул, а пырнул!

Б р а т. Ты че, меня еще поправлять будешь? Башкой об стенку распластайся!

О т е ц. Почему тебя пырнули, а он ревет?

Б р а т. Вот у него и спрашивай! Я работать пошел.

О т е ц. Давай-давай, поактивнее, надо к ужину успеть. Хватит реветь, а? Как бабешка, ей-бо. Некогда страдать, работать надо.

Э к с т. А он... а он... а он...

О т е ц. Аонаонаон. Ты тоже хорош.

Э к с т. А он сказал, что ты меня на барабане никогда не научишь!

О т е ц. Ты его разрезал? Значит тебе не надо. Давай, стонать хорош, и с вилами прощайся. Грабли в руки и падаль собирай.

Экст выключает слайд-шоу, возвращается в кадр.

Э к с т. Я всегда хотел, чтобы отец говорил: «Смотрите, это мой сын идет!» Хоть с вилами, хоть с граблями, какая разница? Правда, после этого вилы мне в руки не давали, так и ходил с граблями, а в основном гулял с собаками. *(Смеется.)* Зашквар? Может быть, но с ними было легче найти общий язык. Вот к собаке я и веду! Бабушкину собаку звали Чара, а мне было шесть, я только в сказках о чарах слышал, а тут собака настоящая. Ча-ра. Она была необычная дворняга, у нее низ живота был иссиня-черный с запекшимся наростом и крапинками нормальной светлой кожи. Она всегда дышала тяжело и чаще всего лежа-

ла на камнях, причем выбирала самые горячие. Я спрашивал у взрослых, что с Чарой, а они говорили: «Да так, болячка». У меня к тому времени на коленях постоянно были зеленые коросты, я переболел ветрянкой, а однажды отец горлом бутылки выбил ядро фурункула из моей ягодицы, в общем, я знал, что такое болячка, и у Чары было явно что-то серьезнее. Вторую собаку звали Серый. Отгадайте, какого он был цвета? Это был Чарин щенок, который вымахал в три раза больше матери. Злой, агрессивный пес, как только видел кого-нибудь из нас, он ложился на живот и подползал к тебе мелкими шажками, виляя хвостом, особенно старательно к Чаре, к матери, к ней он это делал метров за пятнадцать. Болячка! Я ее каждый день разглядывал и чувствовал, как у меня щемит внутри, как будто грудная клетка растет вот тут, где солнечное сплетение. Не знаю, что это было за чувство, наверное, переживание что ли? Мне никогда не говорили, почему я плачу или смеюсь и почему щемит там, где солнышко. Я пытался разобраться, иссиня-черное пятно с белыми крапинками нормальной кожи было похоже на копию звездного неба, срисованную на собачий живот. Правда, знакомых созвездий там не было, какие-то жуткие сочетания. Сначала я боялся и тыкал ее в живот палкой, Чара жалобно скулила, а рядом лежал Серый и скулил еще жалобнее. Потом, осмелев, я начал трогать это место пальцем, и так каждый день я гладил собаке низ живота по этому черному наросту, высохшим соскам, а Чара благодарно лизала мне руки и, успокоившись, засыпала. Ей было легче, мне так казалось. Серый тыкался мордой мне в колено, смотрел с благодарностью...

Что? Что я несу? *(Смеется.)* Снова зашквар, да? Только не думайте, что я извращуга какой-то. Нас закидывали на копну сена в кузов и увозили, а собаки бежали следом, но в поселке всегда были раньше нас. Однажды Серый прибежал один, а Чары нигде не было, но что я тогда понимал? Дед сказал, что она потерялась в лесу, мы разошлись по домам, только Серый всю ночь выл и скреб землю, а на утро сорвался с катанки и убежал. Он вернулся к вечеру весь в глине, мокрый. Скуля, подполз ко мне, но вдруг так злобно зарычал, как никогда раньше, и снова умчался, а после этого он на всех кидался, лаял ночами и выл не останавливаясь, разорвал на куски соседскую кошку, ошпаренный какой-то, такой нескончаемый поток агрессии, как будто трубу прорвало. Как-то в выходной отец рано уехал

на рыбалку, а Серый в тот день куда-то пропал. Ничего я тогда не понимал! Когда я спрашивал о Чаре, что же у нее было, мне сказали: опухоль. Опухоль? Дедушка привез из Казани побег облепихи, и он разросся в огромное дерево, правда, приносил лишь десяток ягод. В нашем прохладном влажном климате с химвыводством неподалеку больше и не могло вырасти. Облепиха. Я к тому, что все детство потом путал эти слова: облепиха и опухоль. На дереве была опухоль, а у Чары облепиха. Мне сказали, что такое только у собак бывает. *(Смеется.)* Вы, наверное, сейчас говорите: «Ты что Экст, долбоящер? Про какие-то поглаживания собак и облепиху топишь». *(Смеется.)* Нет, я не конченный! Мне даже люди иногда звонят, девушки. Звонила мне тут одна сегодня, спрашивала, чем я занимаюсь в настоящее время. Что за вопрос вообще такой? Прошлое вот перевариваю каждый день. Ничем, говорю, видосы пилю. А? Что? Нет, со стримами завязал, видос досниму и все, завтра утром залью, посмотришь. Про что? Как всегда, про свою типа жизнь. Зачем? Я не знаю. Высказываться так полностью, правильно? Может я еще передумаю и все порежу на хрен, и вы ничего не увидите! Ладно, надо выбирать, теперь хочу вам ролик показать, с которого началось все! *(Включает ролик с ноутбука на экран задника, сам уходит с разрезанными перчатками в ванную, возвращается с коробкой, садится за барабанную установку и тихонько выстукивает ритм.)*

Запись записи. Видео Экста.

На экране появляется черно-белое изображение. Экст сидит за кухонным столом, глаза завязаны, на рот наклеен скотч с надписью «опасность».

Появляется черный экран с белыми титрами, как в немом фильме: «Подписота и неподписанты, вменяемые и неадекватны, сейчас перед вами впервые в сети произойдет необычный сеанс гипноза, причем Экст не произнесет ни звука, сделает это в абсолютной тишине».

Экст начинает качать головой и мычать, не соглашаясь с заявлением титров. Руки в резиновых перчатках снимают повязку, у него в глазах линзы «кошачье око».

Титры: «Э-э-э, а что не так?»

Он показывает глазами на ноутбук.

Титры: «А! Точно! Экст включит трек для лучшей усвояемости гипноза у внушаемого? Внушаемой? Вернее... А как лучше назвать?»

Ему развязывают руки, он делает пасы, и перед ним выбрасывают курицу, она нелепо машет крыльями, пугается, на стол падает помет, она приземляется в него, поскальзывается и пытается сбежать. Руки тут же протирают все, аккуратно сажают птицу и придерживают ее. Он смотрит на курицу, она смотрит на него несколько секунд, потом отворачивается и пытается уйти.

Титры: «Для гипноза необходима музыка».

Он выбирает на ноутбуке песню. Из динамиков слышно: «Черные глаза, вспоминаю, умираю. Черные глаза — я только о тебе мечтаю. Черные глаза — самые прекрасные, черные глаза, черные глаза».

Титры: «Любая курица гипнотизируется под эту песню. Проверено Экстом. Сейчас он заставит ее есть».

Появляется рука с печатью «ГОСТ» на экране. Экст под музыку начинает ритмично двигать плечами, смотрит на птицу, она на него.

Курица садится в позу несушки, собирает крылья.

Титры: «В финале гипноза он заставит курицу плакать».

Экст делает пасы руками, идет дым, когда он рассеивается, курица связанная лежит на столе. Он выключает песню, включает бой барабанов.

Экст в комнате ловит ритм из видео и начинает барабанить синхронно.

В видео Экст вынимает из-под стола яйцо и показывает его курице. Она вытягивает шею в его сторону. Он водит им вправо и влево, птица следует за ним взглядом. Тут он резко опускает его к столу, и курица закрывает глаза. Пауза. Она открывает глаза, в это время он бьет яйцом об угол, белок вперемешку с желтком течет по его рукам и столу. Курица смотрит на Экста, на стол, видно, как по куриному глазу бежит слеза.

Видео заканчивается.

Титры: «Не забудьте ставить лайки и колокольчики под единственным в мире сеансом куриного гипноза».

Запись 2

Экст продолжает тихо бить по барабанам, потом идет в кадр.

Экст. И вот эту пижню посмотрели три миллиона человек. (Смеется.) Хотя чему тут удивляться, если видео со вскрытием киндер сюрпризов смотрят сотни тысяч. Три миллиона, охереть! А вот, кстати, несколько древнейших, но лучших комментариев к этому древнему видео. Мазафакер 2004 пишет: «Это лучший видос на ютьюбе, у меня взорвалась башка, аффтар убей себя об стену». Мазафакер 2004 написал такое длинное предложение, ему наверняка мама помогала. Комментариев, на самом деле,

хоть жопой жуй, в основном это: «с таким видео пора выпилить-ся», или «автор жгет так, что пора бы уже сгореть», или «автор долбое*», это ж надо такое придумать» и еще куча высказываний, претендующих на остроумие. Очень много комментариев. Поэтому вопрос: какого хрена так мало подписчиков? Непонятно! Три миллиона просмотров. Владимир Гольцшmidt охерел бы от такого успеха. Он придумал это в тысяча девятьсот двенадцатом году, больше ста лет назад. Я думаю, что даже такой футурист жизни, как Гольцшmidt, выпилился бы из-за таких комментов. Ну, вы поняли? Я спи*дил его идею, снял видос и поднял три миллиона просмотров. *(Смеется.)* Д'Артаньян? Очень Д'Артаньян! Вы даже не представляете, сколько я поднял бабла с этого. Не очень много на самом деле. Да это неважно, роликов больше не будет! Ну их на хер! *(Экст садится к экрану, берет кружку чая, пьет в камеру, улыбается.)* Один человек задавался вопросом: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?» Если что, то я пью чай «Детство» *(показывает пачку.)* из китайских грибов. Он расслабляет, успокаивает, тонизирует, делает кости упругими, обостряет зрение, улучшает качество стула, подменяет понятия и... И держит в тонусе! Сойдет! Это были мои последние обязательства, продолжаем. *(Экст берет коробку, достает оттуда батарейки, начинает их разрезать и выковыривать содержимое на листок.)* Химически активные металлы — это то, что необходимо мне в новом проекте, мне показал это один друг, которого уже нет. Смотрите, у меня совсем не осталось подписчиков и совсем нет друзей. Понимаете? Они у меня закончились, как сигареты или вера в искренность, потому что... Да потому что всем насрать, что ты там думаешь и чувствуешь. Я хотел бы про одного друга рассказать, это важно для полноты картины, хотя опять ухожу от основной мысли. В общем, друг Витек, мы с ним родились в один день, только я на год старше. Ну и росли вместе в поселке, купаться там ходили, в лес еще. Рядом с нами в соседнем городе два химзавода стояли, метанол там всякий, и до сих пор они стоят, соревнуются, кто кого сильнее отравит. Там вокруг земля серая, а деревья черные, скрюченные, как будто ногтями вцепляются в эту впалую пустошь, а в тридцати километрах наш поселок, мир детства. Однажды мы шли из леса с Витьком и попали под дождь. Под оранжевые облака, не такие, как фанта, а такие грязно-рыжие, как первая вода из-под крана, если ее на пару

дней отключали. Вот такой дождь был. Мы до ям добежали, это такие сараи на холмах, доски оторвали, спрятались под крышу, но у нас все равно на следующий день волосы начали выпадать. Мне старший брат их руками выдирает, особо не напрягаясь, а Витьку отец. Он у него тогда только освободился, столько задора было, дергал волосы и радовался, как ребенок. Они начали расти через год понемногу. Что еще? Траванулись как-то чем-то вместе и на линейке в школе одновременно упали, только я в гимназии, а он в обычной школе, отлеживались несколько дней в соседних домах. Еще старшаки нас вместе дубасили, деньги забирали. Вот только в тринадцать его машина сбила, а меня нет. Я, кстати, машин до сих пор боюсь, скорости там, отец меня пытался учить вождению, да только я первую включу и еду, а он кричать начинает.

Экст включает слайд-шоу на ноутбуке. На экран выводятся фотографии: машины Нива, отца и Экста возле машины, отца с открытым капотом машины, отца под машиной с торчащими ногами и отца с Экстом внутри машины.

Отец. Теперь быстрее, на вторую переключай! Сцепление не жги, отпускаяй!

Экст. Мне и на первой нравится.

Отец. Давай, не тормози! Вон, смотри, сосед смотрит! Ты так, ей-бо, не научишься ездить!

Экст. Я ведь уже еду! Рывками, но еду.

Отец. Стой! Все, вылазь! Сцепление уже изнашивал, коробку дергаешь, как на сраном МАЗе, ей-бо, это же Нива. Ни-ва!

Экст переключает файл. На фото он и Витя гуляют по улице, сидят на дереве, идут вдоль дороги.

Экст. После этого папа меня за руль не сажал. А Витек умел, он отца бухого постоянно на моцике перемещал. Не суть. У нас поселок разбивается шоссе на две части. Полпоселка тут, полпоселка там, там еще за ж/д что-то было, но мы туда не ходили. Шоссе межгород, областная трасса, а мы на ней гудрон собирали, солнышко греет, он хорошо отдирается, прямо урожай, потом его в тени и в рот, советская жвачка, Витькин отец показал. Он много всяких штук знал. В общем, мы тогда на дороге этой и тусовались. Я пошел из лужи попить, оч хотелось. Если в воду плюнул и харчок расплывается, значит, вода чистая, пить можно,

это тоже лайфхак Витькиного бати. Я пью, Витька жёву готовит, слышу, прогудело что-то, жухнуло, поворачиваюсь, а Вити нет. Побежал посмотреть, он в кювете лежит, смотрю на трассу, а машины уже почти не видать. Видел, что красная, что классика какая-то, то ли шестерка, то ли копейка, я тогда не сёк, побежал к Витьке, а он встает и хоть бы что.

Экст переключает фото, на нем он держит Витю на руках.

Экст. Вить, ты как?

Витя. Вот гандон, а!

Экст. Я номер не заметил, вроде шестерка была или копейка.

Витя. Ты что, это девятка расточенная! Копейка бы рядом со мной валялась. Жёву будешь? Она, правда, в грязь упала.

Экст. Давай. У тебя что, башка пробита?

Витя. Херня. Пошли к дому.

Экст отключает слайд-шоу.

Экст. Он протягивает мне гудрон в глине. И я его домой веду. Идем, я гудрон жую, а он нет. У него челюсти болели и голова. Он когда жевал, у него начинала кровь капать. Мы подумали и решили жёву выкинуть, все равно уже не в прикол. В больнице сотряс определили, он полежал там, таблетки попил, короче, нормально. Через месяц уже в футбол гоняли. А пидора этого так и не нашли, ну, на классике который, классический пидор, сбил человека и домой покатыл. Сейчас бы, может, в большом городе пошумели из-за подобного, а тогда в деревне заглохло моментально, как мотоблок по весне. Что еще? Витьку пятнадцать было, а он уже успел с девчонкой побывать, причем она старше его была, а я тогда все единственную ждал, хм, долбо**. Так и не дождался. Мы, кстати, в это время забухали в первый раз.

Экст снова открывает файл. На фотографии Экст и Витька стоят по пояс в озере, на их головах кочки с мхом.

Витя. Батя постоянно этот бренди берет, к вечеру генералом становится. Становись, равняйся, вся херня. Давай, будем!

Экст. У меня отец всегда генералит, он же майор, а как выпьет, сразу обниматься лезет, как маршал.

Витя. А круто было бы, если бы твой отец за моим гонялся? Как будто в фильмаке каком с перестрелками, а мы такие

дружим, бухаем вместе. И умираем в один день от очередного выхлопа с завода или от какой-нибудь неизлечимой болезни.

Экст. От облепихи, например?

Витя. Ну да, быть кислым — та еще болезнь.

Экст. Это все круто, только мой отец ведь не гоняется, он на преступления ездит, улики ищет.

Витя. Тоска. Мой тоже в завязе, только вот по бренди угощает. Как бы его не понесло снова. Он мне штуку классную показал. Если внутренность у батарейки с карбидом смешать и попарить в канистре, ну как мы обычно херачим, то приход в два раза больше будет, еще свинца туда залить, он как дробина разлетается. Бомбища! Мы с ним зафигачили так одну, вообще мощь! Бочка на пять метров подлетела, приземлилась уже, как ромашка.

Экст. Круто. Весело вам?

Витя. Да ладно, зато твой рядом всегда. Что с барабаном, продвигается?

Экст. Да никак. Давай за то, чтобы все были здоровы!

Витя. Здоровы? Нам что, сорок? Давай, будем! Фу. Что-то назад просится! Круто! Наверное, вырвет, а?

Экст. Вырвет — это не модно! Ты знаешь, что синий кит по-английски блю вэл?

Витя. Вот мы сегодня будем блювэл по полной.

Экст. Ага, засиникитим себе штаны!

Витя. А может вечером и до Маринки ходим?

Экст. Не, это твоя тема.

Витя. Это тема всего поселка, балбес. Вливайся!

Экст. Я так не могу. Я жду. Давай еще по одной!

Витя. Ждет он. Так и останешься одуваном.

Экст. Если останусь одуваном, там меня будут поджидать сорок юных дев. За любовь!

Витя. Давай, у меня, кстати, по алкашке башка перестает болеть совсем!

Экст. Круто. Надо чаще накидываться.

Экст выключает слайд-шоу. Встает, уносит изготовленную примесь и мусор в ванную, возвращается и берет в руки теннисный мяч, бросает его в темную стену коридора, мяч отскакивает и возвращается к нему

в руки.

Экст. В тот вечер я засиникитил себе новые штаны. Мы еще два года потом футбол гоняли постоянно, нормально, только у него отиты всякие пошли, еще он с ватой в ухе ходил. Мы его «Витька в ухе вата» звали, только в одно слово — Витькавухевата — как индейца, ему нравилось. Он вообще тогда выделялся среди нас, худой, смуглый, вата в ухе, неудивительно, что Маринка запала на такого, даже молодого!

Экст бросает мяч в стену, тот больше не отскакивает, а улетает в темноту.

Экст. В семнадцать лет он ушел. А я зачем-то остался. У него тогда боли обострились, когда он в больницу попал, голову просветили, а у него там как будто теннисный мяч в голове застрял. Ему операцию стали делать, он уснул, чтобы больше не проснуться. Помню похороны. Его отца тогда уже снова посадили, мама сама все вывозила, мы помогали, ну так, по возможности. Еще мы с парнями гроб из поселка на кладбище несли на плечах, как взрослые, четыре километра. Я четвертым встал сзади, сбоку, на голову выше остальных. Помню Витька, когда он лежал, у него толстый шов был за ухом, как будто гусеница свернулась или электродом капнули, а из уха кусочек ватки торчал.

Прощай, верный друг Витькавухевата!

В общем, я несу гроб, а он всей тяжестью на меня давит, плечо режет, а еще идти в ногу неудобно, шаг у всех разный. Километр прошел, понял, что не могу больше, не могу больше нести своего лучшего друга, а тут как раз с горочки пошло, я давай ускоряться, за мной остальные притопили, и вся процессия как-то сама собой заторопилась. Даже елочки быстро стали с грузовика кидать. Традиция. Я потом такое же в фильме видел черно-белом, бегущие похороны, только в жизни не смешно. Сестра старшая у Витька вдруг остановилась и как закричит: «Почему все так быстро идут? Почему так быстро несут?» И я как последний кусок говна сказал, что тяжело ведь. Она заревела, Витина мама заревела, жена водителя грузовика заревела. Это такие слезы, через уже текущие слезы, когда плотину прорывает. Девятый вал, который добивает остатки пристани. Если бы мы остановились, отдохнули и поменяли руки, было бы легче, но было бы странно, поэтому мы продолжали его нести. Меня, правда, поменяли через метров двести на более достойного человека, но это еще не все мое падение. В этот день был

праздник в городе, День шахтера, хотя шахты у нас десять лет назад закрылись и ни одного шахтера в городе не осталось, все разъехались, но праздник отмечали каждый год, как будто так и надо. Я, сучья рожа, ходил по площади и собирал деньги на бутылку водки. Говорил, что потерял друга, мне подавали, я купил и напился в хлам, и засиникитил себе новые штаны. Никому не хотелось меня слушать, давали денег и тут же уходили, вот все решение проблемы. На, успокойся. Иди выпей. Такие дела. В общем, либо ты, как Серый, страдаешь, срываешься с катанки, рычишь на безразличие и как-нибудь утром тебя нет, либо ты сам как-то из этого говна выбираешься. Никто тебе руки не даст — сам лезь.

Экст включает барабанные ритмы, уходит в уборную. Тень начинает танцевать за стеклом ванной. Ритмы прерываются звонком Скайпа. Экст возвращается с мотками бикфордова шнура и зажигалкой.

Отвечает на звонок.

Первый голос из Скайпа. Здорово, Джи! Ты готов?

Экст. Да, привет, Кью. Я тут занят немного.

Первый голос из Скайпа. Отлично. Не буду отвлекать тогда. Старый просил узнать, а ты уже подготовился?

Экст. Почти, вот обращение записываю.

Первый голос из Скайпа. Отлично. Ты там много не сообщай. Мы потом сами все раскроем. Старый раскроет.

Экст. Ну, говорю, что накипело. Еще скажу то, что обсуждали на встречах. Короче то, что у тебя хохолок едва топорщится, не скажу!

Первый голос из Скайпа. Отлично. Нам всем нужно, чтобы ты отлично подготовился.

Экст. Я понял, понял. Готовлюсь!

Первый голос из Скайпа. Просто если ты не подготовишься или не успеешь подготовиться и ничего не получится, тогда и мы не сможем подготовиться, и обязательства наши тоже как бы аннулируются сразу. Понимаешь? Ну так Старый сказал.

Экст. Да все нормально. Заряды готовы. Фитиль сушится, вы мне мокрый подсунули. Отлично, нет?

Первый голос из Скайпа. Отлично. Пусть сушится, так легче транспортировать, вопросов меньше. Просто был случай, один брат не подготовился, не там встал, потом рано

начал, еще и нож маленький, договаривались на тесак, в итоге результата минимум. Пару человек зацепил, голову положил, а для семьи ничего не заработал. Мы тоже не смогли ему полностью помочь, он ведь со своей частью не справился, получается. Не подготовился. Так выходит?

Экст. Да я понял, надо подготовиться.

Первый голос из Скайпа. Хорошо, Джи, не нервничай, Джи. Готовься, брат! Да прибудет с тобой сила, брат! *(Отключается.)*

Экст. Джедаи хреновы! Он говорил про парня, я его видел в самом конце, за день, наверное, перед резней этой, никого рядом, как всегда. Вообще район у нас в этом плане горячий, работают со всеми. Находят, общаются, а кто-то вообще сам их нашел. *(Экст пьет воду, остаток выливает себе на темя, растирает по голове. Берет фитиль, поджигает, тот не загорается.)* Может, это знак? Хер его знает! Теперь главное! *(В камеру.)* Давайте, пишем главное! У меня отец не как у Витька, в смысле он не сидел. Нет! Но я его тоже почти не видел. Он в милиции работал, в советской, потом в нашей. И вот он рассказывал, что в восьмидесятых всего одно убийство произошло! Он экспертом-криминалистом был, отпечатки пальцев, фотографии с мест преступлений, в общем, как в сериале типа «След», только без крутого оборудования. «Зенит» на шее да порошки с кисточкой, вот и весь «След». В восьмидесятые всего одно в области, и органы со всего региона приехали, это прецедент был, валютчики курсом не сошлись, это была первая ласточка, а в девяностые полетели глухари косяком, стаями. Отец вообще с работы не вылезал, тогда уже видеокамеры пошли, они все на кассеты снимали и целыми днями мотались. Когда дежурство было, так вообще могли ночью с кровати поднять, ну и выпивал крепко, насмотришься, видимо, за день всякого, разрядка нужна. Придет папа домой пьяный, обниматься лезет, нужна ласка, любовь. Задавит, поборет, я бы и убежать рад, так он ведь уснет, его не поднять. Хорошо, что нас двое было, и каждому по очереди обнимашки доставались. Бывало, скучно дома, сидишь, папины кассеты с работы смотришь, а там либо фестиваль кетчупа, либо руки-ноги к потолку приколочены. Страшно поначалу было, потом старше стал, так весело. Не понимаю, что в голове у людей поменялось? Почему мы такие? В свободное время у папы всегда была сломана машина, и он ее

чинил. Иногда разрешал смотреть, как он ковыряется. Говорил, может, научишься чему-нибудь.

Помню, отец мне обидного леща дал! Так говорю, как будто есть необидные лещи, нет, просто тот был прямо проникающий! Я младший ребенок в семье, поэтому болезненно к своей собственности отношусь. Все подписываю, на свои места кладу, а отец ведь хозяин, собственник. В общем, он начал носить мои тапки, у меня нога уже больше, чем у него была, поэтому ему удобненько! Он с утра пораньше встает, и как в том анекдоте, в них расхаживает, а я, значит, без тапок ходи. Он, главное, свои порвал, а в моих рассекает. Молодец такой! Ну, я ему раз сказал, два, заявка сейчас на масштабное побоище, конечно, но нет, он никак не отреагировал. Вижу, он только злится и молчит. Один раз с утра вскакиваю, тапок нет, бегу ему сказать, а он уже на работу собрался, стоит в моих тапках такой и с мамой ругается, ну я ему под горячую руку и сказанул про тапки, сьмай, папка, типа того! Он мне леща как зарядил, я дальше спать пошел. Какие на хрен тапки, мир разрушился. Мы дня два не разговаривали, потом он все-таки извинился, но я тогда думал, что все, на всю жизнь обиделся, но это ведь такая ерунда на самом деле! Подумаешь, леща от отца получил. Витек вон, тот вообще пару лет со следом от пряжки на спине ходил, заживать не успевала. Хорошее ведь тоже было! Однажды отец навсегда стал для меня героем, он мне помог очень сильно! Если бы не он, не знаю, как бы я справился. С утра перед школой, класс восьмой, мама заставила какую-то тухлятину на завтрак съесть — тема из разряда «вот-вот испортится, а выкинуть жалко» — мой случай. Она у меня, естественно, не прижилась и быстро стала проситься наружу, в школу я приехал в состоянии спарринга с диареей, и я уже проигрывал по очкам. Бегу в туалет. У нас в школе был сказочный туалет, там нет перегородок, дверей, наверное, чтобы старшаки не курили. В туалете было два одиннадцатиклассника, они стояли в густом облаке табачного дыма и курили, аки призраки. Призраки моей диареи. Я сходил по-маленькому, на большее не решился. Пытался перетерпеть. Только диарея — это не та вещь, которую можно перетерпеть, тем более неподвижно сидя на уроке. На уроке мне несколько раз делали замечание, что я дергаюсь. Я отпросился и метнулся к фаянсовому другу, но с ним уже дружили, причем те же старшаки. Окно у них что ли? Я тогда всерьез думал, что существуют

бесконечные сигареты. Я опять поссал и мелкими шажками пошел к выходу. Старшаки стали переживать за мое здоровье. Один сказал: «Сышь, Леха? Что-то малой часто ссать ходит!» А второй говорит: «Ага, наверное, почки простудил! Малой, ты бы сходил в медпункт, а то бледный какой-то!» А первый ему: «А прикинь, он сейчас кони двинет? Че делать будем?» Ну второй говорит: «Ты дебил, да? Докурим да пойдем». И у меня их голоса до сих пор в голове крутятся. Один из них харкнул на пол и бычок в туалет смыл. В конце урока я снова попробовал туда попасть, но услышал, как эти мудаки до сих пор там ржут, даже заходить не стал, в срочном порядке решил бежать куда-нибудь на улицу. У меня уже тогда клапан открываться начал, но я добежал до гаражей и спрятался. И вот зима, уже рассвело, ходят люди, часто знакомые люди, а я смог спрятаться только с одной стороны. Все видно. Вот тогда у меня опустились руки. Вместе со штанами. Я не рассчитал с напором, испачкал брюки, вытерся снегом как смог, думаю, надо уходить, срочно, только решил вернуться и забрать ранец. Прихожу, а там уже урок всюю идет, зашел, сел, а меня, бл***, к доске вызвали. Стою, от меня за километр несет, рассказываю географию, что-то про масштабирование. Досидел этот адский урок, училка что-то разнюхала, что-то не так у меня, домой отпустила. Однопартница меня явно выкупила, я вышел на улицу и не знал, куда идти. До поселка, до дома шесть километров. Стыдно, стремно и непонятно, что делать, я в тот момент вообще решил больше в школу никогда не возвращаться. Решил идти к отцу, он тогда на дежурстве был, один. Пришел зареванный, все рассказал, а он даже не кричал, я думал, будет, а он не стал. Вымыл меня, передел, постирал. До этого и после никогда такого не было. Напоил чаем и никому ничего об этом не рассказывал. И мне велел. Только сейчас уже все это не работает. Вот такой у меня отец. Был. Я всегда хотел, чтобы он говорил: «Смотрите! Видите? Это мой сын!» Только как? С такими-то историями. А однопартница отсела от меня после этого насовсем. Так-то она красивая была. Все, приехали к финишу! *(Идет и бьет в барабаны.)*

Это я тут опять в жилетку уткнулся, а отец никогда не жаловался. Когда болеть начал, никому ничего не сказал, мама заметила не сразу, что он постоянно соду швыркает. Изжогой мучился, полгода ни слова от него. Знаете, когда заметили? Живот надулся, лицо побелело, а на дне глаз недуг скрылся,

пленочка такая страшная. Тогда начали по больницам ездить, но врачам пленочка не интересна, им факты нужны. У нас в городе больница — не самое популярное заведение, там даже анализы нельзя сдать, лаборатория закрылась лет десять назад, чтобы провериться, надо в другой город ехать. В нашем родном городе хорошо умирать, там химзаводы рядом, предприятий нет, муниципалка на ладан дышит. Олл инклюзив для ухода из жизни. Когда его проверяли, надо было быстро все делать, платно, очень платно. В другом городе был один центр подобный, «Центр красоты и здоровья», название говорит само за себя, больных людей тут быть не может. Разве чуть-чуть. У отца ничего не нашли, только подозрение на панкреатит, онкомаркеры ничего не показали, прописали капельницы, лекарства от панкреатита и, успокоив, отправили домой. Не переживайте, это точно не рак. Отправили его обратно в наш город, в олл инклюзив. Капельницы раздули этот рак за несколько недель. Дошло до того, что отец мог спать только сидя. И вот тут по закону жанра появляются старые друзья, или близкие краудфандингом собирают на заграничную операцию, а родная полиция отвозит на личном самолете почетного эксперта, майора и просто замечательного сотрудника. Только все эти истории видимо про каких-то других людей. Пока искали болезнь, опухоль его съела. В милицейской краевой больнице, куда ехать пять часов на машине, его по коридорам заставляли бегать из кабинета в кабинет. Никто не хотел и не понимал, что нужно человеку, а ему было нужно лечение, у них не было онколога в штате и к нему нужно было направление, а его не могли дать, так как не знали, а точно ли это опухоль. И он из последних сил бегал, повышая билирубин в своей ядовитой крови, растаскивая болезнь по всему организму. Помогли ему вообще в другой клинике, хирург по зрачкам увидел, как ему тяжело, пленочка и желтые белки, очевидно. Ему сделали зондирование, взяли биопсию, определили места поражения, стадию. Неоперабельно. Все было плохо. Давали четыре месяца. Очень-очень мало, но оказалось, что это очень оптимистично. *(Приносит из прихожей торт, достает из кармана пару свечей, втыкает их в корж.)*

У меня был день рождения, двадцать пять лет, через два месяца отцу было бы шестьдесят. Он еще немного ходил. Мы еще на что-то надеемся, я загадываю желание перед тортом и уходящим отцом. У нас такая установка была, вести себя

как ни в чем не бывало. Не знаю, правильно ли это, но я загадываю: хочу, чтобы папа выздоровел. Начинаю задувать свечи — я верил в этот момент, что все получится. Подобрал все свое дыхание, двадцать пять свечей, но подошла трехлетняя племянница и дунула вперед меня, задула одну свечку, захихикала и убежала. Я понял, что все потерял, свой единственный шанс я просрал, только что была надежда, и в одну секунду ничего не осталось, и еще я не знал, как теперь относиться к племяннице?

Экст зажигает свечи, смотрит, как плавится воск и капает на торт. Чуть прогорев, свечи начинают взрываться и разносят торт на куски.

Экст вытирает лицо.

Экст. Отец быстро слег. Когда я пытался с ним разговаривать, он мало отвечал. Да как обычно в принципе. Знаю про него лишь пару веселых историй, подслушанных на праздничных посиделках. Он любил говорить мне странные вещи, типа меня сегодня лизнула кошка и теперь в этом месте прыщ выскочил. Окей, папа! Может он так говорил, чтобы я от кошек держался подальше? Он любил слушать Высоцкого, особенно в одиночестве, чтобы ему никто не мешал. Я записал ему на плеер, отдал. Когда пришел снова, разряженный плеер лежал в стороне. Отец сказал, что ему не интересно. У Высоцкого есть песня «Скалолазка», а мама раньше занималась альпинизмом, думаю, раньше отец пел ее под гитару для мамы. Наверное, это их песня, наверное, я делал ему больно. Я записал ему «Машину времени», тоже одна из любимых групп. Отец сказал: «Убери этого хохла куда подальше». Это так странно. Принять какое-то чужое мнение, отказываться от того, что было дорого. Я решил, что это неподходящий момент для спора о свободе слова, о свободе высказываний. Решил попробовать фильмы. И он снова удивил меня, когда я записал для него подборку с Луи де Фюнесом и Жаном Маре, может, знаете? Про Фантомаса? Помню, раньше он смеялся, когда их смотрел. Отец категорично отказался, он откуда-то узнал, что Жан Маре гей, но ведь в фильмах этого нет. Почему? Вот так он открывался мне в последний момент, я увидел, что не понимаю в нем ничего. Я никак не мог помочь ему, сделать его счастливее. Не мог ему угодить. Всю жизнь старался, чтобы он меня заметил, и не смог. Не получилось. «Смотрите, это мой сын!»

И блог был для этого. Но теперь-то я нашел такой путь! Я долго уговаривал перевезти папу в хоспис, но родители держались до последнего, только когда ему понадобился профессиональный уход, они согласились ехать. Я повез его в больницу, мама работала. Водить я так и не умею, поэтому все объяснил и попросил знакомого, папу положили на заднем сидении. Я думал, что всю дорогу буду крепко держать его за руку. Хотелось его поддержать, но папа зажал мою руку на пару секунд, выпустил ее и отодвинул. Опять я остался не у дел. Когда мы ехали, долго молчали, и что-то громко звучало по радио. Заиграла песня «Бандерос». «Еще чуть-чуть и прямо в рай, и жизнь удалась, вона бьютифул лайф». *(Поворачивает камеру к уличному свету, идет к оконной раме.)* Я думаю о водителе с тех пор. Неужели он настолько далек от происходящего, что не понимает, насколько эта песня неуместна. Еще я понимаю, что ненавижу Бандерос, что они понятия не имеют, о чем они поют. Это одна сплошная пошлость и грязь. И я выбрал их. С ними тоже надо развязаться. Это будут именно они и те, кому они могут понравиться. Это будет и символично, и иронично, и идеально. К тому же они собираются для совместного концерта, со всеми старыми хитами и старыми участниками — красота. Звезды сходятся, я не должен быть в стороне. *(Возвращается к белому полотну экрана, уводит камеру.)* Когда я привез отца, мыл его полностью сам, всего, ноги, промежность, пах. Он попытался перевернуться, но не смог и устало выдохнул. Я хотел его успокоить: «Все в порядке, помнишь, ты тоже мне как-то помог?» Он резко остановил меня и сказал: «Да помню я, помню! Я ведь говорил тебе, никогда об этом».

Молчание.

Экст. Я спал под дверью, вдруг ему что-то понадобится. На следующий день его положили в хирургию, на обследование. Кресло-каталка. Он всю жизнь возил меня на машине, и вот теперь я везу его. Так странно. Скромный ответ. Он не мог переворачиваться и только слушал. Я один на один в палате с отцом, которого никогда не знал по-настоящему. Кто ты, папа? Рассказывал ему какие-то истории про брата, про родных. Сначала он улыбался, вспоминал эти истории, называл меня молодцом, врач хвалил его за реакцию, но на второй день он стал сердиться. Может, надо было придумывать новые, а не рас-

сказывать одни и те же? Я решился сказать: «Пап, я на барабанах научился играть! Сам!»

Молчание.

Экст. Пытался читать ему книги, но удивительно, что за какой бы текст я ни брался, всюду закрадывалась горбатая, сочилась из строчек, из любого темного угла книги смотрели ее глаза. На следующий день я включал ему на телефоне песни Челентано, он их любил, и было видно, что я в первый раз попал в точку, он расслабился, вытянулся, заулыбался. Тогда же произошла какая-то мистическая вещь: телефон лежал посередине тумбочки, но вдруг подскочил и упал на пол. До сих пор не понимаю, что это было. Дурной знак? Отец вторые сутки отказывался от еды, я побрил его и покормил через дозатор. Практически ничего не съел. Он просил меня знаками поставить на место его вставную челюсть, но я сразу не понял, что он хочет. Отец сказал последнюю фразу: «Ты совсем меня не понимаешь!» Я собрался его переодеть, а когда стал поднимать, его затрясло. Я побежал за врачом, вернулся, положил его на кровать. Он посмотрел на меня и улыбнулся, наверное, самой теплой своей улыбкой, я улыбнулся ему в ответ, но тут он посмотрел на меня с укором: что это ты тут заулыбался? Я растерялся, а папы в этот момент не стало. Из рта пошла черная струйка. Его голова запала у меня на руках. Я думал, это киношные приемы, в жизни такого нет. Вот так реальность добирается до человека, уводит за скобки. Я недавно гулял во дворе, и там папа с дочкой лепили снеговика, и девочка, маленькая еще, спросила отца: «Папа, а когда у нас будет все хорошо?» Он сказал, что не знает. А девочка сказала, что все будет хорошо, когда у снеговика руки зацветут. Ждем! Еще оказывается, что смерть — это не конец, надо ведь по инстанциям побегать, долго и упорно оформлять бумажки, отказываться от вскрытия и объяснять, почему, заказывать ритуальные услуги, бесконечно перечислять в разных кабинетах дату рождения и эту другую дату. Ждать, пока люди пообедают, решат свои дела. Что ты к ним со своей смертью ходишь? Подожди, посиди. Вас вызовут. *(Идет и стучит в барабаны, бьет сильно без ритма палочками по всем частям установки, смахивает установку на пол.)*

Снова звонит Скайп. Экст выключает камеру, отвечает на звонок.

Второй голос из Скайпа. Здравствуй, Рома!

Экст. А как же шифр?

Второй голос из Скайпа. Не хочется теперь называть тебя символом, ей-бо! Ты ведь живой человек, у тебя незаживающаяся рана! Да? Кью сказал, что ты стал сомневаться?

Экст. Может Кью и считает, что я сомневаюсь, но я ведь готовлюсь, настраиваюсь, зачем меня отвлекать?

Второй голос из Скайпа. Да, ты идешь верным путем, ей-бо! Просто надо помогать друг другу, мы ведь помогли тебе? Когда мы встретились, ты был в отчаянии, эти справки было так сложно получить.

Экст. Да, я помню, обязан, мы ведь решили! Сомнений у меня нет, просто я записываю обращение и немного занят.

Второй голос из Скайпа. Обращение — это правильно, чтобы он гордился тобой даже там, всем нам нужно обращение.

Экст. Вы мне фитили мокрые выдали, даже не знаю, как все пройдет.

Второй голос из Скайпа. Некоторые вещи тяжело достать в хорошем качестве, зато мы тебе подсказали про металлодетектор.

Экст. Да, спецпарафин не просвечивает рамка, я этого не знал. Фитили сушатся, все будет, как договаривались.

Второй голос из Скайпа. Отлично, если все пройдет нормально, никто не будет больше страдать и нуждаться, ты сможешь своим близким. Это верное решение. Ты все всем докажешь!

Экст. Да, я скажу об этом в записи.

Второй голос из Скайпа. Лучше об этом не распространяться, тогда мы не сможем помочь, вообще расскажи только личное, а вторую часть мы запишем сами, не переживай. Заканчивай скорее и выпишись, ей-бо! Завтра у нас последний, в смысле тяжелый день! *(Отключается.)*

Экст. Хорошо, Шаб, спасибо! За одно только «ей-бо», слушал с открытым ртом! Отключился? Сука, даже не дослушал! Ну и на хера? Говорю, что решил, а сам не знаю, как быть. Пустота такая внутри! Особенно тяжело, когда тебя только-только эмоция отпустила, ты расслабился, пробуешь дышать, и тут снова прибой, вот тогда дыхание перебивает, размазывает по стенам, рот

забывает, ноздри, грудь сжимает. Ничего сказать нельзя! А в напряжении тоже нельзя постоянно. Мышцы забиваются. Я пытался уйти от боли, ни разу не употреблял до этого, а тут грибов попробовал, выпил отвар, съел десятку и в клуб пошел. Не смог дойти, потому что дорога стала плавиться под ногами и разламываться, мне кажется, это должно быть прописано в законодательстве: «Дороги должны иметь такой класс прочности, чтобы они никогда не проваливались под ногами человека с магическим трипом». До клуба я не дошел, мозг пытался взять все под контроль, вещи ускользали, время несло, как ошпаренная лошадь, слишком сильно, шумно и цветно все разбегалось. Тогда я вернулся и стал смотреть телевизор, увидел в нем отражение, но там был не я, а мой отец. Отец лежал на диване и плакал, до этого я не видел, чтобы он когда-нибудь плакал. Потом все, я уснул. И короче это не выход! Легче не становится. Отец бы сейчас сказал: «Ищи знаки!»

Экст пробует зажечь фитиль, тот загорается с пары раз, горит, брызгая искрами, как бенгальский огонь, тухнет.

Экст. Сыровато еще, но можно попробовать!

Экст уходит в ванную. В темноте начинают самостоятельно стучать джембе, тамтамы, барабанная установка, лежащая на полу, бубны на стенах. Экст возвращается. Слышен хор голосов.

Многоголосица.

- Блювэл — это не глагол, это синий кит.
- Никогда никому не говори об этом!
- Меня разорвало!
- Соскочило, рукожопый!
- Аффтар, убей себя!
- Хорошо будет, когда у снеговика руки зацветут!
- Ей-бо!
- Это тема всего поселка! Вливайся!
- Еще чуть-чуть и прямо в рай, и жизнь удалась!
- Ты совсем меня не понимаешь!

Экст открывает окно. Дождь крупными каплями барабанит по подоконнику. Экст надевает на голый торс армейскую разгрузку с карманами. Экст говорит в камеру.

Экст. По идее все должно закончиться утром, но, возможно, планы поменялись! Последнюю вещь еще надо сказать. Я приехал домой после его ухода. Разбирал в гараже вещи, столько

всего осталось: литовка старая, станок токарный, резиновая лодка с заплатами, двустволка импортная, три бамбуковых удочки, ГАЗ шестьдесят шестой без документов, поменяли его на бочку спирта и ящик картошки, вилы-полуторки, грабли, куча ежедневников с чертежами бани — отец четыре построил, песенник с аккордами, подшивка «Сделай сам». В одном ежедневнике были даты рождения папиной рукой — мамин, брата и мой. Потом был список дел на других страницах: починить смеситель, вытянуть бампер на машине, окучить огород. Последней строкой было написано: дети. И в скобках: по пятнадцать минут на ребенка. И я согласен на эти пятнадцать минут! Хотя бы и пятнадцать! И что? Ничего! Я все жду, что он мне какой-нибудь знак подаст оттуда! Понять надо, что все-таки делать? Хотя все равно, все решено уже! Надеюсь, что я правильно рассчитал! Пока!

За стенкой залиvisto хохочет ребенок, Экст слышит, улыбается. В ванной начинается пожар, стекло становится оранжевым. Экст включает барабанные ритмы и уходит в ванную. Огненная тень танцует за стеклом, из-под дверей валит дым.

ВМЕСТО КОНЦА

Запись залита неизвестным пользователем через две недели. Она быстро набрала пять миллионов просмотров, и цифра продолжает расти. Запись до сих пор популярна. Вот необходимые комментарии, оставленные под видео пользователями видеохостинга.

Пользователь Барбарисный Джо. Ну ты и долбач! А че? Мог бы уйти поэффектнее! Больше жести! Как ему говорили? Башкой о стену!

Пользователь Пиромант. Автор жгет!

Пользователь Пирохинкал. Автор сжег!

Пользователь Мирина. А что обязательно синий кит было приплетать?

Пользователь Спартанец. Я бы его встретил, удавил бы. Придурук, из-за тебя целый дом сгорел!

Пользователь Правдодел—>Спартанцу. Вообще-то, прежде чем комментировать, неплохо было бы разобраться с фактами, хотя с таким ником вряд ли это случится. Вот ссылка на официальные СМИ: https://ria.ru/2019***/154? 4 (13.хтмл.

Здесь четко говорится, выяснилось, что выгорела только ванная комната Романа, все стены и швы были обработаны асбестом, взрывчатые вещества обнаружили под перевернутой ванной, которой он перегородил себе дверь, они вывезены и уничтожены. Не берусь судить его поступок, правильно это или нет, но лучше так, чем другой вариант.

Пользователь Кью. Ты не справился! Все аннулировано!

Пользователь Та самая. Я тебя не знала и жалею об этом, то, что ты говорил в видео, это все про меня. Облепила и опухоль, звезды на собачьем животе и главное. Спасибо тебе! Знаешь, мне кажется, я тебя люблю. Жаль, что тебя больше нет.

Конец

КОНЕЦ БЕРИИ

Действующие лица

Берия Лаврентий Павлович, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Маленкова и одновременно министр внутренних дел СССР.

Всеволод Меркулов, соратник Берии, приближенное лицо.

Рафаэль Саркисов, телохранитель Берии, доверенное лицо.

Первый охранник Берии.

Второй охранник Берии.

Флора, девушка, не замужем.

Михаил Гайдаренко, фельдъегерь, ненастоящий.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Особняк Берии. Первый и второй охранники стоят возле стены из Карельской березы. Сверху на стене лампочка, перекрашенная в зеленый цвет. Рядом с ними вазы на тумбочках. Первый охранник в который раз подходит к окну, смотрит на ночное небо. Второй охранник протирает ветошью золотые часы. Из-за стены раздается могучий храп.

Первый охранник. Месяц на убыль идет!

Второй охранник. Ага, на убой! Очередная примета?

Первый охранник. Двадцать первое, двадцать второе, двадцать третье июня — мы уже четвертые сутки без смены! Совсем уже оборзели! Да и тревожно как-то! Два дня назад в Германии такой же месяц был, как ниточка.

Второй охранник. Главное, живы ведь? Руки, ноги целы! Домой вернулись! Кто-то даже с часами! Лаврентий Павлович, спасибо ему, вон спит себе спокойно, только тебе все знаки мерещатся.

Первый охранник. У него мрачный вид! Я как спать, Германия мерещится, только будто по глазам ударили, все красное! Как вообще после такого спать можно?

Второй охранник. Они ведь сами эту возню начали с объединением! И хозяин просто на места всех поставил. Когда-нибудь внукам расскажу, что дважды до Берлина дошел!

Первый охранник. Сколько времени?

Второй охранник. Вот-вот полночь! Смотри, именные, «Вальтер Ланге» написано. Я как два дня назад завел в Германии, идет, все точно!

Первый охранник. Дай посмотреть? *(Берет часы.)* Отличные часы! Жаль, не всем достались! Да, только дата, смотри, не меняется, как было двадцать первое июня, так и осталось.

Второй охранник. Ты ведь сам отличиться не захотел! Может подкрутить что надо?

Первый охранник. У меня и так руки не отмываются! Второй раз колок дернешь, теперь дату менять, какое ставим? Пятое марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего! Великого вождя не стало! Вся страна рыдает! Кто же теперь будет руководить нами?

Второй охранник. Как будто ты не знаешь? Точно не поросенок!

Первый охранник. Отличные часы! *(Убирает в карман.)* Известно кто! С такой-то охраной!

Второй охранник. У хозяина иногда до сих пор слезы на глазах наворачиваются. Пятое марта! Сталина больше нет с нами! Да и я нет-нет переживаю! Эй, часы-то отдай!

Первый охранник. Какие часы?

Второй охранник. Которые только что взял! Пятое марта ставил!

Первый охранник. А, эти! Так ты, может, обронил где, не?

Второй охранник. Хватит тут Ваньку валять! Взял часы, отдавай!

Первый охранник. Слушай, ты, давай не кричи! Не буди лихо, пока тихо!

Второй охранник. Хватит мне зубы заговаривать, думаешь, я свои часы не сумею выбить, я таких, как ты, пополам рву!

Первый охранник. Тише-тише, разбудим, обоим хуже будет! Давай позже поговорим?

Второй охранник (*набрасывается на первого*). Давай часы, паскуда!

Охранники падают, возятся по полу, приставляют друг к другу оружие, бьют им по голове, дергают за кители, фуражки разлетаются в разные стороны.

Второй охранник. Сука, часы отдай! Мне подарили! (*Ногой толкает тумбочку, ваза разбивается.*)

Первый охранник. Ты что наделал-то? Стоило оно того, нет?

Второй охранник. Тише-тише, давай убираться! Часы потом заберу!

Начинают быстро убирать осколки. На стене загорается лампочка.

Первый охранник. Проснулся! Вызывает! Доволен?

Второй охранник. Отдал бы часы, все бы спокойно прошло, сам виноват!

Первый охранник. Вот тебе и месяц ниточкой! Оправься, погон торчит!

Поправляют кители, хлястики и ремни на оружии.

Второй охранник. Пошли, что ли, уже? Перед смертью не надышишься!

Открывают потайную стену из карельской березы, скрываются за ней.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет Берии, комфортабельный, большой, с огромным столом, кушеткой и мягким креслом. На столе две папки, писчая бумага, чернильницы, перьевые ручки. Еще стоят фрукты в вазе, самовар, графин вина, графин водки, набор посуды, рюмки, закуска. У окна стоит Лаврентий Павлович Берия. Входит Всеволод Меркулов.

Берия. Смелее, Сева! Что ты как не родной?

Меркулов. Лаврентий Павлович, я отчитался на заседании.

Берия. Обожди! Не гони лошадей! Садись-садись! Водочки будешь?

Меркулов расстегивает гимнастерку, Берия разливает по стопкам, подает Меркулову.

Берия. Водочка! Давненько не пил, но настроение такое, грех не пригубить. Не то чтобы я сдаваться собрался или руки опустил, но после Германии хочется выпить.

Меркулов. Конечно, Лаврентий Павлович, вы так много сделали, немного расслабиться вам необходимо!

Выпивают.

Берия. Теперь говори.

Меркулов. Я на заседании сделал отчет по вашей работе в Восточной Германии, как вы продиктовали, они были ошеломлены, если не напуганы, весь аппарат. Четко, оперативно, молниеносно!

Берия. Ну и достаточно, Сева!

Меркулов. Как это достаточно, не умаляйте своего значения, если бы не вы, неизвестно, во что бы этот якобы мирный протест вылился. Капиталистическая зараза проникает к нам даже на подошвах, вы поехали и загнали ее под ноготь, это быстрое реагирование на ситуацию, оно поражает!

Берия. Понимаешь, их цель мне понятна, и, возможно, это верный курс — объединить Германию, но сделать это надо по нашей инициативе, с нашими людьми, чтобы не утратить сферу влияния в регионе, а это требует постоянно держать руки на шее, эй, руку на пульсе, сейчас вообще у нас время высокого давления, Сева!

Меркулов. Поэтому я и говорю, хватит тени! Взять хотя бы Катынь: целая армия поляков под Смоленском, когда обстановка в Европе накалена, тут нужно столько воли! Если бы не вы, целая туча этой сволочи по стране разбежалась бы или вернулась в свои матрасы, это привело бы нас к неминуемой гибели.

Берия. Да, тогда бы тараканов не прусаки, а поляки называли!

Меркулов. Никита Сергеевич тогда на даче отсиживался, а вы все решали. И все молчат!

Берия. Это, Сева, будет выставлено в плохом свете, никто ведь не продумывает ситуацию на несколько шагов. Поэтому нам надо ее продумать, и Никита Сергеевич не должен в этой истории на даче отсиживаться, понимаешь? Он должен команду давать, я должен сомневаться, это же двадцать с лишним тысяч человек! Это огромные жертвы!

Меркулов. Это естественно, документально все подготовлено, и необходимость решения, и исполнители, но на Пленуме-то об этом можно напомнить! Вот смотрите, на двадцать шестое назначен Пленум, хотят услышать от вас все подробности о поездке в Германию и дальнейшие планы в регионе. Даже анонс уже в газете напечатан. Там можно и напомнить все ваши заслуги.

Берия берет газету и читает.

Берия. Ну что же, двадцать шестое так двадцать шестое! Это нам подходит. Главное не позже, чтобы у нас тоже были руки развязаны! Рассказать, утешить, успокоить и работать дальше! Смотри, на другой странице большими буквами заголовок «СИ-ФИЛИС» и потом маленькими, строчными — «и его лечение». Ну что это такое, Сева?

Меркулов. Это «Правда», Лаврентий Павлович!

Берия разливает еще по рюмке, рука дрожит, он разливает водку мимо стопок, Меркулов принимает из рук бутылку и разливает сам.

Берия. Рука стала дрожать, Сева, даже железо со временем гнется!

Меркулов. Это временная слабость, Лаврентий Павлович!

Берия. Вот тебе, Сева, правда, в это переломное время, когда нам оставили великое наследие! Нам необходимо его сохранить и приумножить! Что для этого нужно, Сева?

Меркулов. Может быть, уверенные и согласованные действия?

Берия. Нет, Сева! Сперва надо покаяться! Причем правильно это сделать! Времена, Сева, меняются! Надо измениться вместе с ними! Кто-то скажет, что это мэмэкрция, но это здравая необходимость!

Разливают еще по одной.

Меркулов. Главное, не выглядеть слишком безобидно!

Берия. Вот смотри, я Мегрельское дело выправил? Дело врачей выправил, а Мыкитка что сделал?

Меркулов. Амнистировал перекованных?

Берия. Настоял на амнистии! Причем контриков на Пленуме побоялись возвращать, а я говорил, всех надо возвращать! Посадить обратно всегда успеем! Пусть погуляют!

Меркулов. Точно, пусть на Москву посмотрят, вон как отстроили, не узнают, поди, теперь!

Берия. Нет, в Москву им рано, пусть сначала в областных центрах потрудятся, на благо народа!

Меркулов. Точно! Тем более работать научились!

Берия. Сразу всех разом, конечно, тоже не стоит, производство и добыча не должны останавливаться, но постепенно в три-четыре этапа можно перевести все на другие рельсы. Будут потом люди ездить туда как на работу, добровольно-принудительно, да за большую деньгу, всесоюзная признательность еще!

Меркулов. И вправду, если всех выпустить разом, может такой цирк начаться, страшно представить!

Берия. Все, болос, пора кончать со страхом!

Берия разливает водку по рюмкам, по столу.

Меркулов. Лаврентий Павлович, мне уже хватит, вечером плановые мероприятия, ваши установки.

Берия. Давай тогда вина выпьем? Домашнее, Сева! Самолетом доставили из дома!

Меркулов. Давайте, понизим планку!

Берия (*шепотом*). Я в последнее время спать не могу, пока водки не выпью! Нервы шалят что ли? Сны расползаются. Мне сегодня ночью приснилось, что я командую отрядом, идет облава фашистов, дождь, темнота, а еще там мой родительский дом, только половина его. Отправляю солдата на поиски второй половины дома, а он говорит, что его продали.

Меркулов. Разве такое может быть, куда она делась?

Берия. Солдат мне говорит, что полдома хозяин продал, что-бы я учился. Это так давно было, да и теперь я думаю, стоило ли? В одном окне свет горел, и по нему постоянно из пулеметов транслирующими снарядами стреляли, а он горел.

Меркулов. Свет в окне — это ведь надежда, тем более, горит, что бы ни случилось!

Берия. А потом подбежали солдаты и отчитались об успешно проведенной операции, передали мне красную кнопку, я нажал, и взлетела в небо ракета с полотнищем, как у Сталина! Огромное развевающееся полотно! Салют.

Меркулов. Это ведь сон о нашей победе!

Берия. Потом ко мне подбежал солдат, а у него лицо Ленина, молодого и безбородого. Солдат Ульянов вручает мне орден Ленина за отлично проведенную операцию, а я не понимаю, зачем!

Меркулов. Как? Это ведь очередной почетный знак!

Берия. Хватило бы и одного, никто их потом считать не будет! Потом стали взрывать снаряды, и появились автоматные очереди, все, кто были рядом, стали падать, и я упал, а свет... Свет в доме погас.

Меркулов. Думаю, что это усталость, после поездки. Просто отдохнуть надо.

Берия. Главное, почему автоматная очередь? Кто стреляет? Непонятно! Представляешь? Я уже спать практически перестал! Вот пробовал в обед уснуть, так мне грузовик приснился, а из-под него ноги торчат. Я их вытаскиваю, а там только половина тела. Она мне говорит: меня не здесь не стало, меня на другой улице не стало. Я вообще в гости шел. И ноги пошли в темную подворотню, а грузовик сам, без водителя поехал! Что думаешь?

Меркулов. Только отдых! Или отвлечься! Может, девушку вам организовать?

Берия. Ты что, Сева, покой нам только снится! Если я сейчас хотя бы день отдохну, мы с тобой потом всю оставшуюся жизнь где-нибудь за стенкой проведем, в лучшем случае. Надо действовать! (*Шепотом.*) Сталин допустил вещи, непростительные никому! По его прямому указанию или с его согласия были действительно совершены страшные преступления, и не следует искать оправдания Сталину, как это делают некоторые товарищи! Надо обратиться к народу, чем быстрее, тем лучше!

Меркулов. Может быть, не стоит так резко, а как-то постепенно надо это все говорить?

Берия. Без откровенного разговора никак, Сева! Хватит прятать скелеты в шкафу! Задача не в том, чтобы сразу же публично сокрушить культ личности или дискредитировать его в глазах народа. Начинать надо с нас, со всех членов Президиума ЦК. Мы отчитаемся, вскроем ошибочность курса партии и послушаем, что скажет съезд. Только надо будет прикрыть тылы, обеспечить танковую поддержку и настаивать на своем!

Меркулов. Страшно даже представить, что дальше!

Берия. Надо держать руку на пульсе! А дальше, Сева, все в наших руках! Пятичасовой рабочий день, представляешь?

Не жизнь, а сказка! Хватит из народа соки выжимать, пусть весь мир завидует, как у нас коммунисты живут!

Меркулов. Это точно! Наши люди теперь за пять часов могут пятилетку устроить! Работать научились!

Берия. Надо начинать проводить уже национальную политику! Нормальную! Порядочную! Поставить на руководящие должности местное население, проверенных людей, а то так будет продолжаться, лет через двадцать-тридцать такой костер разгорится, деда не горюй!

Меркулов. Это правильно, Лаврентий Павлович! Гениально!

Берия. Гениев, Сева, не бывает! Их выдумали для сравнения! На всех влияют обстановка и условия!

Меркулов. Но вы ведь столько всего сделали, добились, и сколько еще сделаете! Атомная бомба, техническое задание всего на двух листочках было, а вы так организовали все, что люди поняли ответственность момента и сделали настолько оперативно, что даже американцы были ошарашены!

Берия. Я могу сказать так же про тебя: что ты гениальный помощник, что у меня гениальные ординарцы, что в СССР гениальный народ! Но это все проще должно быть! Не воспринимать как гениальность, а так же, как пустяк — как зарю, как доигравшую музыку! И жить! Жить дальше!

Меркулов. Точнее, не как доигравшую музыку, а как до сих пор не заигравшую в полную силу, Лаврентий Павлович!

Берия. Да что говорить, впрягаемся и пашем! Вот взять хотя бы ордена!

Меркулов. Какие ордена? *(Хватается за карманы кителя.)*

Берия. Новые, Сева! Ордена культуры, союзные и республиканские ордена!

Меркулов. Не совсем понимаю, для какой категории людей?

Берия. Для любого, кто в регионе отличится, будь ты интеллигент, театрал, рабочий, заслужил — получай орден!

Меркулов. Ордена могут быть, допустим, чьего-то имени?

Берия. Именно! Например, орден Низами!

Меркулов. Или орден Алишера Навои у узбеков!

Берия. Точно! Это поднимет и укрепит национальное достоинство и дух конкретно взятой республики! А нам нужны сильные регионы! Нам нужна поддержка на местах! Так постепенно негативный налет слетит под натиском ветра развития!

Особенный стук в дверь. Входит Рафаэль Саркисов.

Саркисов. Лаврентий Павлович, вам почта и три приглашения на вечер!

Берия. Давай, Рафаэль! Ты организовал вечер? Все будет готово?

Саркисов. Прорабатываем, Лаврентий Павлович, практически все устроено. Все будет!

Берия. Отлично, Рафаэль! (*Поет.*) Га-а-али¹, тебе не хочется покоя! Га-а-али, как хорошо на свете жить! (*Берет со стола две папки.*) Саркисов, вот тебе две папки, этих надо проработать до вечера, а этих устроить вместо проработанных! Если будут какие-то перегибы, сообщаешь и решим!

Саркисов. Есть! Разрешите идти?

Берия. Идите! (*Рассматривает письма и приглашения.*) Поразительно, как люди могут так долго держаться за возможность, питать надежды, ведь многих из этих людей уже много лет как не существует, а письма идут и идут, а, Сева? Чем я могу им помочь? Это же не я виноват, что их нет, я просто выполнял установку партии!

Меркулов. А Саркисов, он ведь с вами еще с Грузии работает, да?

Берия. Да, мы с ним с самого начала!

Меркулов. Кажется, он тоже устает.

Берия. Ничего, через три дня все сделаем и вздохнем свободно! Надо потерпеть!

Меркулов. Надо бы еще бдительность не потерять! На всякий случай я его проверю!

Берия. Нет! Нет необходимости! Мы с ним слишком сильно повязаны, чтобы он вдруг наделал глупостей! Приглашение от Жукова, успеется! От Мыкиты, вот его я точно сегодня видеть не хочу! Мыкита, везде побрито!

Меркулов. Точно, он же лысый! Ха-ха! (*Говорит тише обычного.*) Лаврентий Павлович, может, пора уже о деле поговорить?

Берия (*говорит намного тише*). Дивизии готовы?

Меркулов. Так точно! Московскую дивизию с завтрашнего дня отправляют на учения в Беларусь! У ЦК не остается защиты в городе.

¹ Мама (груз.).

Берия. Вот и отлично, а Жуков тут, у нас под боком будет! Тоже хорошо!

Меркулов. Да, в городе еще Москаленко!

Берия. Этот давно проработан и не опасен! После пленума начинаем операцию, к двадцать седьмому все должно быть готово! Сева, а не желаешь ли ты перед большими делами, так сказать, отобедать?

Меркулов. Я уже обедал, но, кажется, уже опять голоден! После вас!

Берия. Здоровый метабулизм, Сева, в СССР никто не отменял!

Уходят, закрывают за собой тяжелую дверь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Охранники стоят на своем посту, первый охранник поет песню, второй охранник полирует часы, крутит ими на цепочке.

Первый охранник (*поет*).

Лед прошел, и Волга вскрылась,

Золотой мой, золотой!

Я девчонка, я влюбилась,

Не пускай меня домой!

(*Второму охраннику.*) Видел, какую краплю Саркисов сегодня нарыл?

Второй охранник. Да, шикарная, только недотрога, видать!

Первый охранник. Барышня!

Второй охранник. Как это говорится? Цельномудрена с ног до головы!

Первый охранник. Ничего, хозяин и не таких уговаривал!

Второй охранник. Лучше, когда Саркисов легче девочек выбирает, таких и домой можно проводить, и тоже достанется!

Первый охранник. Зато с такой он сразу лет пять скинет. Может, сегодня в казарму раньше отпустят?

Второй охранник. Вообще не понимаю, что я в охранку полез? Сидел бы себе спокойно в деревне, в поле на тракторе попахивал.

Первый охранник. Мне больше нравилось, когда мы с футлярами от музыкальных инструментов ходили. Матери гово-

рил, что в музыканты заделался, такая счастливая была! Сейчас что говорить, непонятно.

Второй охранник. Скажи, слух испортил, в ушах теперь стреляет постоянно. Ха-ха-ха!

Первый охранник. А ты погон пришей! Как баран стоишь, в часы свои уперся. В золотые!

Второй охранник. У хозяина мрачный вид сегодня! Можно маску снимать!

Первый охранник. Ты свой вид видел? Тебе как будто горбатая на плечи села!

Второй охранник. Тш-ш, слышишь шорохи какие-то?

Первый охранник. Это у тебя живот от вина шорохается!

Второй охранник. Кажись, идут!

Первый охранник. Соберись, оправься! Погон поправь!

Охранники приводят внешний вид в порядок. Вытягиваются в струну, которая вот-вот лопнет.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Входят Берия и Саркисов. У Лаврентия Павловича в руках портфель.

Саркисов. Лаврентий Павлович, вас уже давно ожидают.

Первый охранник. Барышня!

Берия. Это хорошо, когда кто-нибудь тебя ждет! Все в порядке? Как настрой?

Саркисов. Настроена отлично! Осматривал врач, все в порядке!

Берия. Послушай, Рафаэль. Список, который ты составлял, ты его уничтожь! Я решил, что хватит этим заниматься. Слишком много свидетельниц, ты их сначала проработай... Кстати, по поводу молчания, — с бюджетом не скупись, а потом разберись со списком! Хватит! Надо себя в руки брать!

Саркисов. Как скажете, Лаврентий Павлович! Флору вносить в список, который надо будет уничтожить?

Берия. Флора? Красивое имя! Нет-нет, все уничтожайте! Вот вам еще одна папка (достаёт папку из портфеля). Этих людей к двадцать седьмому в городе быть не должно. Действуйте!

Саркисов. Понял, Лаврентий Павлович! Будет сделано. Был звонок от Штази, обещали оперативную почту с Германии, говорят,

обстановка поменялась, требуется консультация по смене кадров, по дальнейшему развитию событий, вопросы по объединению, ожидается доставка фельдгегерем. Разрешите принять?

Берия. Разрешаю. *(Открывает секретную панель в стене и скрывается в кабинете.)*

Саркисов подходит к первому охраннику, осматривает. Качает головой. Подходит ко второму охраннику.

Саркисов. Погон, поправь! Спал, что ли?

Второй охранник. Никак нет!

Саркисов. Никак нет? Может, никак да? Так, слушайте сюда, через два часа будет звонок в дверь, пойдете оба, один открывает дверь, второй контролирует, надо еще проверить, что там за фельдгегерь приедет. Пакеты не вскрывать, дождетесь, когда хозяин освободится, потом передадите. Что там у вас, личные вещи на посту?

Второй охранник. Никак нет, уставное! Горох с пайка. Солдатское золото!

Саркисов. Чтобы три дня без всяких выкрутасов, как штыки стояли. Бдить, понятно?

Саркисов уходит.

Первый охранник. Что-то не нравится мне сегодняшняя вахта!

Второй охранник. У него мрачный вид!

Первый охранник. Да и у него тоже. *(Показывает на дверь.)*

Второй охранник. У тебя тоже как будто горбатая на плечах сидит!

Первый охранник. А ты погон поправь!

Из-за стены раздаются механические голоса немецкого радиоприемника.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Берия бесшумно входит в гостиную. Флора стоит у окна и смотрит на корку луны в небе. Иногда Флора дует на окно, как на свечку. В гостиной просторно, богато. Мрамор. Плотные шторы. Канделябры.

Берия по-змеиному смотрит на фигуру девушки.

Берия. Что вы делаете с моим окном?

Флора. Ничего!

Берия. Я видел, вы подавали какие-то знаки! Вы шпионка?

Флора молчит.

Берия. Знаете, сколько у нас в стране срок за шпионаж? Какая статья?

Флора. Знаю!

Берия (*смотрит в папку*). Ох, так у вас есть контры в семье? (*Смеется.*) Ну, расслабьтесь, я пошутил! Это ведь все поправимо! Не грустите! Ничего не бойтесь! Я вам помогу!

Флора. Мне не нужно!

Берия. Подойдите!

Флора. Мне хорошо у окна. Тут теплее. У вас в кабинете прохладно.

Берия. Я не привык говорить два раза!

Флора подходит к Берии, опустив голову. Берия целует Флору в лоб, снимает итальянский пиджак, сшитый портным Фурманом в Петрограде, надевает его на плечи девушке. Включает немецкий проигрыватель.

Берия. Можешь меня не бояться! У страха глаза велики! Твои твеилби намного больше страха! Больше ледышки, которую ты хотела задуть.

Флора молчит, уходит к окну.

Берия. Мне представили тебя как Флору, это настоящее имя?

Флора. Нет!

Берия. А как же вас называть, каришкхали?² (*Смотрит в папку.*) Аннета? Тебя зовут, как мою сестру? Только она глухонемая! Хотя из тебя тоже слова лишнего не вытянешь! Ну почему же ты так холодна? Я все исполню, все, что хочешь! Улыбнись!

Флора. У вас ворот на рубашке задрался!

Берия поправляет ворот.

Берия. Ну что Флора, повеселимся?

Флора. Я еще не готова.

Берия. Ты готова, Флора! Ты танцуешь лезгинку?

Флора. Нет, я не умею! Ни разу не танцевала!

Берия выключает проигрыватель, ставит пластинку на патефон, играет быстрая кавказская мелодия.

² Сердце (груз.).

Берия. Танцуй, Флора! Как умеешь! Танцуй!

Флора стоит неподвижно.

Берия. Танцуй, Флора! (*Читает в папке.*) Ради Юрия Викторовича, находящегося в исправительном учреждении, ради Марты Александровны, матери, ради Олега Юрьевича, брата! Ради себя, Флора! Танцуй!

Флора пытается повторить то, что когда-то видела в кино. Расставляет руки в стороны, вертит пышной юбкой. Горячится. Танцует все быстрее и быстрее. У нее даже начинает получаться. Берия хлопает в ладоши. Распалается. Снимает рубашку. Стоит в одних брюках, живот бессовестно торчит наружу, обнимая талию штанов. Волосатая грудь и спина, с сединой. Шерсть торчит в разные стороны, особенно на плечах. Руки дряблые, со свисающими мышцами, руки когда-то могучего человека. Берия видит, что Флора запыхалась. Останавливает музыку.

Берия. А говоришь, что не умеешь! Ха-ха-ха! Глаза бояться, а руки делают! Не бойся больше, не трону тебя, не переживай, ты мне сестру напомнила! Смотри, два букета на фортепьяно стоят. Будешь уходить, возьми белый, тебя проводят до дома, если нужно помощь, то все сделают. Не переживай!

Флора молчит, отвернулась, пытается отдышаться.

Берия. Только черный не бери! Плохо будет, до дома можешь не дойти. Мало радости от такого букета. Устал я, Флора! Мне надо отдохнуть! Помоги мне!

Флора молчит.

Берия. Ха-ха-ха, молодец! Вот ты лезгинку не умеешь танцевать, а танцуешь! И вот я так же, не умею зло делать людям, а делаю. Это жернов такой, попал на обод и катишься. Историческое колесо, которое движется смертью и кровью! Особенно в начале пути, это сейчас система заработала, и колесо будет само двигаться. Теперь нужно восстанавливать то, что разрушено. Ну! Ну иди же сюда!

Флора. Разве что-то можно восстановить?

Берия. Обожди! Ты думаешь, я монстр? А я вот тебе подарок сделаю!

Берия достает из стола коробочку. Флора механически берет коробку, Берия открывает и достает содержимое: пышные позолоченные кисти со знамени.

Берия. Это очень важные кисточки. Когда тело Ленина из Мавзолея секретно в Тюмень вывозили, это все я организовывал, план мероприятий, даты, перемещения людей, пароли, операции, а за все это время Ленину только френчи меняли, остальное все хранилось с первой операции, в том числе и знамя. Так вот эти кисточки с того знамени! Оттуда! Были изъяты у караульного, глупец, нашел, на что позариться, обезьяна! А обратно ведь не пришьешь. Возьмите, на долгую память от меня, от Лаврентия Павловича Берии.

Флора молчит, ни один мускул не дрогнул.

Берия. Саркисов, бичий сын³, сказал, что все готово! Ты что, не понимаешь, кто я? Я будущий вождь, ты, у тебя все будет, будешь в мехах ходить, в шубах, в меду будешь, вино пить будешь! Мы через три дня переворот сделаем, у тебя все будет! Обещаю тебе! Иди сюда!

Берия набрасывается на Флору, идет борьба, девушка вырывается и дает ему пощечину. Берия держится за щеку, отталкивает Флору, она падает на кушетку, Берия начинает расстегивать ремень. В доме раздается звонок, нервный, повторяется несколько раз.

Берия. Саркисов говорил, что должна быть почта с фельдъегерем.

Берия подходит к окну, внимательно изучает окрестности. Флора прячется за кушетку.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Первый охранник поет песню. Второй слушает часы.

Первый охранник (*noem*).

За Уралом живет плотник
Золотой мой, золотой!
За окном лежит покойник,
Он ничейный, значит, мой!

Второй охранник. Когда будем силой комитет брать и тебя вдруг пристрелят случайно, я тебя выручу!

Первый охранник. Это почему, интересно, меня пристрелят?

³Прелестница (груз.).

Второй охранник. Потому что форма лица у тебя так и просит пулю, я тогда за твоей бабешкой приударю, ты не против?

Первый охранник. Если только часы подаришь!

Второй охранник. Да, видимо, Вальтер Ланге себе фуфло какое-то приобрел, тикать перестали, стрелка не двигается.

Первый охранник. Ты им, наверное, кукушку снес, когда чудеса боевой подготовки показывал.

Раздается звонок в дверь, охранники соскакивают со своих мест.

Первый охранник. Наверное, фельдъегерь пришел, Саркисов ведь говорил!

Второй охранник. Ага, говорил, посмотрим, что это за фельдъегерь, а сам сразу же домой уехал.

Первый охранник. Так у него указания от хозяина, попробуй не сделай! Ну, пошли посмотрим, что ли?

Первый охранник смотрит в глазок.

Голос из-за двери. Срочное донесение, Лаврентию Павловичу. Вам должны были звонить, диппакет из Германии!

Первый охранник открывает дверь. Его прошивает очередь из автомата. Он хватается за кровоточащее отверстие между пуговиц кителя и заваливается навзничь. Второй охранник пытается убежать, но раздается вторая очередь, повернувшись на пол-оборота, он заваливается на свои ноги, падает и сворачивается в комок. Второй охранник засыпает мертвым сном. Его погон окостенел и топорщится.

Часы Вальтера Ланге лежат рядом и не идут.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Берия. Почему очереди? Откуда? Где Саркисов? Где охрана? Это все эта бичи, где она? Это ведь ты знаки в окно подавала! Где ты?

Берия обходит комнату. Несколько раз нажимает на кнопку, ничего не происходит. Хватается за телефоны, гудков нет, молчание. Бежит и смотрит в окно. Оттуда резкий свет прожекторов бьет по глазам. Слышен рев танков на улице. Трассирующая пулеметная очередь красивыми, яркими пятнами укладывается на стене особняка. Берия бежит и открывает футляр контрабаса, но там пусто. Лезет рукой в портфель, но не находит то, что хотел, вытряхивает содержимое портфеля на пол. Растаскивает по полу кипу бумаг. В кабинет заходит

Михаил Гайдаренко, огромный мужчина с бородой до груди и автоматом в руках. Он подходит к Берии, тот опускается на пол.

Берия. Пстой! Не надо! Зачем очереди? Давай будем решать! Что ты хочешь? От кого ты? От Мыкиты? Мы договоримся, слышишь?

Михаил Гайдаренко снимает ремень своего плаща, обхватывает шею Берии, тот проглатывает последнюю фразу, начинает задыхаться. Гайдаренко тащит Берию к выходу, они скрываются через дверь в сад.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Гайдаренко ставит Лаврентия Павловича Берию к высокой стенке крыльца.

Берия. Мы можем все исправить! Слышишь? Начнем делать великое дело! Я тебе помогу! Кто ты? У тебя есть репрессированные? Отец? Брат? Мы вытащим твоего брата!

Михаил Гайдаренко. Вспоминай, ты только вступил на должность наркома вместо Ежова, лично расследовал дело валютчика Литвина.

Берия. Литвин ваш брат? Но я пришел после, это все сделал Ежов.

Михаил Гайдаренко. Нет, ты допрашивал моего брата, Павла, ему срезали пуговицы с брюк, он стоял перед тобой и держал штаны!

Берия. Это стандартная процедура, так всем делают, чтобы арестованные не причинили себе и окружающим вреда, это старый устав. Он дремучий, я его не поддерживаю.

Гайдаренко достает нож и срезает Берии ремень и пуговицы брюк. Берия поддерживает брюки руками, стоит у стенки.

Михаил Гайдаренко. Ты издевался над ним, ехидничал, твой сатрапы подходили к нему со спины и пугали его, кто был с тобой?

Берия. Я не помню никакого Павла!

Михаил Гайдаренко. Кто проводил с тобой допросы?

Берия. Кобулов, Богдан Кобулов.

Михаил Гайдаренко. Огромная и бестолковая сволочь? Где он сейчас, знаешь?

Берия. На задании! Готовит операцию! Они в течение десяти минут будут здесь, тебе лучше уйти!

Михаил Гайдаренко. Тем хуже для них! Когда ты понял, что мой брат ничего не знает про Литвиненко, ты отдал ему фрукты со стола, человеку, который несколько месяцев ел только хлеб и рыбную тюрю.

Берия. Это хороший поступок, Павел сказал правду, и я сделал ему добро!

Михаил Гайдаренко. Он не донес фрукты до камеры, их отобрали охранники и выбили ему зубы.

Берия. Это не моя инициатива, негодяи есть везде, при чем тут я?

Михаил Гайдаренко. Он сказал, что не знает причину задержания, почему его бьют и не дают связаться с близкими. Ты обещал ему помочь, обещал, что его выпустят!

Берия. Если я обещал, его должны были выпустить, если нет, значит это ошибка! Только скажи, мы его вернем! Твой брат будет с тобой! Лучшая клиника, все восстановим!

Михаил Гайдаренко. Моего брата не довели до лагеря и сгноили в Колымских лесах.

Берия. Светлое имя! Его оправдают, восстановят в правах, к семье будут по-другому относиться. Скажи только слово!

Михаил Гайдаренко. Ты скажи! Последнее! Быстро, ну!

Берия. Все было бы по-другому! Я хотел изменений! Я не враг!

Очередь прошивает Берию, стену крыльца, летит в небо, в обмылок луны. У Берии падают штаны, затем падает сам хозяин. Михаил Гайдаренко садится на труп Лаврентия Павловича Берии и закуривает.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Флора после очереди выползает из-под кушетки, тихо подходит к окну, смотрит на улицу, в небо, на кусок луны.

Флора. Господи! Спасена! Надо бежать! Бежать отсюда!

Флора убегает и прикрывает дверь, но через несколько секунд возвращается. Она подходит к пианино, берет белый букет и бесшумно покидает гостиную Берии.

Конец

Я И МОИ СОБАКИ

Монолог при счастливой жизни

Действующее лицо

М а р и н а

Г о л о с. Давайте по порядку.

М а р и н а. Впервые за два года у меня был настоящий, качественный, чувственный поход в ресторан. И так, платье будет опять белое, в подружках невесты пускай Наташа теперь. Ибо на свидание он пришел с цветами. Фотография прилагается.

Предложила Егору переехать к нам. Спасибо Петькиному папе — квартира большая. Кстати, от стеллажа в большой комнате я бы избавилась уже, громоздкий, много места занимает. Егор пока не соглашается. В смысле не стеллаж, конечно, выкидывать, а переезжать. Не думаю, что боится. Просто... Просто я все еще не могу поверить своему счастью! Нет, он точно не боится, раз не испугался завести отношения с матерью двоих не очень замечательных детей с собакой на каждого. Понимает — всякое в жизни бывает.

В понедельник у нас прорвало трубу. Пришел слесарь, а он такой своеобразный очень. Четвертый раз женат и дети по всем городам. Завидный жених, видать. Пришел, сел в ванну в позу лотоса, посидел, помычал, побряхтел и сказал: «Ссыт». Я и мои собаки были в шоке. Не от того, что ссыт, хотя слово и грубоватое, а от лотоса. А потом слесарь вообще начал говорить про деньги. Не люблю я таких тем. Позвонила Егору, он поржал над моей беспомощностью, приехал и все сделал. Люблю. Потом кино смотрели, не запомнила какое и об чем.

Переехал. Дети пока в лагере и в неведении. Вот такой сюрприз. Не скажут же, что мама с ума сошла? Да он им нравится,

* Родилась, живет и работает в Екатеринбурге. Публиковалась в журнале «Урал» и сборниках пьес Уральской школы драматургии.

я знаю. Лично я никогда не была в лагере. Шумно слишком. Надеюсь, это не считается вот сейчас, что я проецирую на них свою нереализацию, или как это называется? Надо почитать литературу по такому поводу. А стеллаж мы выкинули.

Осознание факта новой жизни для детей прошло без проблем. Сюрприз удался, молодец мама! Петька маленький и поэтому просто рад, что появился мужчина, который его поймет и правдоподобно изобразит войнушку или самолетики, не знаю уж, во что они там играют. Мужчины. С дочкой сложнее. Все-таки возраст такой. Она Петькиного папу за своего тоже считает, а своего не видела и не увидит. Фотография прилагается. Развод — это непросто и, думаю, тихо и мирно обоюдно — это редкий случай. Почему когда люди вместе живут, создают семью, все так гладко, хорошо, все конфетно-букетно? Ну не без перца, и все же любовь. Но стоит подойти к завершению отношений, и понеслась!..

Г о л о с. Это точно важно?

М а р и н а (*продолжает*). ...Оскорбления, унижения, подлянки и в конце — чужие люди друг другу. Сколько людей годами возьмется в прошлом, выискивая за болью боль, каждый раз переживают по новой выстраданное расставание, а бывшие давно устроились под новым боком и живут полноценной жизнью. Неужели в этом счастье — заниматься самоедством и упрекать в том, что персонаж, для которого вы не стали любовью всей его жизни, испортил вам все, сделав другой выбор? Абсолютно каждый принадлежит только себе, а, значит, быть счастливым здесь и сейчас или заложником выстраданного прошлого только дело личное, конечно. В общем, не думаю, что для нее Егор — это большая травма.

У дочи увлечение есть — музыка. Нет, она не дурацкая, конечно, но я просто классику не очень люблю. Сядет за свое (перешедшее по наследству от меня) пианино и туда-сюда классику гоняет. Фотография прилагается. Попробовала бы джаз. Я бы подпеть даже могла. Я ей и предлагала. Такое личико изобразила, что ладно, пускай дальше свое это скучное играет. Может еще вырастет, осознает. Осознает, никуда не денется. А что я в ее возрасте? Я в ее возрасте мечтала готом стать. И даже волосы в черный покрасила. Ну как — черный... с синим отливом получились. Но так даже интереснее и интригующее. Что нам —

тем готам, еще надо было? Внимание привлекали. А моя... нет, ей внимания особо и не надо...

Г о л о с. Дальше можно пропустить.

М а р и н а *(продолжает)*. ...Правильно. Главное — внутренняя работа. Надеюсь, она насмотрелась на меня и мечтает выйти замуж за хорошего человека.

Егор сам предложил, чтобы его квартиру сдавали, а денежку в семью. У меня теперь снова настоящая семья. И денежка эта кстати. Моя любимая работа не очень благодарна в плане денег, но сутки пропадать заставляет. Детям веселее будет. У Егора нормальная, среднестатистическая работа с восемью тридцати до семнадцати ноль-ноль. Хотя что по ночам без меня веселиться? Пускай спят. Надо сказать Егору, чтоб смотрел, чтоб в телефонах своих не засиживались.

Хотели детей в цирк повести, но вспомнили, что сцены с дрессированными животными всю охоту отбивают. Эти измученные дикие зверюшки проходят через все круги ада и ломаются под гнетом человека. Только прошу, не надо рассказывать о том, как на самом деле их любят и отборным мясом кормят, и вообще они рождаются в клетках и для них это все норма. Чтобы зверь принял вас за авторитет, ему нужно показать свою силу. Через насилие добиваются подчинений и выполнения команд. Так Егор сказал. Зрелищнее видеть достижения и возможности людей! Вот вчера приехали замечательные костюмчики моим собакам — тигренка и обезьянки. Фотография прилагается.

Всей семьей ходили в зоопарк. Собаки в обновках, как раз к случаю. Идиллия. Мне было, правда, немного скучно. Животных я и на работе вижу — свиней, козлов, коров, ослов, пару овец... А всем остальным было так очень весело. Особенно с сахарной ватой. Конечно, им за фигурой и зубами еще рано следить. Фотография прилагается.

Егор сказал, что он мой муж.

Работа, работа, работа, работа, много работы.

Две наши собаки боятся Егора. По ящику идет передача, где приходят звериные психологи и все психическое состояние животного по полочкам раскладывают, исправляют. Был похожий случай. Сделали все как там. Он покатался с собаками на автобусах, чтоб те научились доверять. Фотография прилагается. Не помогло. Видимо, йорки почувствовали, что Егор врет, и у него есть машина. Мол, что вы нам какой-то вонючий

автобус подсовываете, мы декоративная порода собак на секундочку. Да понятно, что ревнуют просто. Ну а что поделывать? Жизнь — сложная штука. Пускай привыкают.

Есть люди принципиально несчастные от того, что они дошли до такой степени душевной усталости или неряшливости, когда каждое усилие воли становится почти физической болью. Быть несчастным легко. Счастье же, как все прекрасное, дается с трудом.

Г о л о с. То есть такими суждениями вы хотите сказать...

М а р и н а (*продолжает*). ...Я редкий человек, у кого все наоборот. Мой день никогда не начинается с вопросов и нытья: как же жить? мне сложно утром вставать! как же тяжело! я устала! все плохо! Именно мы задаем себе жизненный ритм! Именно от нас зависит, насколько счастливая, легкая и беззаботная будет жизнь. Бывает ли мне плохо? Нет! Как справиться с депрессией? А что это? Голова болит? А если внимательней прислушаться к себе...? Может, просто кому-то нужно внимание, и единственный способ — это пожаловаться на все. Я наслаждаюсь каждым днем и редкий случай, когда могу позволить себе инфантилизм или разрешу лени быть хозяйкой на пару дней. Да.

Мама устала. Такое бывает раз в месяц. Сына к бабушке (хотя бабушка хотела бы видеть меня, посмотреть в глаза и поговорить за душу). Дочку с мужем в кино. Собак под замок. Наташку к себе в гости на пару часиков. А потом и саму себя в ванну с пенкой можно... И с бокалом вина, если после Наташки останется.

Пришла как всегда веселая Наташа. Фотография прилагается. Слушали Земфиру и Мумий Тролля... Наташка вообще сказала, что «мы слушали их до того, как это стало мейнстримом». Пили армянское вино, потому что Наташка сейчас официантка в армянском ресторане. О том, что она могла бы быть хорошим экономистом, а не вот это вот все, я ей, конечно, не говорю. Главное, чему научил ее общепит: «Чужая шуба — не одежда, чужой мужчина — не надежда». А ведь она у меня красивая, и вот такая фигня с ней происходит. Когда пьяная Наташка уходила, она сказала: «Марина... красавица... не страшно?» К чему это вообще? Моя любимая пьяница. Фотография прилагается. Мне вот реально такие «подруги» не совсем понятны. То есть пока ты одна, то готова и дружить, и рядом быть, и обмениваться какой-то инфой (так устроен человек — без общения никуда), а как появился потенциальный партнер, так можно на время

забить на дружбу, а то и вовсе исчезнуть до первой проблемы. Как-то эгоистично это все! Дружба не должна стоять на последнем месте. К тому же кто, как не друг, будет помогать зализывать тебе раны любви израненного сердца? Получается, пользуешься дружескими отношениями только когда выгодно тебе. Но так не бывает, всегда приходит конец таким отношениям... И не научившись ценить чужие чувства, будешь всю жизнь размениваться на мелочи. Не всех людей можно пускать в свою душу, а лишь тех, кто этого достоин (кто может ее осветлить как-то, а не нагадить в нее). Что касается пользы, то ее можно извлекать из отношений со всеми людьми, какими бы они ни были. Пользу! Но не удовольствие...

Г о л о с. Опять нить мысли путается.

М а р и н а (*продолжает*). ...Не нужно ждать от некоторых людей больше того, на что они способны. Давать им ничего не нужно. Не надо метать бисер перед теми, кто его топчет. Искать необходимо таких людей, которые подходят для тех отношений, на которые вы рассчитываете и в которых нуждаетесь. И главное, надо быть взаимно нужным. Во всем нужна гармония.

Купили мужу собаку. Такого же моего любимого йоркширского терьера. Чтоб мальчик не обижался, что его не любят. Надеюсь, другие насмотрятся на новенькую и тоже Егора уже наконец примут. Ревнивицы. Может она потом третьему карапузу перейдет? Кого я обманываю. Это все мои собаки. Дома стало еще веселее. Фотография прилагается.

Если я не могу уснуть, то не могу уснуть. Вроде и спать хочется, и надо, но... Особенно если надо, то точно не могу. Попью, открою форточку, послушаю соседей, сопение, а потом храп мужчины под боком, дам под дых мужчине и продолжу слушать сопение, подумаю, что вообще-то все хорошо. И все это с закрытыми глазами. И все у нас правда хорошо. Мне цветы дарят. Но уснуть не могу. Первые полтора часа просто лежу, думаю. Думаю о том, в каком порядке и что буду делать утром при условии, что не выплусь, вспоминаю, что надо сделать на работе, купить в магазине и что надо придумать, как праздновать сынин день рождения, хоть он и через месяц. Через полтора часа мысли начнут путаться, а здоровый сон Егора — раздражать. Не люблю быть злой. Поэтому залажу в телефон. Смотрю, сколько стоит такси до работы, чтобы поехать сейчас, чтобы отработать сейчас, если уж все равно не сплю, а домой

пораньше, к семье, к собакам, к телевизору в конце концов. Пролитаю новостные ленты, вряд ли поржу, но прокомментирую. Начну сердиться еще больше, потому что мало друзей онлайн. Конечно, все спят, суки...

Голос цокает.

М а р и н а (*продолжает*). ...А те, кто не спит — в других часовых поясах. Видимо, мысленно и я где-то не тут. Не люблю быть злой. Это как-то неестественно... Хотя, если случается, значит, вполне себе естественно, да? Нашла рецепт успокаивающего чая перед сном (запах покупных меня изначально раздражает): девять грамм цветков ромашки, шесть грамм корня валерианы, пятнадцать штук плодов тмина. Измельчить. Залить полулитрами кипятка. Настоять. И вуаля! Вы — настоящая чародейка, сыпьте себе в лицо сонной пылью... Если буду мало спать — потолстею. Если, конечно, мало спать не из-за Егора. С Егором я готова не спать ночами напролет. Двойко получилось. Скажу прямо — я имела в виду ниточку в иголочку. Но в последнее время он устает на работе. Все болезни от нервов, а вот от чего я не сплю — непонятно.

Третья несколько дней болела. С другими собаками такого раньше не было. Как бы не заразились. Мы ей имя-то еще до конца не выбрали. То ли Бусинка, то ли Пуговка. Стонет, еле ходит, не ест, не пьет. Вызывали ветеринара. Приехала малолетняя девочка-цветочек, серьезно покачала головой, содрала три тысячи рублей. Стерва и наверняка дрянь. Жалко. И Егора очень жалко. Егору очень грустно... Но приняли решение усыпить. Ну а что с ней делать? И она мучается, и мы мучаемся, когда смотрим на это. Подождали, пока дети лягут спать, вызвали круглосуточную ветеринарку. Егор спустился у подъезда ждать, чтобы домофоном не разбудили. На этот раз приехали два рослых Васи. Сделали укол, накрыли простынкой в коридоре и уехали, взяв деньги, конечно.

Даже если вы уже слышите шорох своих крыльев, а нимб освещает вам дорогу, то это не значит, что за вами нет косяков. С того момента, как осудили, вы начинаете падать в ту же яму, а гордыня, которая вас ослепила, еще и бетонной плитой сверху придавит. В общем, сидим с Егором на кухне в полумраке. Пьем водку. Поминаем и успокаиваемся. Я думаю о том, что это все значит. Ну, кошки там как-то на себя смерть переманивают.

А собаки что? Я вообще-то не суеверная, но... И тут я под ноги смотрю, а там она стоит, хвостом машет... Таких круглых глаз у Егора я никогда не видела... В общем, детей все-таки разбудили. Точнее, разбудила. Я. Своим криком. Собака абсолютно здоровая. Фотография прилагается.

Работа, работа, работа, работа, приходишь домой, а они все все съели.

Тут заметила, что в нашем доме стало меньше музыки. Влюбилась что ли, моя маковка, пропадает все время где-то. Ладно. Поговорим. Надо просто говорить и слушать.

Теперь удобно, можно ходить на оба родительских собрания. Еще не решили, куда Егор пойдет, а куда я. Вот мамашки офигеют. Дети в шоке, конечно, и ужасе. Хотя чего им бояться? Никогда их не ругали. Никогда. Мои котятки. Да и вообще, собрания для чего-то другого созданы, а не для отчетов родителям. Все дело в том, что мы не запрещаем. Хотите, чтоб ваш ребенок развивался? помогал? делал, а не сидел в телефоне? Тогда объясните ему, как правильно! Небольшая травма типа синяка, мозоли, занозы и даже ушибы — это норма для человеческого тела... Один фиг споткнемся на ровном месте, стукнемся мизинцем об косяк, заденем бедром край дивана. Хотите, чтоб ребенок умел? Дайте ему возможность научиться. Иначе оберегая его от всех бед (делая работу за него), вы сами растите в нем инфантилизм. Надо угомонять свою гиперопеку, иначе ребенок найдет другое применение молодой энергии.

Дочь знакомила нас со своим мальчиком. Фотография прилагается. Ну как знакомила, мы быстро приехали из Икеи. Заходим, а они на кухне, на столе, разложили сухари свои и сидят, едят. В кастрюльке пельмени варятся, хотя в холодильнике еще курица оставалась. Согласна, пора предупреждать, когда домой идем. Хотя бы в дни, когда сын на борьбе или рисовании. Хороший мальчик, кудрявенький, чуть старше, молчаливый. Родители разведены, у обоих бизнес. Сестер и братьев нет, только двоюродная в Краснодаре. Молчаливый. Говорю потом дочке, когда он ушел: «Детки красивенькие будут, кудрявенькие». А она мне: «Ну у него может и кудрявенькие». Он чем-то на Егора похож. Вся да не вся в мамку свою. Егору парень не понравился, потому что «я сейчас банальщину скажу, но я тоже когда-то был в его возрасте и думал об одном. Не отрицаю, может он и особенный». Ну и пускай. На ошибках учатся, и пока что им делать их можно...

Но не внуков мне. Хотя бы годика через три, на крайний случай... А лучше через пять.

Прихожу домой. Дочь с мужем на кухне. Дочь в слезах. Зашла на моменте, когда Егор говорил что-то типа «сиди лучше дома, книжки читай». Увидели меня, дочь бегом к себе в комнату. Не знала, что Егору настолько не понравился тот парень. Чужая ему девочка, грубо говоря, а он как настоящий отец. Доча дверь мне не открыла.

Все же у тебя в жизни есть? Семья, работа, три собаки, приятное времяпрепровождение и даже то платье, которое ты хотела целый месяц. Что еще надо? Может, на фитнес записаться? Как же сохранить брак и интерес друг к другу? Как показывает практика — истории у всех похожи, но кто-то хочет сохранить брак, а кому-то и на фиг это не надо. Я из тех, кому на фиг это не надо... Но если это стоит чего-то, то лучше сохранить. Часто гордость берет верх над любым разумом. Хочется взять и послать все к чертям! Но если притушить в себе эту слабость под названием «гордость», то можно увидеть много того, что она не дает увидеть! Почти каждая женщина находится в состоянии жертвы. Причем сами себя в эти рамки загоняет. В этом есть часть правды — пока беременная, потом кормящая, практически нет возможности строить свою карьеру, а также благодаря гормонам эмоционально уязвима. И так год за годом. А затем с новыми морщинками и лишними кило мы чем-то недовольны! Вроде как семья норм, а как муж... претензии...

Г о л о с. И это тоже можно опустить.

М а р и н а (*продолжает*). Почему? Конечно, надо уметь вовремя выходить из состояния жертвы. Наше умение рожать — это жизненный бонус. Мои дети — это моя отдушина и радость. Именно ярлык «я родила для тебя» убивает все отношения. Я рожаю только для себя. В первую очередь это мои дети и только потом наши. Я из тех женщин, кто не будет своего сравнивать с другими мужьями. Так как подруги всегда расскажут о том, какие у них золотые мужья, и ты понимаешь, что твой — однозначное говно! А если глубже смотреть? То у каждой! У каждой одна и та же ситуация. Муж теряет интерес. Разумеется, теряет! Смотрим в зеркало и честно отвечаем на вопрос: мы-то сами себя хотим? Когда я в последний раз мозг выносила? А смс «ты где, почему трубку не взял?» Когда живешь со своей второй половиной как с другом, когда не забываешь его привлекать в свою

материнскую жизнь, тогда мужчины, конечно, по-другому начинают относиться к тебе, они принимают участие, они на одной волне. И все-таки я с мужем умудрилась быть другом, с которым хорошо переспать. Он открывает мне свои горизонты, я ему — свой мир. Мы научились слышать друг друга.

Егор сказал, что ему нужно личное пространство, а я этого не понимаю. Нет, я понимаю, всем нужно личное пространство, но это значит, что он от меня устал. Он взял подушку и ушел в ванну. Через полчаса вышел, надел куртку и уехал.

Дочки нет вторые сутки. Это все возраст. Рано или поздно детей приходится отпускать. Егор не берет трубку. И это все возраст. При кризисе среднего возраста у мужчины нельзя винить себя, особенно если ты умная женщина.

Частенько слышу, как буквально с гордостью заявляют о себе «я упертый/упертая». Возможно, для достижения цели это неплохо, когда человек с упорством (опять же таки упорство, а не упертость) добивается своего. Но быть упертым относительно каких-либо ситуаций или окружающих — это сравнимо с глупостью. Не зря же говорят «упертый, как баран». Бараны же тупые? Умные только мои собаки. Пора бы учиться быть гибкими во всех смыслах. Кстати, замечено, что люди, гибкие умом, часто имеют гибкое тело, и так же наоборот — упертые жалуются на шею, колени, спину. Уверена, что такую черту характера чаще приобретают, нежели она передается по наследству, а значит, ее легко можно поменять.

Никого из подружек ее я не знаю. И в чатик мамашкам одноклассников не написать: «Всем приветик, у кого мое сокровище?» Эра родителей в ватсапе началась уже только на сыне. Кто-то скажет, я его больше люблю. Дети маленькие были — фотография прилагается — все время спрашивали: «Мама, а кого ты больше любишь?» Понятно, что это старшая подговаривала маленького и довести его хотела. А я им отвечала: «Вот вы кого больше любите — ручки или ножки?» — «Ручки. Я ими на пианине играю». — «И от ножек бы отказалась?» — «Не-е-е, я ими на педали на пианине жму». Тут, конечно, получилось, что дочь все это использует в своих интересах как бы, а метафора-то о другом, конечно... Но суть ясна.

В «Красном и Белом» сказали, что оптимальная температура потребления пива колеблется в пределах от плюс шести до плюс двенадцати градусов, шампанского — от плюс семи до плюс деся-

ти. Виски — напиток уникальный. Его можно пить как в чистом виде, так и с различными добавками. Шотландцы и ирландцы, например, пьют виски со льдом и чистой водой, а американцы разбавляют его колой или содовой. Единственное, чего не терпит виски — это соседства другого алкоголя. В Мексике, которую традиционно считают родиной текилы, ее пьют залпом, ничем не закусывая и не запивая. За пределами же Мексики самый распространенный вариант — это «лизни — опрокинь — кусни». На внешнюю сторону ладони, между указательным и большим пальцем, насыпается соль, пальцами зажимается долька лайма или лимона, а дальше все просто: лизнули соль, выпили залпом рюмку текилы и закусили лимоном. Кстати, в Германии текилу пьют по такой же схеме, только вместо соли используют корицу, а вместо лайма или лимона — апельсин. Но я бы съездила в Мексику. Оптимальная же температура потребления пива колеблется (для разных сортов) в пределах от плюс шести до плюс двенадцати градусов. Традиционно считается, что в теплое время года употреблять стоит светлые сорта пива, а в холодное — наоборот, темные. Все это неправда, ложь, чепуха и вообще все не то. Я проверила. Фотография прилагается.

Дома тихо. Я и мои собаки. Сын где-то в уголке сидит.

Оказывается, с работы могут уволить за запах! Ладно, не уволить, а сказать: «Мы алкоголикам только белую зарплату платим».

Скажите, с каких таких пор «правда» приравнялась к понятию «поливать грязью»?! Если я где-то накосячила, то признаюсь в этом! И мне, конечно, стыдно за мои косяки, потому и стараюсь исправить эти ошибки. Шила в мешке не утаить.

Вот как я люблю эту фразу «хочешь быть счастливым? будь им!» Счастье есть у каждого, а точнее, оно живет в каждом из нас. Мы делимся тем, что нашли или открыли в себе. Мы показываем свой мир таким, как его видим сами...

Голос. Но...

Марина (*продолжает*). ...И вроде бы чего я тут нового сказала? Однако «уньлое говно» продолжает как мантру твердить о том, что его мечта — это быть счастливым человеком, при этом, глядя в лужу, видит там только грязь. Я очень люблю мультяшного крошку енота, где он пошел на пруд за сладкой осокой и, увидев свое грозное отражение, испугался и убежал. Вот так и мы, глядя на себя со стороны, не понимаем, где

оно, счастье-то, и боимся сами себя. Можно всем улыбаться, но при этом остаешься один на один с собой, снимаешь маску, сидишь и думаешь: «А что тебе для счастья надо?» Да у тебя и так все есть, это ты сам! Нет смысла ждать, что кто-то его принесет и в руки как подарок даст (да, будет счастье на 5 минут и не более того). Также нет смысла кого-либо обвинять, что твое счастье украли! Счастье живет внутри каждого, и только нам решать — быть счастливым или мечтать о счастье.

Егор вернулся. С цветами. Фотография прилагается. И двадцатью пятью килограммами корма. Я прочитала, что мужчинам в кризисе среднего возраста мешать страдать нельзя, ну и, конечно, себя винить вообще нельзя. Повторяю. Идиллия будет снова.

Сидели всей семьей, пили чай, смеялись. Фотография прилагается. Дети спать ушли, еще долго с Егором не ложились.

Как правильно открывать рот? Речь пойдет о том, что мы говорим! Через яркие эмоции проще узнать, кто перед тобой — поднимешь горячую тему, и сразу натура считывается. Почему? Расклад не мной придуманный, но мной проверенный: в любом вопросе, который вас возмущает, агрессивная реакция — это не что иное, как проекция себя лично! Открыв рот, воспользовавшись даром говорить, люди будут рассказывать о себе! Поэтому я никому ничего плохого никогда не говорю. Теперь точно никогда.

На завтрак: собакам — морковку тертую, диета, бедняжки, мужу — кофе и бутерброд, обязательно и с кетчупом, и с майонезом, доче — йогурт, сыне — омлетик. Он так и сказал: «Хочу омлетик». Цыпленочек, зайка мой, ну такой милашечка!

А ведь скоро у нас день рождения. Ну куда ему взростеть? Играть и играть. Не представляю своих деток взрослыми. Вот пойдут они в какой-нибудь МОУ ДОД ЦВР ОД и ПК в серьезных костюмах и с угрюмыми лицами своих детей записывать, а им скажут: «Перерыв».

День рождения Петьки. Дети самые чистые души, искренние и настоящие. Часто учат меня жить иначе. Они умеют радоваться дню, потому что солнце светит, они умеют прощать и умеют любить просто так. Фотография прилагается. Дочь с друзьями, муж с друзьями, я прибиралась. Смысла, конечно, не очень много делать это перед шайкой его, но все же. Пока прибиралась, нашла дочкин дневник... бумажный! — ну моя дочка, моя, только более романтичная, что ли, не буду говорить, что старомодная.

Я на самом деле не очень знаю, для чего свое это все пишу сюда. Что хотите обсудить? Какие рубрики мне добавить? Может больше про собак? Почему вы меня вообще читаете? А дочиного найденыша я читать не буду. Жизнь-то и в самом деле ее.

Егор сказал, что Марина сама к нему первая полезла.

Пауза.

Г о л о с. Марина?

Марина откладывает планшет. Оглядывает всех. Несколько секунд смотрит в сторону. Суд.

На этом записи в блоге кончаются. Дальше вы знаете. Мама пошла, взяла кухонный нож с лиловой рукояткой и всадила Егору куда только можно, по самое не хочу, ну и, главное... ну вы поняли куда. Фотографии прилагаются. И че? Правильно! Сам виноват! Он меня совратил вообще-то. Я не лезла... первая. И мама не виновата. Это она защищалась. Нет, она виновата, что тупая (*смотрит в сторону*), что мир у нее такой или что дочь у нее может быть такая, как я, ну а так-то че? Это почти самооборона считайте. Ее бы тетки с работы засмеяли, и меня бы из школы поперли. Меня и так поперли... Но это уже из-за вас! Мне вообще-то пятнадцать. Только пятнадцать, и я жертва. Я вам говорю, а вы не верите. Не верите, потому что молодежь шас такая пошла или че там, как вы там думаете? Совратил, совратил, совратил. И вообще до шестнадцати нельзя вообще ничего там. Нет, я это не в паблосах прочитала и даже не по телеку вашему дебильному увидела, и никто не подсказал, и нет, не придумала я, это так оно и есть. Он меня и девственности лишил, и еще сказал: «Не ожидал, что ты целка». А чего он, интересно, ожидал? И квартиру он свою не сдавал, только иногда посуточно, предложил даже однажды прийти за деньги прибраться там, я ж женщина... Вот видите, он еще и по налогам чего-нибудь там виновен, я отвечаю, проверьте-проверьте. Может, не даром он мне на экономиста советовал идти, а? Десять раз сдаст и под тридцать выходит. А мама-дура рада. Она-то не знает, че в этой квартире между мной и ним происходит... Что со мной происходит! Я не знаю, может она на меня мало внимания обращала, может... Хотя мне уже кажется, что это я тогда напридумывала. Она с детства эту сказку про ручки и ножки рассказывала. Да мама идеальная у нас! (*Смотрит*

в сторону.) А Егор, когда к нам приехал, сказал: «Пиво будешь?» А по ТВ магазин на диване начался, и там короче тетка в ужасном сарафане с психоделом каким-то говорит: «Сегодня с нами Алена, и она знает о нефритах все. Сейчас она поделится своим богатым опытом». А я думаю: «Капец, у меня нигде богатого опыта нет, даже в нефритах. А про талант, достижения и цели я вообще молчу. Только пиликаю по клавишам. Даже собаки именно моей дрессуре не поддаются». А у Егора глаза такие голубые-голубые, что почти зеленые. Ну как цвет морской волны типа. Ладно, хорошо, убедили, это не мама тупая, а я тупая. Хотя она ведь тоже... Запутали. Ну а че? Да, я влюбилась. И че? А потом она нас отправила двоих в кино. Если б она этого не сделала, не было бы вот этого вот всего. Да. Мы только половину фильма посмотрели, а потом поехали к нему. Я вам не буду всего описывать, и так понятно. Это гадко. И однажды нас тетя Наташа видела, вместе шурующих на хату (*смотрит в сторону*). Вот сука, простите, но вот сука матери ничего ведь не сказала. Хотя все и так понятно ей было. Взрослые как-то защищать же должны детей. Да ведь? Почему вы-то такие... И не оправдываете ее? Агрессивная реакция — это не что иное, как проекция себя лично. Или вам меня не жалко? Не жалко? Вы мне не верите? Он меня и психологически во все щели. Я не буду вам и несчастную любовь свою описывать. Как у всех, че. Ну на пианино перестала играть, я классику вообще-то люблю, не знаю, почему, а Егор гаражный рок, это инфантилизм какой-то... Ну че еще? Ну спала все время и решила наконец на сообщения там одного пацана ответить. Он хороший оказался. А главное, в меня влюбленный. Че? Егор ничего не дарил, потому что «ну Маришка, ну ты ж понимаешь, что палево, ты у меня такая взрослая, ну все-все понимаешь и знаешь». Он маме букеты дарил. Желтые чаще всего, между прочим, ага. Ну и типа получается, я тоже могла на них смотреть, нюхать, щупать и фоткаться. Вот. А тот пацан, короче, на первой же прогулке мне розу розовую подарил. Потому что я юная и романтичная. Понимаете? Не знаю. Может быть. Не знаю. Только с Егором все продолжалось. Я не планировала их всех знакомить. Егор потом разорался. Понятное дело — ревнует. Но я и не планировала, чтоб он ревновал... Наверное, не планировала. Короче, он наговорил какие-то ужасные вещи, и я расстроилась. Наговорил, что таких бл**ей (*науза*) замуж

не берут, и давно пора маме о моем поведении рассказать. Нет, я не расстроилась даже, а испугалась... Или стыдно стало, или это подсознание говорило, что он козел. Для меня фактов мало, мне еще подсознание нужно. И я решила, что выйду замуж за богатого и старого, обязательно с темными глазами. Все логично и нетравматично (*смотрит в сторону*). А потом не смогла смотреть на маму и ушла из дома, короче. Куда? А че, вариантов много? Подружки? О-о-о, они-то поддержат. И особенно их родители переполнятся пониманием. Варианты блин. Да я всем только с дневником делилась и в Твиттере немножко, но у меня там типа фейк. Фейк, где я сопли распускаю. Хочу еще один с политической тематикой создать... Куда ушла? К Егору я ушла из дома. Он тоже ее, маму мою, свою жену, считайте, видеть не мог. Это так сложно все. Я б детей ему кудрявеньких родила. Но потом. А пока мы наплакались, наорались и вернулись. Сидели дома, всей семьей, чай пили мило. Может, мой талант — врать? Но не как мама... Не, не, сейчас я искренне все, хоть где-то это надо. Я его не люблю. Я его ненавижу. Мне за себя и за маму обидно. Правильно она все сделала. Она говорит всегда так много и все фигню какую-то, но... Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо, мама, мама, мама, мама. У нас же была красивая нормальная семья наконец-то. Понимаете? Тогда, сначала, когда его не было. Нам на самом деле не нужен никто был, она где-то прочитала, что нужен... Хочешь быть счастливым? Будь им! Счастье есть у каждого, а точнее, оно живет в каждом из нас... Только тогда мы думали, что счастье — это Егор... Егор, Егор, Егор... А Егор — это уже инвалид, правильно я говорю, а? Счастье живет внутри каждого, и только нам решать — быть счастливым или мечтать о счастье. Вы о Петьке подумайте, если обо мне не хотите. Мама не виновата, что мир неидеальный. Ну зачем она прочитала мой дневник, я не хотела, чтоб все вот так... Не хотела... Она не виновна. Вы поняли? И чтобы вы до конца знали, где белое, а где черное... Это я отравила ту, третью собаку, потому что она его была. Это, по-моему, страшнее... Или че?

Голосов становится много. Гул.

Марина плачет.

Конец

КАПРЕМОНТ

Пьеса в одном действии

Действующие лица

Владимир.

Галина.

Шур Шуровна.

Сантехник.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Однокомнатная квартира на втором этаже старого дома. Кухня. Из кухни дверь в коридор. Видна дверь в туалет. Туалет, совмещенный с ванной. Вечер. За окном сумерки. Под потолком слабая лампочка тускло освещает мебель, утварь и плиту грязноватым желтым светом. За столом сидит Владимир, у плиты стоит Галина, в дверях стоит Шур Шуровна.

Шур Шуровна. Нет, ну это надо же. Надо же думать, что понимать.

Галина. Владимир, ты что — дверь не закрыл?

Шур Шуровна. Известное дело, надо. А то что получается?

Владимир. И вам здравствуйте, Александра Александровна.

Шур Шуровна. Да что ты Александра да Александровна?

Мы же почти родня. Вот сколько вы тут уже живете?

Владимир. В июне год будет.

Шур Шуровна. Одиннадцатого числа, известное дело. Говорю же, родова почти. Шур Шуровна я. Меня тут все так зовут. Я же тут всю жизнь оттрёхала. Мы тут первые жильцы. Были.

Галина. Вам что-то надо?

Шур Шуровна. О, Машенька, привет. В потемках-то и не увидеть тебя.

Галина. Меня Галина зовут.

* Родился в Свердловске, живет и работает в Екатеринбурге.

Шур Шуровна. И давно? От ты Серезжка, от ты самец, а, известное дело. Ты же с Машкой был?

Владимир. Какая Машка? Меня Владимиром зовут.

Пауза.

Шур Шуровна. Это третий этаж?

Владимир и Галина. Второй!

Пауза.

Шур Шуровна. Это я что, получается? Промахнулась?

Владимир. Получается.

Галина. А как вы зашли?

Шур Шуровна. Так. На четвертом у нас Питюхины живут. Они мне за подъезд еще в этом месяце не отдали. Ну, вот, от них тогда к Серезжке с Машенькой и забегу.

Галина. Владимир, ты дверь не закрыл, получается?

Шур Шуровна. Еще два этажа трэхать. Ну, да бог с ним. Забегу еще. Так о чем это я?

Галина. Ты дверь закрывал или нет?

Шур Шуровна. А-а!.. Ну, так вот. Второй этаж, значит. Ну, правильно. Надо мной прямо. Так это даже лучше.

Владимир. Ничего не понимаю.

Шур Шуровна. Ну-ну. И что вы? Что вы тут?

Владимир. Так это, мы...

Галина. Живем мы тут. Вам что-то надо от нас?

Шур Шуровна. Известное дело. Что это у нас тут? (*Проходит к плите, заглядывает в кастрюлю.*) Ничего, что я так, по-домашнему? Ужинать, значит, собираетесь?

Галина. Значит.

Шур Шуровна. Приятно кушать. Я тут с рождения, всю жизнь тут оттрэхала. Мне тут, известное дело, все родное.

Владимир. Может, уже присядете?

Галина. Владимир.

Шур Шуровна. А вот за это спасибо, уважили бабу. Весь день на ногах, а мне еще на четвертый трэхать. Отчего не присесть? Мы же почти родня, правильно? Чего ножкой шаркать?

Садится на один из двух стульев.

Галина. Действительно.

Шур Шуровна (*ерзает на стуле*). Какой-то подозрительный стул. Скрипит. Жопой чую, ненадежный.

Галина. Вы сказать что-то хотели? Вам надо чего?

Шур Шуровна. Ай, все равно хотела к вам забежать. Ну, так это. В общем. Отродясь такого не было и вот опять.

Галина. Что опять?

Шур Шуровна. Я, как старшая по подъезду, обязана всех оповестить.

Галина. О чем оповестить?

Шур Шуровна. Так, известное дело. Со следующей недели в нашем подъезде начнется капитальный ремонт.

Владимир. Так сегодня воскресенье.

Шур Шуровна. Ну, вот. Завтра и начнется.

Галина. Объявление видели, читать умеем. У вас все?

Шур Шуровна. Так это вы что — пустите их? Ну, этих?

Галина. Мы вообще никого пускать не хотели.

Владимир. Так мы в России живем. У нас выбора нет.

Галина. Владимир.

Шур Шуровна. Ну, это ваше дело, известное дело. Как хотите. Но учтите — я их к себе, ну, этих, ни под каким видом не пушу.

Галина. Да делайте, что хотите. Мы тут при чем?

Шур Шуровна. Известно дело, при чем. Стояки придут менять. А стояк-то у нас один.

Галина. И что?

Шур Шуровна. И что? Придут ко мне вас подключить, а я их ни под каким видом. Вот при чем.

Галина. Хорошо. Мы вас слышали.

Шур Шуровна. Дому шестьдесят лет, он полет Гагарина помнит. Да раньше строили на века, известное дело. А сейчас? Не-не-не. Вы как хотите, а я ни под каким видом.

Галина. Я говорю, мы вас слышали.

Шур Шуровна. И кто будет делать, а? Известное дело, кто. Они вон, Нотер дам и тот спалили. По телевизору сказали.

Владимир. Нотр-Дам.

Шур Шуровна. А у меня плитку в туалете Сан Саныч мой, покойный, прости господи его прегрешения, клал. У вас-то Ленчик клал. Непутевый человек непутево поклат. Чистый лампиндос. Эту и сломать не жалко. А у меня на века. Плиточка к плиточке. Не-не-не. Как хотите.

Владимир. Да мы и не думали. Да, Галочка?

Галина. Мы вас слышали.

Шур Шуровна. А вы подумайте. Придут к вам трубы менять, а потом хватать — холодильника как не бывало. Вон, в соседнем доме у женщины у одной...

Галина. Вам, кажется, на третий нужно было?

Шур Шуровна. А сколько время?

Галина. Сушить весла и курить бамбук.

Шур Шуровна (*встает*). Засиделась что-то. Ладно, побегу.

Владимир (*тоже встает*). Всего вам доброго.

Шур Шуровна (*садится обратно*). А вы вот что. Позвоните Леньчику. Вы же у Леньчика Пантелеева снимаете? Ну, вот. Позвоните. Пусть он, как собственник жилья, порешает.

Владимир (*садится обратно*). Дело в том, что нам с Галочкой очень нравится эта квартира...

Галина. Владимир.

Владимир. Настолько нравится эта квартира, что мы решили с Галочкой эту квартиру...

Галина. Владимир.

Владимир. Ну, в общем, мы с Галочкой решили и поговорили с Леонид Петровичем...

Галина. Владимир!

Владимир. Галочка.

Галина. Ужин стынет.

Пауза.

Шур Шуровна. Ну-ну. Что вы решили?

Галина. А ничего не решили. Нам настолько нравится эта квартира, что мы решили здесь ничего не менять. И от капремонта отказаться. Вот что решили.

Владимир. Галочка.

Галина. Владимир, попрощайся с гостьей.

Владимир (*встает*). До свидания.

Галина. Вам, кажется, бежать нужно было? Вас, кажется, на третьем ждут? Питюхины, кажется?

Шур Шуровна. Питюхины на четвертом, известное дело.

Галина (*берет Шур Шуровну под локоток и ведет в коридор*). Ну вот. Еще и на четвертом ждут.

Шур Шуровна. А вы Леньчику позвоните. Он, как собственник...

Галина. И Леньчику позвоним. И Пончику, и Шпунтику. Всем позвоним.

Галина и Шур Шуровна уходят. Какое-то время Владимир остается один. Слышно, как закрывается входная дверь, как защелкиваются один за другим три замка. Входит Г а л и н а.

Г а л и н а. Владимир.

В л а д и м и р. Галочка.

Г а л и н а. Владимир.

В л а д и м и р. Галочка.

Г а л и н а. Владимир.

В л а д и м и р. Галя, Галочка, Галчонок... Когда ты меня называешь полным именем, мне кажется, что я в чем-то провинился.

Г а л и н а. Владимир Сергеевич, вы когда научитесь закрывать за собой дверь?

В л а д и м и р. Галочка...

Г а л и н а. Вы когда научитесь, Владимир Сергеевич, держать рот на замке?

В л а д и м и р. Галочка...

Г а л и н а. Вы когда научитесь не говорить поперек? Не бесить меня, вы когда научитесь, Владимир Сергеевич?

В л а д и м и р. Да закрыл я дверь, честное слово, закрыл.

Г а л и н а. И так настроение, как погода на Урале. А тут приперлась. Нет, бывают же люди. В жопе вместо шила тромбон — не заткнуть.

В л а д и м и р. Галочка, какие ты слова говоришь...

Г а л и н а. Старшая по подъезду. Да кто тебя выдвинул такую, что задвинуть обратно никак?

В л а д и м и р. Да, легитимность полномочий вызывает вопросы...

Г а л и н а. Этот туда же. Ну, кто, кто еще не знает в округе, что ты «Эхо Москвы» под одеялом слушаешь?

В л а д и м и р. Я, Галочка, своих убеждений ни от кого не скрываю. Ты же знаешь.

Г а л и н а. Ну кто тебя за язык тянул эту пафосную патоку про выборы, про Россию?

В л а д и м и р. Так это шутка была такая. Ну, какие выборы в России?

Г а л и н а. Не начинай.

В л а д и м и р. Я же с тобой согласен. Всецело и абсолютно согласен. Я и говорю — легитимность этой женщины в качестве старшей по подъезду вызывает вопросы. Узурпатор власти.

Галина. Герасим, со всем согласен. Не гони мне тут овцу. Вопросы у него вызывает. У меня вопросы вызывает, какого черта ты этому узурпатору про покупку квартиры разболтал? Болтун — находка для шпиона.

Владимир. Ну, мы же действительно хотим купить эту квартиру. Уже и на первый взнос накопили. Почти.

Галина. Ты дурак, Третьяков? Ты не понимаешь?

Владимир. Господи, вот уже и по фамилии...

Галина. И на какой взнос, я стесняюсь спросить, мы накопили? Уж не считаешь ли ты деньги, которые нам моя мама на юбилей свадьбы подарила?

Владимир. Да, там не хватает, ну, вот я и подумал...

Галина. Я отдохнуть хочу. Понял? Отдохнуть.

Владимир. В Турции.

Галина. Да, в Турции. Присесть зачем предложил?

Владимир. Галочка, так это элементарная вежливость.

Галина. На кухне два табурета. На одном сам сидит, на втором вежливость. А жена у плиты стой.

Владимир. Галя, Галочка, Галчонок... Ну, прости. Прости. Давай ужинать.

Галина. Поужинали. *(Выливает суп в раковину, крутит кран.)* Ну, вот. Воду отключили.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер следующего дня. Все та же кухня в однокомнатной квартире в старом доме на втором этаже. За окном все те же сумерки. Все та же лампочка под потолком освещает мебель, утварь и плиту грязноватым желтым светом. За столом Владимир читает газету. У плиты стоит

Галина.

Галина. Ты точно закрыл дверь?

Владимир. Галчонок, ну, хочешь, еще раз проверю?

Галина. Ладно, сиди уже.

Владимир. О, катер продают. Нам нужен катер?

Галина. Нам нужен катер. Чтоб уехать отсюда к чертовой матери.

Владимир. Уедем, Галочка. Как договаривались — уедем.

Галина. В Турцию?

Владимир *(встает, обнимает Галину)*. Как договаривались.

Галина. Ты прости, что сорвалась на тебя вчера. Просто я терпеть ненавижу, когда в мою жизнь так нагло, так по-хамски... Эта бабка, она же просто... я не знаю.

Владимир. Ну, что ты, что ты. Галя, Галочка, Галчонок... Все хорошо. А помнишь, как я к тебе тогда приехал? Помнишь? Мы так же стояли, обнявшись, и молчали. Так долго-долго молчали. Нам не нужно было никого. И слов не нужно было.

Галина. Я не знала, что говорить.

Владимир. Ну, я не думаю, что тебе тогда каждый день замуж предлагали.

Галина. Ко мне не каждый день из большого города в нашу глухомань приезжают.

Владимир. Да, твои все прямо ахнули. Помнишь?

Раздается звонок в домофон.

Галина. Помню-помню. Возьми трубку.

Владимир. Да, пусть звонят. Мы никого не ждем.

Галина. Вдруг что. Возьми.

Владимир. Обойдутся.

Галина. Вовик.

Владимир идет в коридор. Домофон замолкает. Владимир возвращается.

Галина. Ну, что там? Кто?

Владимир (*снова обнимает Галину*). Да, по капремонт. Помнишь, моя мама шутила — был кап-кап ремонт, стал буль-буль ремонт?

Галина. Помню. Смешно.

Владимир. Кап-кап. Буль-буль.

Галина. Ну, так что там?

Владимир. Я ж говорю — по капремонт. Кап-кап ремонт.

Галина. Открыл?

Владимир. Открыл. Буль-буль ремонт.

Галина (*вырывается из объятий*). Третьяков, ты дурак?

Владимир (*снова обнимает Галину*). Галя, Галочка, Галчонок. Ну, что такого? Открыл и открыл.

Галина. Нет. Не так. Ты дурак, Третьяков. Мы не делаем капремонт. Мы же договорились.

Владимир. Кап-кап ремонт.

Галина (*окончательно вырывается из объятий*). Прекрати.

Владимир. Мы не делаем. Ну, а кто-то же делает. Мы не можем решать за весь подъезд.

Галина. Вот пусть кому-то и звонят. Ты будто не знаешь? Один раз открыл и все, начнется. Почта, скорая, погреться. Пить, писать, пирожок.

Владимир. Ну, прости. Был не прав, исправлюсь.

Галина. Садись. Ужин стынет.

Голос из коридора. Хозяин дома?

Галина. Значит, дверь ты закрыл?

Владимир. Честное слово, закрывал.

Входит Сантехник.

Сантехник. Я спрашиваю — хозяин дома?

Владимир. Вы кто?

Сантехник. Буду ванну смотреть, туалет смотреть.

Галина. Как вы зашли?

Сантехник. Ну, показывайте. Где туалет, где ванна.

Галина. Я сейчас милицию вызову.

Сантехник (*достает удостоверение*). Гортехнадзор. Капремонт в вашем доме делать будем. Объявление видели? По-русски читать умеете?

Владимир. Был кап-кап-ремонт, стал буль-буль ремонт.

Галина. Прекрати.

Владимир. Это моя мама так шутила. Помнишь? Тебе нравилось.

Галина. Владимир, тебе не кажется, что мы и так страдаем?

Владимир. Галочка, я в чем-то провинился?

Галина. Сделай что-нибудь.

Владимир. Уважаемый. Объявление видели, знаем, отказываемся. От услуг ваших отказываемся.

Сантехник. А я ничего делать и не буду. Я только смотреть буду, да. Делать Роман будет. Ванна, туалет, замена труб, унитазов.

Владимир. Нет, вы не поняли. Мы от капремонта отказываемся. Совсем. И скажите вы уже наконец — как вы зашли?

Сантехник. Я в домофон звонил, да? Звонил. Вы мне открыли, да? Открыли.

Владимир. Так я вас только в подъезд пустил. Галочка, честное слово.

Галина. Все. Ставим новую дверь. Завтра же. И чтоб замок захлапывался.

Сантехник. Нет, ну вы подумайте. Замена труб, унитазов, ванн.

Владимир. Галочка, новая дверь — это дорого. Ну закрывал я, закрывал. Нам сейчас не по карману.

Сантехник. Хорошо подумайте.

Галина. Ничего. Из первого взноса возьмем. Там все равно не хватает.

Владимир. Галя, ну мы же обо всем договорились.

Сантехник. Вы за капремонт платили, да?

Галина. Мы договорились, что ты, Владимир, дверь будешь за собой закрывать. Не гони мне тут овцу.

Владимир. Вспомни, как мы мечтали о своей, пусть маленькой, но своей квартире. Помнишь?

Галина. Помнишь-помнишь. Вот придут вот так ночью. Будет тебе помнишь.

Владимир. Ну, хорошо. Раз ты так хочешь новую дверь, давай сделаем. В Турцию потом съездим.

Галина. Ты хочешь из маминых взять?

Сантехник. Вы за капремонт платили?

Владимир. Галочка, мы платили?

Галина. Когда? Когда потом?

Сантехник. Все платили. И вы платили. Месяц платили. Два платили.

Владимир. Ну, я не знаю. Потом.

Сантехник. Полгода платили. Год платили, да?

Галина. Я устала, Владимир. Понимаешь? Устала. Я хочу отдохнуть. В Турцию.

Владимир. И дверь.

Сантехник. Два платили. Три платили.

Галина. И дверь. Самонаводящуюся.

Владимир. Подождите. Какой три? Мы и года здесь не живем.

Сантехник. А в Турции хорошо. Там почти как в Туркменистане, да? Я в Турции не был. Я в Туркменистане был. Там хорошо. Там палка воткни — расти будет.

Галина. Что?

Сантехник. Турция от Туркменистана пошла. Туркменистан — первая цивилизация, да? От нас все пошло. Турция, Россия, Месопотамия, Германия от нас пошла. Все сначала был один

большой Туркменистан. А потом пошло — Турция-шмурция, Персия-шмерсия, Египет-шмегипет.

Владимир. Какой Туркменистан?

Сантехник. Вавилонскую башню помните, да? Мы, туркмены, делали. И капремонт так сделаем — закачаетесь.

Галина. Вавилонская башня, кажется, рухнула.

Сантехник. Я спрашиваю — за капремонт платили?

Владимир. Платили.

Сантехник. Ну, вот и подумайте. А я посмотрю, да? Трубы, ванну, унитаз Роман будет делать. А в Туркменистане хорошо. Хорошо, как в Туркменистане, нигде быть не может. Там тепло. Там палка воткни — расти будет.

Владимир. Мы отказываемся от капремонта. Да, Галочка?

Галина. Так, разбирайтесь тут сами. А я пойду чайник поставлю.

Сантехник. Не стоит.

Галина. Вам и не предлагают.

Сантехник. Не, не стоит. Я воду перекрыл.

Владимир. Подождите. Зачем? Мы ничего делать не собираемся.

Сантехник. Вы не собираетесь, а соседка ваша снизу уже унитаз сняла.

Пауза.

Галина. Ну, тогда просто пойду.

Уходит.

Сантехник. Хозяин, ты мне бумагу напиши, что вы капремонт отказываетесь, да?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вечер следующего дня. Все та же кухня, все те же сумерки за окном. Все та же лампочка все с тем же грязноватым желтым светом. За столом Владимир читает газету. У плиты стоит Галина.

Владимир. О, полное собрание сочинений Шолохова продают. Нам нужно полное собрание сочинений Шолохова?

Галина. Ты знаешь — он сам ничего не писал. Булку будешь?

Владимир. Буду.

Галина. Кефир попил и хватит с тебя.

Владимир. А катер так и не продали. Снова объявление напечатали.

Галина. День сурка.

Заходит Шур Шуровна.

Шур Шуровна. Галка, вставай. Женихи все ворота обо-срали.

Владимир. Нет, ну, на этот раз, Галочка, ты дверь закрывала.

Шур Шуровна. Ничего, что я так, по-домашнему? Я же тут с рождения. Мне же тут, известное дело, все родное.

Галина. Как вы зашли? Я дверь закрывала.

Шур Шуровна. Да я быстренько. Мне по мокрому делу.

Владимир. Что?

Шур Шуровна. Я говорю, где у вас тут комната для девочек?

Галина. Я сейчас милицию вызову.

Шур Шуровна. Да шучу я, известное дело. У меня же такая же планировка.

Шур Шуровна идет в коридор, заходит в туалет и закрывает дверь.

Шур Шуровна (*из-за двери*). Это я как-то к Питюхиным заходила. Ну, на четвертый. Приспичило, как бог черепаху. А у них не квартира, чистый лабиринт. Перепланировка, ев-роремонт. Блуждала-блуждала. Ну, и не выдержала. Где у вас, их спрашиваю, тут носик припудрить?

Галина. Я, говорю, сейчас милицию вызову. Как вы зашли?

Шур Шуровна. У меня унитаз вчера сняли. Сегодня трубы срезали. Все в дыму, бой в Крыму. Я пять раз перекрестилась и один из них неправильно.

Галина. Владимир, сделай что-нибудь.

Шур Шуровна. А Питюхины чем думают? Все стены по-сносили, картонок понаставили. На чем дом держится? И куда телевидение только смотрит?

Владимир. Александра Александровна. Дорогая Шур Шуровна. Вы, простите, по мокрому делу, а у нас с вами стояк один. Трубы, говорите, срезали.

Шур Шуровна. Я и говорю — если делать, то по-большому. Я и унитаз решила поставить новый. И ванну.

Владимир. Вы же говорили, что не пустите их. Ну, этих. Вы же говорили Сан Саныч, плитка, Нотр-Дам.

Шур Шуровна. Нет, ну это же надо. Надо же думать, что понимать. Я за капремонт платила? Все платили, и я платила. Месяц платила, два платила...

Галина. Я устала, Владимир.

Шур Шуровна. Да что там — год платила, два платила...

Владимир. А что я, Галочка?

Шур Шуровна. Десять платила. И что? Известное дело, если делать, то по-большому. Я еще и батареи поменяю.

Галина. Да сделай ты уже что-нибудь.

Дверь открывается, Шур Шуровна выходит.

Шур Шуровна. Руки не помыла, у вас воды нет. Ну, ничего. Я чистоplotная. *(Заходит на кухню.)* А вы, значит, ужинать собираетесь? Приятно кушать.

Владимир. Вы же говорили, что откажетесь, что не будете делать капремонт.

Шур Шуровна. А я и не делаю. Мне делают. Столько лет платить и коту под хвост? *(Заглядывает в кастрюлю.)* Что это у нас? Щи?

Галина. Куда вы грязными руками?

Шур Шуровна. Да я чистоplotная. Машка с Сережкой с третьего тоже делают. Вы одни у нас в подъезде такие, оригиналы.

Владимир. Вы и нам говорили. Мы отказались.

Шур Шуровна. Ну, правильно. Вы и года тут не живете. Сколько вы платили? Не заслужили еще. Милочка, щи-то на бульоне варить надо. Мужик, известное дело, народ слабый. Ему мяса подавай.

Галина. Вы меня еще щи варить будете учить? Как вы в квартиру зашли?

Шур Шуровна. О, в рифму получилось! *(Смеется. Владимир и Галина смотрят на Шур Шуровну.)* Кхм... Так о чем это я? Воды нет, а щи варят.

Владимир. Воду мы купили в магазине. Что нам оставалось?

Шур Шуровна. От буржуи, а? Я в ваше время снег топила да воду дождевую собирала. Буржуи. Воду они покупают. А за подъезд мне в этом месяце платили? Я тут жопой кверху за так не нанималась.

Владимир. Галочка, мы платили?

Галина. Вы как в квартиру зашли? Я дверь закрывала. Не притворяйтесь тенью зайца. Отвечайте на вопрос, я вас спрашиваю. Как вы зашли?

Шур Шуровна. Известное дело, с пятого по подвал с тряпкой в зубах. И бесплатно?

Галина. Отвечайте на вопрос.

Шур Шуровна. К чистоте в подъезде вопросы имеются? Пожалуйста, сто рублей.

Галина. У меня пока один вопрос. Как вы зашли?

Шур Шуровна. Как-как. Да известное дело как. Я старшая по подъезду. У меня от всех квартир ключи должны быть.

Владимир. Я же говорил, Галочка, закрывал я дверь, закрывал.

Галина. Владимир, я тебя сейчас ударю.

Шур Шуровна. Ну, так что? Сто рублей.

Галина. Отдайте ключи.

Шур Шуровна. Сто рублей.

Галина. Сто рублей, и вы отдадите ключи?

Шур Шуровна. Известное дело — за подъезд сто рублей.

Галина. Отдайте ключи. Я милицию вызову.

Шур Шуровна. Вызывай. Не ты мне их давала, не тебе мне их отдавать.

Галина. Владимир?

Владимир. Галочка...

Шур Шуровна. Ленчик. Ленчик Пантелеев мне их отдал. Как собственник.

Галина. А ты что стоишь? Сделай уже что-нибудь.

Владимир. Дорогая Шур Шуровна. Мы с Галочкой покупаем эту квартиру...

Галина. Ты дурак, Третьяков?

Владимир. Да, Галочка, не надо скрывать. Покупаем. И на первый взнос накопили. Почти. Отдайте ключи. Пожалуйста.

Пауза.

Шур Шуровна. Нет, без мяса мужик не мужик. Вот мой Сан Саныч, прости господи его прегрешения, без мяса никак не мог. Три тарелки съест и еще добавки просит. Вот как.

Галина. Звони Пантелееву.

Шур Шуровна. Леньчик ваш непутевый человек. Чистый лапиндос. И плитку непуतेво поклат. На всем экономит. Говорила ему — давай Сан Саныч тебе сделает. Нет, что ты. Унитаз тоже сам ставил. Села — жопой чую: ненадежный.

Владимир. Трубку не берет.

Галина. Ничего ты не можешь.

Шур Шуровна. Так что там? Сто рублей. И в этом месяце вы меня больше не увидите.

Галина. Да дай ты ей сто рублей. А то не уйдет ведь. Это ты сможешь сделать?

Владимир (*достает деньги, отсчитывает, протягивает Шур Шуровне*). Вот вам за три месяца вперед.

Шур Шуровна. А вот за это спасибо. Уважили бабку. Ну, так что? Я побегу? Мне еще подъезд мыть.

Галина. Ключи отдайте.

Шур Шуровна. А это к Леньчику. Как собственник скажет, так и будет. Ну, все. Я ушла.

Шур Шуровна еще какое-то время стоит, будто ждет, что ее пригласят к столу. Наконец-то уходит. Молчание.

Галина. Вот ты взрослый человек, Владимир?

Владимир. Ну, вот, опять я в чем-то виноват.

Галина. В чем-то? Владимир, в чем-то? Вот что тебе непонятно во фразе — никому не говори о покупке квартиры?

Владимир. Галя, Галочка, Галчонок...

Галина. Когда ты меня называешь Галочкой, во мне что-то умирает, Владимир. Это как назвать меня крестиком, понимаешь?

Владимир. Почему крестиком?

Галина. Или любым другим знаком, которые ставят в кватрадке на выборах. Любой знак — это не я. Я не любой знак.

Владимир. Галчонок...

Галина. А это птенец. Лысый, липкий птенец. Ты меня еще галкой назови.

Владимир. Галя, что ты сердишься? Ты мне сказала что-то сделать, я и сделал.

Галина. Сделал?

Владимир. Сделал.

Галина. Сделал он, посмотрите на него.

Владимир. Ты говорила, что я ничего не могу сделать. Ты говорила мне сделать что-нибудь.

Галина. Потому что мужик должен что-то делать. Мужик должен быть мужиком. А ты такой... такой безобидный. Хлеба дать хочется. А мужик мясо должен жрать.

Владимир. Мясо? Галя, мясо? А кто щи без мяса приготовил?

Галина. То есть я еще и готовить не умею, да? Ты то есть на стороне этой бабки, да?

Владимир. Ты сама про мясо начала.

Галина. Я иносказательно. Это ты так со мной согласен? Всецело и абсолютно? Ведешь себя, как баба. А мужик должен что-то делать, не знаю, принимать решение. А ты что сделал?

Владимир. Принял решение.

Галина. Какое?

Владимир. Самостоятельное.

Галина. Не гони мне тут овцу. Нашелся тут принц Монако. Решение он принял самостоятельное.

Владимир. Она постоянно нам напоминает, что здесь хозяин Леонид Петрович, Леонид Петрович здесь собственник, что мы здесь никто и звать нас никак. Имена наши и те путает.

Галина. Разболтать о наших планах — здесь нет ничего ни решительного, ни самостоятельного.

Владимир. Я мужик. И я принимаю решения. Ты же этого хотела?

Галина. Я тебя сейчас убью.

Заходит Шур Шуровна.

Шур Шуровна. Я на вас в тюрьму подам. Вы мне за все ответите.

Галина. Как-то быстро месяц прошел.

Шур Шуровна. Я старая больная женщина. Вдова. Первый жилец дома.

Владимир. Я же вам за три месяца вперед заплатил.

Шур Шуровна. А вы мне за все заплатите. За все ответите.

Галина. Владимир, не упускай свой шанс. Давай, принимай решение, делай что-нибудь. Враг у ворот.

Шур Шуровна. Я тут всю жизнь оттрехала, от звонка до звонка. А вы со мной так?

Владимир. Да что случилось, Шур Шуровна?

Шур Шуровна. Кому Шур Шуровна, а кому и Александра Александровна я. Вы мне не родня. Без году неделя живут и туда же, в родню набиваются. Вы мне за все ответите. Так и знайте, я на вас в тюрьму подам.

Галина. Белые в городе, Владимир. Что будешь делать? Войска ждут приказа.

Владимир. Да что случилось?

Шур Шуровна. Ой-ой, прихеривается он. Будто не знает. Известное дело, что. Затопили старую бабку нечистотами своими и довольные сидят, ужинают.

Владимир. Ну уж нет, Александра Александровна, дражайшая Шур Шуровна. Это вы сами, простите. Мы вас предупредили — стояк у нас один.

Шур Шуровна. Что, завидно стало? Завидно, что я делаю капремонт, а вы нет? Вы же сами отказались. Кто мешал?

Владимир. То есть как это? Это как? Галя, у меня слов нет.

Галина. Что? Закончился? Закончился, спрашиваю, мужик? Город сдан без боя, Владимир. Без единого выстрела.

Шур Шуровна. Прихожу домой, никого не боюсь, а там... С самого потолка, по плитке, по плиточке к плиточке, нечистоты их стекают.

Владимир. Так это же вы, простите. Вы сами.

Шур Шуровна. На голову себе насерила сама? Надо думать, что понимать.

Владимир. Галя...

Шур Шуровна. Что я вам сделала плохого, кроме хо-рошего? В подъезде чистота и порядок. Пол помыт, цветочки политы. А вы? Нет, вы так и знайте — за все мне ответите. За все заплатите.

Уходит. Молчание.

Владимир. Галя.

Галина. Владимир.

Владимир. Галя.

Галина. Владимир.

Владимир. Галя.

Галина. Владимир.

Владимир. Галина.

Молчание. Галина смотрит на Владимира.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечер следующего дня. Опять кухня, сумерки и грязноватый желтый свет. За столом Владимир читает газету, Галина пьет чай. Долгое молчание.

Владимир. В Норильске автобус провалился под асфальт.

Молчание.

Владимир. Я дозвонился до Леонид Петровича. Он приезжал сегодня ко мне на работу.

Молчание.

Владимир. Он сказал, что если капремонт будем делать, то за наш счет.

Молчание.

Владимир. Сказал, что никаких в счет оплаты квартиры.

Молчание.

Владимир. И вот еще.

Владимир кладет ключи на стол. Молчание. Заходит Шур Шуровна.
С ней Сантехник с ящиком инструментов.

Шур Шуровна. Вот тут у них. Совмещенный, известное дело. У меня ж такая же планировка, как у них. Точнее, наоборот — у них, как у меня. Я тут первый жилец.

Владимир. Прошу прощения. Вы как, черт бы вас побрал, зашли? Леонид Петрович же забрал у вас ключи.

Шур Шуровна. Вот у них, видишь? Вот тут стояк. Видишь? Видишь, как плитка покладена? Вот за ней сразу трубы.

Сантехник. Я Ризван. Ризван трубы не делает. Ризван короб вскрывает.

Владимир. Вы дубликат что ли сделали? Дубликат, да? Это, черт бы вас побрал, в конце концов, незаконно, простите. Галина, вызывай милицию.

Галина (*продолжает пить чай*). Ничего сделать не может.

Шур Шуровна. Ну, что ты тут Лазаря поешь? Дубликат. Открыто было, открыто.

Владимир. Галина, что она такое говорит? Ты же последняя заходила. Когда из магазина пришла, ты закрывала.

Г а л и н а. А смысл? Смысл закрывать? У нас не дом. У нас проходной двор. Ты же мужик. Вот и разбирайся. Принимай решение.

В л а д и м и р. Как это смысл? Ты дверь специально не закрыла?

Ш у р Ш у р о в н а. Ну, Ризванчик, приступай. Арбайт. Нам еще трубы с тобой таскать.

С а н т е х н и к. Я Ризван. Ризван трубы не таскает. Ризван короб вскрывать будет.

Ш у р Ш у р о в н а. Ну, тебе видней, Ризванчик, известное дело. Давай, делай что надо.

Сантехник достает из ящика с инструментами молоток и долото.
Ставит долото в шов плиток, бьет.

В л а д и м и р. Я прошу прощения, это как? Это как понимать прикажете, простите? Вы же говорили, что только смотреть будете?

С а н т е х н и к. Я Ризван. Ризван не смотрит. Ризван вскрывает.

Ш у р Ш у р о в н а. И унитаза, видишь? Видишь, Ризванчик, как шатается? Не санузел. Чистая диверсия.

Сантехник не смотрит. Сантехник бьет молотком по долоту. Плитка трескается, сыпется штукатурка.

В л а д и м и р. Уважаемый, вы, может, не знаете? Мы, простите, капремонт не делаем. Слышите?

С а н т е х н и к *(продолжает бить молотком по долоту)*. Я Ризван. Ризван не лезет в чужие дела. Ризван короб вскрывает.

Ш у р Ш у р о в н а. Не хрюкай тут в колхозе. Мы тут все голодные. Не проходят у меня трубы. Не проходят. Через вас будем затаскивать.

В л а д и м и р. То есть как это через нас? По какому это, простите, праву через нас? Если у вас не проходят, то и у нас, простите, не пройдут. У вас же такая же планировка, как у нас.

Ш у р Ш у р о в н а. Это у вас, как у меня. Ничего, пропишем как-нибудь.

В л а д и м и р. Вы, в конце концов, уничтожаете чужое имущество.

Ш у р Ш у р о в н а. С Ленчиком я договорилась, известное дело. Собственник дал добро.

В л а д и м и р. То есть как это добро? Я сегодня с ним разговаривал. Он мне ничего не говорил. Мы наоборот. Мы с ним,

наоборот, договорились о покупке квартиры. Я кредит оформил. Я первый взнос внес.

Г а л и н а. Что ты сделал, я не поняла?

В л а д и м и р. А ты так и будешь сидеть и смотреть? Звони Леонид Петровичу. Этому Пантелееву.

Г а л и н а. Ты из маминых взял? Из подарочных?

В л а д и м и р. У нас тут дом рушат, но ты, Галина, конечно же, права. Отдых в Турции сейчас важнее.

Г а л и н а. Не гони мне тут овцу. Я не поняла, ты из подарочных взял?

В л а д и м и р. Все ты поняла. Хотела, чтобы я принял решение? Пожалуйста. Я принял решение.

Г а л и н а. Эти деньги мне, мне мама подарила. На Турцию подарила. Она, между прочим, тоже в кредит залезла. Я устала. Я имею право на отдых.

В л а д и м и р. Устала? Ляг, поспи.

Г а л и н а. Здесь поспать мало. Здесь помереть надо.

В л а д и м и р. Эти деньги нам, нам на юбилей свадьбы подарили. Это наши деньги, а не только твои.

Г а л и н а. Их моя мама подарила. Моя. Твоя же только шуточки дарит.

В л а д и м и р. Тебе нравились эти шутки.

Г а л и н а. Я и за тебя вышла. И что теперь? Твоя мать могла бы и квартиру нам отдать. В городе.

В л а д и м и р. У нее однокомнатная. У твоей мамы, простите, тоже квартира есть. Тоже однокомнатная.

Г а л и н а. Там семеро под лавкой прописано. Мама, Бабушка, дядя Саша. А у твоей в городе.

В л а д и м и р. Разговор окончен, Галина. Я мужик и я принял решение.

Г а л и н а. Я тебя сейчас убью.

Галина бьет Владимира полотенцем. Владимир бежит по кухне, коридору, уворачивается. Галина за ним. Сантехник бьет молотком по долоту. Плитка трещит, штукатурка сыпется. Квартира погружается в клубы пыли.

В л а д и м и р *(продолжает бегать и уворачиваться)*. Остановите террор, в конце концов. Теперь мы тут собственники.

Ш у р Ш у р о в н а. Документы, известное дело, показывай, собственник.

Владимир. Ну, почти собственники. Я первый взнос внес.
Галина (*бьет Владимира*). Ворюга!

Шур Шуровна. Вот я собственник. У меня документы есть. А вы так — сквозняком надуло.

Владимир (*уворачивается от удара Галины*). Вы узурпатор. Террорист. Прекратите террор. Галина, звони в интерпол.

Галина (*бьет Владимира*). Деньги верни.

Сантехник (*его уже не видно из-за клубов пыли*). Я Ризван. Ризван говорит, поберегись.

Раздается грохот. Из туалета вылетает огромное облако пыли, осколки плитки, куски фанеры. Молчание. Владимир и Галина, как замерли — Галина замахнулась, Владимир укрылся рукой — так и стоят. Когда пыль оседает, видно, что на месте унитаза куча строительного мусора.

Сантехника не видно. Видны трубы в стене.

Шур Шуровна. А сколько время? Засиделась что-то. Мне еще подъезд мыть.

Владимир. А где этот? Как его? Галина, как его звали?

Шур Шуровна. Говорила же я — непутевый человек непутево поклял. Ну, все. Я ушла.

Шур Шуровна уходит. Владимир и Галина еще какое-то время стоят в той же позе.

Владимир. А где он? Как его? Галина, звони в МЧС, в скорую. Как его звали?

Сантехник (*вылезает из-под обломков, отряхивается*).

Я Ризван. Ризван короб вскрыл.

Владимир. Вы живы? Как вы?

Сантехник. Ризван может уходить.

Владимир. Как это уходить, простите? Куда? А дальше что? Это может быть у вас там, в Туркменистане так можно — стену сломать и уйти. А у нас... У нас тут, простите, не Туркменистан.

Сантехник. Я Ризван. Ризван никогда не был в Туркменистане. Ризван из Казахстана.

Владимир. Вы вчера про Туркменистан говорили. Я помню. Галина, подтверди.

Галина. Господи, я куда-то падаю. Падаю в какую-то страну третьего мира. В Норильск в какой-то падаю. Как все грязно, мерзко.

Владимир. Ну, он же, он же вчера к нам приходил. Помнишь?

Г а л и н а. Да какая разница.

В л а д и м и р. Как это какая? Как это какая разница, Галина?

С а н т е х н и к. Я Ризван. И Ризван уходит.

В л а д и м и р. Погодите. Как это уходит? А дальше? Стенку сломали, а кто дальше-то? Кто делать будет? Трубы, капремонт, вот это все?

С а н т е х н и к. Я Ризван. Ризван короб вскрывает. Трубы Роман будет делать.

Сантехник уходит. Молчание.

Г а л и н а. Что я здесь делаю? Что я здесь забыла? Трое в лодке, нищета и собаки. Почему мы здесь остались? У твоей же матери в городе квартира.

В л а д и м и р. Галина, мы уже это проходили. У моей мамы однокомнатная квартира. Здесь проще купить квартиру, дешевле.

Г а л и н а. Почему мы здесь остались? Почему я здесь осталась? Ну, зачем ты тогда приехал? Ко мне зачем приехал? Пять лет. Пять лет с тобой вошкаюсь. Замуж зачем позвал? Вот жил у себя там в городе. И жил бы себе спокойно. Как все грязно, мерзко. Как ручка в трамвае. Вся жизнь, как трамвайная ручка, грязная, засаленная.

В л а д и м и р. Как это зачем?

Г а л и н а. Я хоть и не Ризван, но я ухожу.

В л а д и м и р. Как это уходишь? Куда?

Г а л и н а. Куда-куда. На улицу Труда. Мне дышать нечем. Мне отмыться надо.

В л а д и м и р. Где? Ты посмотри.

Г а л и н а. Ну, тогда просто ухожу.

Галина уходит. Владимир остается один. С потолка в туалете тонкой струйкой течет вода.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Вечер следующего дня. Кухня. Сумерки за окном еще гуще, отчего свет лампочки еще желтее, еще грязнее. В квартире повсюду строительная пыль. В туалете на месте унитаза по-прежнему куча обломков стены. У окна стоит Владимир.

В л а д и м и р. Галя, Галочка, Галчонок... Нет. Не так. Галочка, милая моя, хорошая Галочка... И правда на галочку, на закорючку,

на крестик на какой-то похоже. Крест, крестик ты мой. Пять лет тебя несу. Я и дальше нести готов. Слышишь? Своя ноша не тянет. Галочка... Все не то. Как я тебя называл все эти пять лет? Галчонок? Нет. Птенец. Лысый, уродливый птенец. Опять не то. А как мне тебя называть? Галина? Это как-то слишком официально. Как будто не прощения попросить хочу, а официально расстаться. Нет-нет-нет... Господи, что за имя? Как не назови, все не так. Ты у меня вся такая. Тебе все не так. Неудобная. И имя у тебя неудобное. А я же хотел быть тебе удобным. Я хотел, как тебе лучше. Снова не то, не то все.

В коридоре слышно, как один за другим открываются три замка.

В л а д и м и р. Галя. Галя, я дома. Я здесь.

Входят Шур Шуровна и Сантехник с ящиком для инструментов.

Шур Шуровна. Вот тут у них. Совмещенный, известное дело. У меня такая же планировка. Вот тут розетка. Да не разуйся. Видишь, какая грязюка тут? Не квартира, чистый свинарник. Так иди.

В л а д и м и р. День сурка.

Шур Шуровна. А вы что тут? Ужинать собираетесь? Приятно кушать.

В л а д и м и р. Я думал, это Галина.

Шур Шуровна. Видела сегодня, известное дело, твою Галку. Вот, ключи мне отдала. Мы быстренько. Ибрагимчик, заводи свою шарманку.

В л а д и м и р. Сегодня уже Ибрагимчик? Вчера он был Ризванчиком. Позавчера Туркменистанчиком.

Шур Шуровна. Я не делю людей на уровни. Я выше этого.

В л а д и м и р. Вот вы помните, как выглядел вчерашний сантехник? А позавчерашний?

Шур Шуровна. Помню, известное дело.

В л а д и м и р. И как?

Шур Шуровна. Как свои пять пальцев.

Сантехник что-то показывает Шур Шуровне на языке жестов.

Шур Шуровна. Да, у него и раньше проскакивали расистские высказывания. Вот, Ибрагимчик, с каким контингентом приходится работать.

В л а д и м и р. Он теперь еще и глухонемой?

Шур Шуровна. Он говорит, что ты фашист. Раз у тебя все южане на одно лицо.

Владимир. Я не говорю, что они на одно лицо. Я говорю, что это один и тот же человек. Он это приходил. Вчера и позавчера. Он.

Сантехник снова что-то показывает Шур Шуровне.

Шур Шуровна. А еще он говорит, что мама у него русская. А папа цыган.

Владимир. Я устал.

Сантехник снова что-то показывает.

Шур Шуровна. Точнее, наоборот. Папа цыган, а мама русская.

Владимир. Да какая разница?

Сантехник снова что-то показывает.

Шур Шуровна (*смотрит на Сантехника и переводит*). А еще он говорит, что не любит, когда по имени что-то там определяют. И что он вообще в душе Аристарх... А что ж ты молчал? Хочешь, я тебя Аристархом буду звать?

Сантехник мотает головой.

Владимир. Как вы его понимаете? Учились где-то?

Шур Шуровна. Я, известное дело, со всеми общих язык нахожу. Ну, хочешь, Ибрагим, хочешь, Аристарх — заводи шарманку.

Сантехник достает из ящика для инструментов болгарку, разматывает шнур.

Владимир. А это еще что?

Шур Шуровна. Вчера короб вскрывали. Сегодня трубы будем срезать. Сейчас, это быстренько.

Владимир. А трубы? Трубы когда будете делать?

Сантехник снова что-то показывает.

Шур Шуровна. Он только срезает. Трубы Роман будет ставить.

Владимир. А как мы без труб?

Сантехник достает из кармана бумажку, разворачивает и показывает сначала Шур Шуровне, потом Владимиру.

Шур Шуровна. А это твое заявление. Где ты, известное дело, отказываешься от капремонта. Теперь за денежку за от-дельную. Ну, или (*переводит жесты Сантехника*), говорит, новое заявление писать надо. И ждать до следующего капремонта. Ну, хватит, Ибрагимчик, Аристархушка. Громкий ты. Заводи, говорю, свою шарманку. А то мне еще подъезд мыть.

Сантехник втыкает вилку в розетку, нажимает кнопку. Гаснет свет.
Молчание.

Шур Шуровна. Ленчик что ли и проводку сам делал? Непутевый человек. Чистый лапиндос. Ну, что поделать. Значит, завтра придем. Да погоди ты, Ибрагимчик. Я ж тебя не вижу. Айда на свет.

В темноте слышны шаги, шарканье Шур Шуровны. Слышно, как закрывается входная дверь. Тишина.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Темнота.

Г о л о с В л а д и м и р а. Галя, все не то. Не то все, Галя. Не могу подобрать слова. Слова, они ведь только в голове как-то правильно звучат. Только там существуют. А стоит их произнести, выпустить только их стоит, они ведь теряются. Опадают шелухой какой-то. Нелепой, ненужной шелухой. Как семечки в подъезде. Галя, давай помолчим. Давай помолчим, Галя. Как тогда, когда-то. Помнишь? Как нам было хорошо тогда, в тишине, молчать. Помнишь? Только приди домой. Помнишь, как хорошо нам было?

Под потолком на кухне загорается лампочка. У плиты стоит Г а л и н а.
Галина пьет чай, улыбается и молчит.

В л а д и м и р. Помнишь? Помнишь, как хорошо нам с тобой было без слов. Не надо было слов. Без них все было понятно. А теперь... Теперь я не могу найти слова. Не могу подобрать нужных.

Г а л и н а (*смеется*). Ничего-то ты не можешь, Третьяков Владимир Сергеевич.

Владимир обнимает Галину.

В л а д и м и р. Галя, Галочка, Галчонок...

Г а л и н а. Не гони мне тут овцу, понятное дело.

Владимир поднимает глаза и видит, что обнимает Шур Шуровну.

Шур Шуровна. Мы же почти родня с тобой. Мне тут все родное, известнее дело.

Владимир. Как вы зашли?

Шур Шуровна. Нет, ну это надо же. Надо же думать, что понимать.

Владимир (*вырывается из объятий*). Простите. Я думал, это Галина.

Шур Шуровна. Видела сегодня, известное дело, твою Галку. Вот, ключи мне отдала.

Владимир. Мне нужна моя Галя. Мне надо к жене.

Шур Шуровна. Известное дело, надо. А то что получает-ся? Столько платить и все коту под хвост?

Владимир. Галя, мы платили?

Шур Шуровна. Вы мне за все заплатите. За все ответите.

Владимир. Галя, все не то. Не то все, Галя.

Шур Шуровна бьет Владимира полотенцем, Владимир стоит, уворачивается.

Шур Шуровна. Я старая больная женщина. Первый жилец дома. Я полет Гагарина помню. Затопили старую бабку нечистотами своими и сидят, довольные. Я на вас в тюрьму подам.

Владимир. Не то все, Галя.

Владимир уворачивается, замирает. Понимает, что его никто не бьет, оглядывается. Вместо Шур Шуровны стоит Сантехник.

Сантехник. Я Ризван. Ризван в Турции не был. Ризвану не надо быть в Турции. Ризван короб вскрывает. Трубы Роман будет делать.

Владимир. Не могу найти слов. Нужных не могу.

Сантехник что-то показывает на языке жестов.

Владимир. Не то все, не то. Все слова, как шелуха. На полу в подъезде валяются. Люди ходят по ним, плюют в них, топчут-топчут-топчут. Не надо слов.

Сантехник показывает Владимиру жест.

Владимир. Не то, не то, не то. Опять не то.

Владимир на кухне один.

Голос Шур Шуровны. Отродясь такого не было и вот опять.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Владимир просыпается на полу кухни. За окном утро. Под потолком тлеет лампочка. В утренних лучах ее свет не кажется уже ни желтым, ни грязным. Его почти не видно. Видно лишь, что нить накаливания еле светит. Над Владимиром стоит Шур Шуровна.

Шур Шуровна. Я говорю, отродясь такого не было и вот опять.

Владимир. Что опять?

Шур Шуровна. Денег много? С утра свет жгут. Просыпайся, женихи все ворота обосрали.

Владимир. Что вам опять от меня надо? Оставьте меня в покое.

Шур Шуровна. Я, как старшая по подъезду, обязана всех оповестить.

Владимир. О чем?

Шур Шуровна. Так известное дело, о чем. Наш дом внесли в программу реновации. Сносить нас будут. Хорошо же ведь, Машка?

Владимир. Я не Машка. Я Владимир.

Шур Шуровна. Да какая разница? Хорошо же ведь.

Конец

«ЯЖЕМАТЬ», ИЛИ МЫ — МУЗЫКА

Монолог

В общем, мы с Максом сразу порешали: мы чайлд-фри. Никаких детей, никаких обязательств. Живем один раз, для себя. Порешать-то порешали, а потом бац — две полоски. Я, конечно, сначала подумала: все на аборт. Ну, я то есть. Заказали вечером пиццу. Макс еще такой говорит: «Настя, а жалеть-то не будешь? А то ведь в дитячках счастье, дал Бог зайку — даст и лужайку». Ну это он так шутит, конечно.

Прихожу на аборт записываться, а там очередь в три ряда. И большинство с пузом. Капец, сидела реально три часа в обществе этих свиноматок. Каждую там по полчаса принимали. Что они там делали? Делать раньше надо было. Вот как я. Сразу же пришла. Короче облом, без записи сейчас не пройти. Только за бабки. Без бабок — две недели ждать. Звоню Макс, говорю: «Подкинь питик до стипухи». А он чет съехал. Мол, вчера все на пиццу потратили, сегодня без бабосов сидит. Записалась через две недели.

Через две недели моя врачиха в отпуск ушла. Я сидела-сидела на другом участке в очереди, забила и ушла. Потом все записаться не могла. Еще токсикоз начался. Это как жесткое похмелье, только ты не бухал вчера. И вот это похмелье каждый день, особенно утром. Организм считает, что он отравлен и пытается от личинуса избавиться. Ну мы с Максом рассудили, что люди мы взрослые. И ребенка не хотим. Я даже список составила, почему мне нельзя ребенка.

Во-первых, придется пропустить очень много серий «Игры престолов» и других мультяшек.

Во-вторых, у меня только начало получаться играть на гитаре. Я хочу найти себя в творчестве, да и папик один знакомый обещал взять меня в инди-рок группу.

В-третьих, я не видела весь мир. Я только в Геленджике была. А тут мне почти сделали визу. Меня ждут Париж и Лондон. Да хоть бы Чехия и Сербия.

Четвертое, у меня красивый тренер по йоге и только начало все получаться, но какая медитация при вечно орущем ребенке?

В-пятых, не уверена, что Макс моя судьба. Может, я и встречу своего единственного, вот от него и рожу лет в сорок, как звезды Голливуда.

В-шестых, у нас по линии прям жесткая расположенность к полноте. И все жиреют после родов.

Седьмое, надо выплатить кредит за айфон и купить гироскутер.

И самое главное, мы с друзьями уже решили открыть стартап по продаже смузи и одежды из вторсырья. Природа будет благодарна. Недавно я наткнулась на философию Лагом. Крутая штука. Жить умеренно. Лишнее отдавать. Никого не убивать.

Аборт, короче, поэтому нельзя. А отдать ребенка тому, у кого его нет — идеально. Отказную решила я писать. Родным я не сказала. Начали бы уговаривать, давить. Хорошо, никого в городе не живет.

Благо, групп для «Яжематерей» в инете — завались. Нарыла парочку мамашкиных форумов. Помониторила. Нашла анонимный такой. Где даже почту для регистрации не требуют. И, короче, написала я пост, что готова продать новорожденного ребенка от здоровых родителей. Цена вопроса двести тысяч рублей. Я бы и бесплатно отдала, но я ж должна быть уверена, что ребенок человеку нужен. Ну типа продать в хорошие руки. Полчаса пост подержала, потом удалила. Мало ли. Меня, конечно, все засрало за это время, а одна бабенка написала в личку. Мол, ваш цвет волос, глаз. А у папашки. А ваш рост, вес. Короче, такое практичное отношение. Потом дала свой айди в ВК. Нашла ее, позырила. Ну такая обычная баба из Мухосранска. Чем-то на меня похожа внешне.

Выяснилось, что этой Кате 34 года. И вот ее плодовитостью природа не наделила. Ходила эта Катя на ЭКО, это когда тебе ребенка твоего же тебе засовывают, а тебе только выносить остается. Но чёта там не приживалось. Потом она в детдом пошла. А там какая-то жесткая бюрократия. И детей здоровых почти нет. И типа органы опеки такие: а что вы хотите, это тоже

дети. Берите инвалидика — не пожалеете. Катя давай оформлять все. И тут ее мужику дают условку за репост. И все, привет.

Короче, мы нашли друг друга. Космический случай. Я даже подумала в какой-то момент, что это мой личинус нам помог. Говорят, у младенцев связь с космосом напрямую. Ну вот тут, на голове, где темечко. У маленьких детей там косточки нет — мягкое место. И типа это верхняя чакра открытая. Бесплатный вай-фай с космосом. Потом зарастает кость и все. Связи нет, или совсем плохая. Никаких тебе тайных знаний, никакой музыки Вселенной. Ну и типа, когда они не родились, они как бы вообще все время в космосе. Фигня, наверно, это все.

Ну мы не просто так. Мы типа договор написали. Подписали его обе. Типа оформили сделку. Половина денег сейчас, остальная — после передачи дитя на руки. Потом решили с Максом это дело отпраздновать. И пошли в поход. Ну как в поход — в лес с ночевкой, палаткой. С друзьями. Беременность же не болезнь. Тусанули так хорошо. Я играла на гитаре сама, прыгали через костер, катались на лодке до другого берега. Я, кстати, с детства хорошо гребу. Сама была на веслах. Потом еще в гору поднялись небольшую. Короче, такая красота. Всю ночь не спали, а утром встречали рассвет вместе. Поспать не успели, сразу на учебу.

Вечером меня увезли на скорой. Угроза выкидыша. Приходила Катя. Чет мне как-то стремно стало перед ней. Я так думаю, щас как в одностороннем порядке договор аннулирует. Нет, вроде обошлось. На витамины мне дала. Там на обследования всякие.

На учебе начали спрашивать. Типа че это у тебя, живот? Я как-то этот момент не продумала, блин. Реально ж не скрыть такое. Порылась в инете, искала, как жирняшки скрывают свои животы, бока. Буду пока одеждой корректировать этот косяк. Макс чёта козлить начал. Говорит, мол, не хочешь какое-то время в общаге от института пожить? А то матушка к нему приезжает. Спалит, что я залетела. Я, значит, залетела. Ага, сама. От пальца. Ну я закусилась с ним. Блин, чувак. Это ж не навсегда. Еще пять месяцев осталось и снова норм жить будем. Главное, бабки мои он норм со мной тратил. Комп себе купил новый. А тут — иди в общагу. Кто меня в середине года возьмет? А снимать я не могу. Я не работаю официально. А вторсырье дохода чет не приносит.

Катя потащила меня на УЗИ платное. Ну бесплатное-то я прохожу. Личинус здоров. И тут приперло ее. Хозяин барин, че. Приходим такие. Катя еще с переноской, с котом пришла. В машине его, правда, оставила. Говорит, на днях на улице нашла. Рыжий такой, большой, взрослый. Везет на какую-то передержку. Типа, не мой личинус, у себя бы оставила. А тут вдруг аллергия. И все такое. Заходим в кабинет. Парочка милых лесбух. И мне все слышно. И видно. И объясняют что-то. А сердце у этого, ну, у этого, бьется. Так быстро-быстро-быстро. И показали. Там ножки, ручки. Голова большая такая. Но только пол не сказали. Попой повернулась козявка и ручку между ног. Девочка скорей всего будет, говорят. Раз такая стесняшка. Катя потом с рыжим котом поехала. А я домой.

В трамвай села. Еду. Он битком набился. Сижу, слушаю музыку в наушниках. Телефон, собака, сел. Выключила, наушники не выдернула из ушей. Смотрю в окно и по привычке пытаюсь расслышать, о чем говорит биомасса, которая рядом трется. Но людей так много, что фиг зацепишь самую интересную цепочку. Перестаю вслушиваться в смысл слов. И тут я обалдела. Я услышала музыку из речи всех этих людей в трамвае. Местами она была громче, местами выше, ниже, но определенно был какой-то ритм. Какая-то невероятно красивая мелодичность из разных слов, обрывков фраз. Это все переливалось, сплеталось, звучало, как у птиц, как у пчел, может. Но такая живая, настоящая мелодия. И я подумала, что люди — это бесконечная красивая музыка. И, возможно, если во Вселенной есть другие миры, они нас слышат, как эту музыку. Может, в этом и есть наш смысл — щебетать, создавая эти странные звуки, которые, сплетаясь, превращаются в мелодию. Люди — это музыка. Небольшой плей-лист в огромном космосе. Как-то я даже не сразу заметила, что все время, пока ехала, руки на животе держала.

Прихожу домой. Ну, Макс, блин. Вещи мои в подъезде. Ключ не подходит. Звоню — трубку не берет. Потом смс от него приходит: «давай без обид, матушка приедет утром, останемся друзьями, позже пересечемся».

Ну я, как идиотка, подолбилась к нему в дверь. Побила ее, ногами попинала. Поревела, покричала. Сосед-наркоман выглянул. Ну, может и не наркоман, но вечно то Элджея слушает, то другую неведомую херь. Сказал, что щас ментов вызовет. И барاخло свое чтоб забирала. Ну, че делать, набрала Кате. А са-

ма думаю, вот наследственность и не сильно хорошая у детеныша получается. Отец мурак, а мать идиотка, которая не заметила, что отец мурак. Катя увезла меня к себе. Даже ниче не сказала. Мы вообще с ней не общаемся почти.

Вот так, чтобы сесть и поговорить — никогда не было. Я при ней просто затыкаюсь и молчу постоянно. А она какую-то чушь спрашивает: как здоровье, мол? Как учеба? Можно подумать, что ее это еб**. Я вообще вдруг задумалась, а на фига ей мой ребенок? И вообще я ее не знаю. Она ниче не рассказывает. Может, она на органы его продать хочет?

Я начала жить у нее — и мы все равно не общаемся. Не то что-бы мне это надо. Но так странно. Как будто просто соседки. А может так и есть. В конце концов, вряд ли могут подружиться две бабешки, из которых одна мечтает о ребенке, а другая хочет его отдать. Я вообще в какой-то невыгодной для себя жопе оказалась. Даже за аборт я была бы не так проклята обществом, как сейчас. Я теперь изгой. Падла. Не женщина. Как я вообще могла, таких, как я, надо в тюрьму, таких, как я, надо стерилизовать, а что, если бы со мной моя мать так поступила?

Короче, вторсырье вообще не пошло. Денег нет. Прошлый семестр еле-еле закрыла, стипендии тоже нет. Звонит мачеха. Хочет в гости. Еле отмазалась. Ну как мачеха, я на самом деле ее так не называю. Ирина, жена моего отца. Нормальная такая баба. Лет на десять меня старше. Скорей как сестра мне, а не как мать. Клевая. Но сплетня, пипец. Ее сейчас только не хватало. Договорились, что я сама через месяц-два приеду в наш Зажопинск.

Иду домой, впереди слышу, как кто-то отчаянно кричит: «Люблю тебя! Люблю тебя! Люблю тебя!» Думаю — странно: у нас там дом напротив, где живут одни бухарики, откуда такие чувства-то. Подхожу ближе, а голос стал четче, и я различаю: «Ублюдина! Ублюдина! Ублюдина!»

За все время, пока я живу у Кати, так ни разу мужика ее не увидела. Никаких фоток общих. Одежды мужской. Бритвы там в ванной, щетки зубной. Ничего. Спросить как-то постеснялась. Только в компе на фотки с рыжим котом наткнулась. Вот он с Катей на кровати. Вот он в ванной, свернувшись клубочком, в раковине спит. Вот летом на балконе сидит, нюхает что-то. Вот зимой на поводке специальном. Гуляют. Вот он котенок совсем.

Макс зачем-то приснился. Мы с ним как будто оба умерли и давно простили друг друга за все. Постояли во сне рядом,

подержались за руки. И так тепло на душе стало, как будто он не предатель и не мудака.

Проснулась, голова тяжелая, ног не чувствую — онемели. Руки тоже какие-то ватные. Холодные-холодные. Пытаюсь встать, голова закружилась. Зову Катю и понимаю, что сама своего голоса почти не слышу. Шепот это какой-то, хрип. Думаю, ладно, надо попытаться хоть до ванной дойти, умыться. Встала.

Очнулась в больничной палате. Ну ё, опять капельницы. Я ведь в этот раз не виновата, что я в больнице. Пришел врач. Сердца, говорит, не слышу. А УЗИ в субботу не работает. Надо ехать в платную. Катя трубку не берет. Иду до туалета. Смотрю на трубы под потолком. Вот сюда можно перекинуть простынку. Но надо две для надежности. Хорошо их завязать. Потолок высокий, я низкая. Вдруг не докину. И как мне в петлю — в прыжке? И записку надо написать. Чтоб меня медперсонал нашел, а не другие беременные. Спокойно, спокойно. Без слез. В палату. Взять простынки, чтоб не спалили.

В палате все воют. И врач стоит, две медсестры. Штука такая огромная, в палату завезли. Это КТГ. Положили. Включили. Тишина. Да нет же сердца, сами сказали. И с утра не пинается. Зачем это все? Лежу. Тишина. Тишина. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Живая.

Катя потом пришла. Говорит, что претензий ко мне нет. Что так получилось. Что она нашла суррогатную мать. Вещи мои можно после родов забрать. А деньги, полученные от нее, можно частями вернуть. Очень благородно, че.

За неделю до родов нас даже из больницы отпустили, чтоб я хвосты подбила. В универе взяла академ. Уже ничего не скрыть. Только Макс мимо прошел по лесенке. Не поздоровался. Я потом еще видела его. У него баба появилась. Они в походы ходят. Она веган. Он теперь тоже. На своей страничке за здоровое питание ратует. Слово-то какое противное — «ратует». Ну пусть ратует, мне-то че?

А завтра нас уже выписывают. И тебя, и меня. Вот ты, а вот отказная. Пока неподписанная. Но все и так понятно. Мне двадцать лет, мне надо учиться, у меня нет ничего, мне рано детей и не надо. Я буду плохой матерью. Я знаю. Начнется это постоянное: ничего не трогай, посиди на месте, говори шепотом, нет, щас нельзя, мама занята, подожди, потерпи, потом сходим, потом покажу, потом объясню. И однажды ты меня спросишь:

«Мама, когда мы уже с тобой поиграем, сколько ты можешь работать?» А я не смогу тебе ответить. Потому что никогда. Потому что некогда. И зачем я тебя тогда в этот мир привела? Чтобы ты сидела тихо в сторонке и никого не трогала?

Вот сейчас твоя связь с космосом крепка. Ты пока там напрямую общаешься, через свою чакру, через свое темечко мягкое. Ты им скажи, что они ошиблись. Что тебе нужна хорошая мама. Что ты для нее. Пусть они в своей этой Вселенной, в этом плейлисте что-то немножко поменяют. Потому что так нельзя, давать тому, кому не надо. И не давать тем, кому надо. Ты скажи им там. Скажи, пусть найдут тебе хорошую. А я не могу быть нормальной мамой. Не могу и все. Ну, тихо, тихо, не плачь, все хорошо.

Конец

КУРТ КОБЕЙН*

Роман Дымшаков

И ОНА ТАК ЖЕ ХОТЕЛА СЕБЕ ЛОЖНЫЕ ЗУБЫ

Сцена на диване

Полли. Мне надо там еще вернуться на вечеринку. Тело все свербит, блин. Я ведь не рождена была от легкого способа прикурить, какие-то во внешнем проявлении имею все-таки. Там квартирник был в лесу через сосны, мы с девками пошли и не вернулись. Концерт какой-то новой группы — Имитация Сварного Шва. А мне-то что, много ли надо? Ну я и в зюзю, наглухо с девчатами там. Ой, я упала так сильно. Вот. Колготы порвала. Прямо в грязь. Ты сердисься? А нечего. Недолго же. Мне так и спать каждую ночь что ли возле тебя? Чтобы хоть кусочки наших натуральных кож соприкасались, верно? Я уж добрей на тусе жирану. Хочу с рождения красивой быть, чтоб не приходилось вообще следить за собой, а то мне лень. Хочу, чтоб просто так было: проснулась, оделась и пошла. И чтоб не думать, как, блин, мне лучше завернуться.

Урод. Полли.

Полли. Там на входе этот старикан сидел, и он раздавал всем байки из своего дурацкого рта и сигареты. И за то, чтобы войти, надо было полностью его понять. А его никто не понимает, потому что он — супергерой с лицом Тома Уэйтса. Он крайне дерьмово распоряжается своими суперспособностями.

* Проект драматургов, посвященный лидеру рок-группы “Nirvana” Курту Кобейну, оказавшему влияние на мировоззрение поколения 2000-х.

Все время сидит на пне и только и делает, что курит кофе. Он называет себя Человеком Случайного Порядка. Его тухлявое лицо такое еще и радуется супергеройскому названию, которое сам придумал. Бесит. Его боятся дети, а он все равно ничего с этим не делает и только курит кофе.

У р о д. Полли.

П о л л и. Курит кофе, травит байки и сиги раздает. И, кажется, он ничего не видит. В пустых глазницах держит сдачу. Якобы когда-то, блин, учился в институте добрых дел. С помощью вычислений матриц у него получалось лучше всех, даже лучше, чем у педагога. Теперь он подбирает самый оптимальный маршрут общественного транспорта для людей за деньги. В кафе он рассчитал своему дружбану маршрут от работы до дома бесплатно, по старой дружбе. А тот сказал, что хочет лучше быть режиссером, чем вот это все. А этот завидовал. Что-то вроде такого история. А потом про балкон. Про балкон ваще топчик.

У р о д. Полли.

П о л л и. Лежит в огромной белой постели на балконе. Балкон, накраенный под семьдесят пять градусов и незастекленный. Очень боится свалиться на улицу, когда заснет и станет ворочаться. А рядом смежные балконы очень маленькие, но застекленные со всех сторон. Он видит, как на них выходят соседи, чтобы покурить. Они пригибаются и садятся на высокую скамейку, там у них очень тесно и неудобно, но выпасть невозможно, даже если несколько раз беспокойно заснет. Он мечтает о таком же балконе, потому что в нем будет безопаснее ему.

У р о д *(наливает чай)*. Сплю по пять часов в сутки.

Ничего не успеваю.

Мыслей нет.

Снов не вижу.

Погаси свет,

Дай поспать

И чаю.

П о л л и. Что ты ковыряешься?

У р о д. Бл**ские пакетики с гринфилдом. Если открываешь с одной стороны, то рвешь нах** бумажный держатель. Если же открываешь с двух сторон, то х** вообще получится открыть этот еб**ый пакетик. Как ни крути, получается какая-то уеб***ая х**ня, неудача еб**ая. В п***у вообще этот злоеб**ий чай. Бл**ская пыль.

Полли. А я так думаю — ага, многие истории своих знакомых я выдаю за свои перед другими знакомыми. Главное, не попасться когда-нибудь. Нужно вести учет, график пересечений событий и историю собственной лжи. Ну, или, блин, выкручиваться на ходу. Так тоже можно — быть таким скользким ужом, лавировать во всей этой степи лжи. Это проще, чем кажется. А главное, — никак не почувствовать своей вины, ведь ее ни в чем нету, мир просто так устроен.

Урод. Легко себя оправдывать мыслью о том, что мир просто так устроен. Очень удобно, Полли. Всем посоветуй.

Полли. Так и у старика этого так же, он за свои истории выдает чужую правду. И я его на этом поняла. И состарилась сразу также, и пришлось занять его место и всем свои истории рассказывать теперь. А все потому, что кофе, который он курит — с преждевременным старением.

Урод. Ты под чем?

Молчание.

Урод. Полли, ты помнишь вообще, что я у тебя спросил?

Полли. Я скоро съеду от тебя, мне там заплатят только за подработку.

Урод. Где ты спала прошлой ночью?

Сосед. Скажите, а у вас отверточки нет? Немножко бы...

Урод. Ц.

Полли. А там еще енотовая шапка была...

Урод. Ах, там еще енотовая шапка была... Оху*** ты бл*** истории рассказываешь, конечно. Где ты ночевала?

Полли. Там у друзей, которых ты не знаешь.

Урод. Есть границы дозволенного. Если б ты была у друзей, которых я знаю, то это было бы еще нормально. А у друзей, которых я не знаю, — это уже за границей дозволенного. Если б я тебе так ответил: «Да я тут у друзей, которых ты не знаешь», — то тебе бы это не понравилось, Королева Лака Для Волос. У меня есть веревка.

Полли. А зато твои шлюхи у меня внаглую уже деньги занимают. Прямо, блин, мне в лицо деньги занимают.

Урод. У меня с собой такой целый горшочек с брокколи был, захожу к девчонкам в костюмерку — ну что, мол, девки, погнали, а они мне такие — чо погнали-то, чо ты принес, иди давай отсюда, а я говорю — ну девочки, я ж рок-звезда, со мной нельзя так,

а то еще передознусь или повешусь — человек импульсивный, а они мне — ой, господи, спать иди, рок-звезда, мол. И я ушел спать. Это был единственный раз, когда мне вообще никто не дал. С тех пор не ем брокколи. Сраное брокколи.

Полли. Это не рыба, есть можно. Зашкварно есть рыбу, ведь чувств у нее нету.

Урод. Доставь мне удовольствие.

Полли. Я узнала все про вирус Эпштейна-Барра.

Урод. Это самый безобидный из всех моих вирусов.

Полли. Еще посмотрим, чей сильнее.

Урод. Надо же, папина девочка больше не девочка.

Полли. Немыслимый урод. Когда ты меня уже развяжешь?

Урод. Устал от таких людей, которые до сумбура во рту готовы прочить свою правду. При встрече с такими сначала хочется им все добросовестно и бескорыстно разжевать по полочкам что к чему, но со временем, когда теряется в ногах вера в человечество, махаешь рукой и принимаешь свою лень к этим объяснениям на спокойное благо дальнейшей бессмысленности, ведь в глазах у них такая же ленивая безготовность и закрытие от нового, суть враждебного, для них.

Полли. Ненавижу тебя за эти умничества твои беспонтовые.

Урод. Настала Зима Духа.

Полли. Мимо. Я не пользую мировоззрение в быту, шелкну суставом и дальше иду.

Урод. Ненавижу тебя за смешные заявления и тупой характер. И одинаково же я так тебя люблю. Какого черта? Смотри, что ты со мной сделала. Я окончательно свихнулся. Ты тут все химией своей покрыла, у моей собаки инсульт.

Полли. Сначала я думала, там другая комната, а это просто, блин, зеркало.

Урод. Оу, а можно смех сделать менее искренним?

Полли. Какой же ты омерзительный. Очень обезьяна.

Урод. Мышь забралась в бутылку, не смогла выбраться и померла. Ужасная смерть. Вот и я так же схохну. В бутылке. Я уже тут.

Полли. Нельзя в таком говне жить. Уважать себя надо. Ты в этом мире для того, чтоб только телом своим болтать туда-сюда? Или дело делать?

Урод. У меня амбиции, как у Господа Бога. И если я их не осуществлю, то стану самым несчастным человеком. Непрерывные

головные боли. Это мои друзья в голове у меня вооружаются. Есть такое, что люди чувствуют свою смерть перед тем, как это с ними происходит. Я и думаю, что, может, такое и со мной сейчас. Вдруг? Теперь обречен каждую ночь перед сном прислушиваться в тишине к дыханию своего сердца, к шуму друзей и ждать, ждать, ждать.

Полли. Давай не надо заставлять меня чувствовать себя виноватой. Я тебе ничего не сделала, я не знаю, как свести человека с ума.

Урод. Один мой знакомый поверил в Бога после марки.

Полли. Блин. Ты сейчас зачем это сказал?

Урод. Ну, знаешь, иной раз многого не надо.

Полли. Когда ты меня уже развяжешь?

Сосед. Извините, а у вас серотонина лишнего не будет случайно? Немножко бы...

Урод. Ц.

Полли. Себе-то не хватает.

Урод. Боже, благослови еб**ых соседей — спонсоров моих мультиснов.

Полли. На работе был?

Урод. Не пустили в метро с трехметровым инструментом. Правила позволяют провезти длинномеры до двухсот двадцати сантиметров. Служащая метрополитена спрашивала, не хочу ли я, чтоб ее уволили. Я, конечно же, хочу. Пусть эта еб**ая сука сгорит в аду. А потом ты меня довела, и я в обморок упал.

Полли. Ну, даже, блин, не знаю, насколько это действительно.

Урод. Я потерял сознание и упал на лестнице в метрополитене. Вызвали скорую, меня увезли в больницу. Еще у меня болел нерв над правым глазом. Инфекционист послал на рентген, потом к невропатологу. Невропатолог послал к лору. Лор послал обратно к инфекционисту. Диагноз: ОРВИ. Покурил, съел шаурмы, еще покурил, поехал домой на такси последними деньгами. Мне было не стыдно. Хотелось думать, что это смотрелось со стороны, как сцена из фильма «Револьвер», где мистер Грин падает с лестницы в слоумо под «Реквием» Моцарта. Пожалуйста, надевайте бахилы. А, точно, испугался, что забыл их снять. Вот рентгеновский снимок своей головы — его сказали убрать в карман.

Полли. Фу, убери в карман.

Урод. Это все из-за тебя. Иногда хочу быть другим конкретным человеком, можно даже не конкретным, чтобы только не собой. Это дорога страха. Ich liebe dich.

Полли. У меня была подруга, трусиха мелкая. Она заставила себя быть лютой. Она отрастила себе ложные зубы и давала везде отпор, где посчитала это нужным, в любой ситуации знала, что говорить. Она всегда побеждала, хотя признавалась, что трусихой быть внутри не перестала, и это у нее работа на всю жизнь. И я так же хочу себе ложные зубы. Я бы, блин, такого обращения к себе терпеть не стала. Я бы тебя ими загрызла так, чтобы из твоего прокуренного позвоночника вонючий соус брызнул. Урод. Очень обезьяна.

Урод. Папина девочка больше не девочка. Папина девочка просит печенюх и остальных приколюх. Но не дождется она печенюх. Не дождется она и других приколюх. За это нужно что-то сделать. У меня есть веревка. Доставь мне удовольствие. У меня есть немного спермы, от которой я хочу избавиться.

Заваливается толпа друзей Урода. Шумно.

Друг. Ты как, друг? У тебя тоже этот придурок серотонин спрашивал? На что он надеется? Ты чего такой сморщенный?

Урод. В обморок сегодня упал в метро. Пару секунд в отключке был пи**ец наглухо. Сон увидел за эти пару секунд. Меня и Полли похитил Росомаха. Он хотел разорвать ее на куски прямо у меня на глазах. Я упал на колени, стал плакать и умолять Росомаху не делать этого. Пока плакал, скрюченный на полу, я незаметно достал маленький ножик из заднего кармана и воткнул в горло Росомахи. Я стал резать и вспарывать его шею, пока не оторвал голову. Мне казалось, что он не сможет регенерировать такую рану. Но из головы выросло новое тело, а старое тело дополнилось головой. Их стало двое. Но тот, что с новым телом, сразу упал на пол, потому что мышцы не окрепли и кости были мягкие, как у новорожденного. А тот, что со свежееотросшей головой, как будто вообще не понимал, что происходит, он в страхе забился в угол и начал дрожать. А мне стало смешно.

Полли. С кем ты разговариваешь? Что ты меня целуешь? Я — мясо. С кем ты разговаривал?

Друг. Ну ты выдал. Да тебе, по-хорошему, не шнурки надо завязывать, а с наркотой и со всем своим дерьмом.

Полли. Ты омерзительный урод.

Урод. Я омерзительный урод.

Друг. Дак мы такие же все. Идем отпразднуем будущее похмелье.

Полли. Выпусти меня отсюда! Развяжи!

Урод. Чтоб просить об этом, надо что-то дать взамен.

Полли. Чего ты хочешь, урод?

Урод. Доставь мне удовольствие. У меня есть веревка. У меня есть немного спермы, от которой я хочу избавиться. Доставь мне удовольствие. Трахни меня.

Друг. Чего? С кем ты разговариваешь?

Урод. Надобно бы занимать себя мыслями, когда в трамвае еду и когда зубы чищу. Опять забуду себе напомнить.

Друг. А ты, кстати, Полли когда видел? Там батя еёный ищет везде ее.

Урод. Такой мужик, типичный дальнбойщик, у которого все фаланги пальцев имеют собственные волосы?

Друг. Ага.

Урод. Она превратилась в существо, которое говорит со мной шепотом через городские шумы.

Друг. У нас есть пол-литра текилы, баклофен и много огнестрельного оружия. Погнали.

Урод. Я сам себя не понимаю? Или мир меня не понимает?

Друг. Непонятно. Я вот сегодня три часа потратил на то, чтобы узнать имя охеренной порноактрисы. Ты бы видел, что она вытворяла со своими ключицами...

Урод. Сойдем с ума, только присядем на дорожку.

Друг. Пойдем лучше на задний двор. Постреляем.

Конец

КК

Действующие лица

Лиззи.

Продюсер.

Тело КК.

Задрипанная комната. На большой кровати лежит КК. Он неподвижен. Рядом Лиззи в засаленной клетчатой рубашке КК. Тушь растеклась, помада размазана по шее. Лиззи снимает с головы наушники и трясет КК.

Лиззи. Эй, парень! Очнись!

Молчание.

Лиззи. Эй, ты меня слышишь?

Молчание. Лиззи трясет КК.

Лиззи. Открой свои чертовы глаза!

Молчание.

Лиззи. Да что с тобой такое?!

Молчание. Лиззи слушает сердце КК.

Лиззи. О боже...

Лиззи. О боже! И что мне теперь делать? Что мне делать со всем этим факин дерьмом?! Господи, мамочка, ну почему ты просто не переехала меня в детстве на своем «бьюике»?!

Лиззи собирает свои вещи, намереваясь сбежать. В комнату бодрым шагом входит Продюсер с упаковкой пива.

Продюсер. Я принес выпивку, ребята! Вы закончили? Я пытался вам дозвониться, но никто не берет... Эй, что здесь происходит?

Лиззи в ступоре.

Продюсер. Бэби? У вас проблемы? Я оставил вас вдвоем на гребаных полчаса... Так что даже не пытайся сказать мне, что вы снова влипли в какое-то адское дерьмо, которое опять должен разгрести я. Окей? Я всего лишь продюсер — я не ваша долбаная мамочка!

Лиззи. Я ничего не сделала, клянусь! Он просто отключился и все!

Продюсер подходит к КК, ищет пульс на его шее.

Продюсер. Чем вы ширялись? Амфетамин? Кокаин? Героин? Крэк? Виски с ЛСД? Что?!

Лиззи смотрит на него.

Продюсер. Ну, подыграй мне, бэби, черт тебя дерит!

Лиззи. Ах, да... О, нет! Нет! Немножко травки и все! Я клянусь, мы просто трахались, и он вдруг отрубился! Бац — и все!

Продюсер. Вы просто трахались, и поэтому сейчас я не могу найти у него пульс? Это твоя версия, бэби?

Лиззи. Я клянусь, он был в порядке, когда мы начали! Он был в полном факин порядке, поверь! Не стану же я трахать мертвого парня, как ты вообще себе это представляешь?! Я не трахаю мертвых парней! Мама воспитала меня в традиционных ценностях!

Продюсер. Но он мертв, бэби. Он труп. Покойник. Печальный мертвец! Что ты, мать твою, наделала?!

Лиззи. Но я не хотела, клянусь! Это был несчастный случай!

Продюсер. Он просил тебя остановиться?

Лиззи молчит.

Продюсер. Ответь мне, бэби, я никому не скажу. Он просил?

Лиззи. Я не знаю! Я была в наушниках!

Продюсер. О, да ты меломан, детка. А могу я узнать, что ты слушала? Что тебя так завело?

Лиззи. «Вельвет Андеграунд»! Так что можешь вчинить им иск!

Продюсер. Господи, малыш, у тебя что, крыша поехала? Да эти парни единственные, кто смог найти ключ к моему тайному озеру с розовой водой, врубаешься?! Да я почти готов

вылизать их ботинки. *(Напевает.)* Язык ожидающего тебя кнута!
Кожа, сияющая в темноте! Ударь, госпожа, исцели его сердце!

Ли з з и. Значит, ты понимаешь, что я просто не могла остановиться.

Пр од ю с е р. Да, здесь ты права: я понимаю. Окей, а что потом?

Ли з з и. А потом стало слишком поздно! Я пыталась привести его в чувство, но он просто лежал и не двигался, как чертов мешок с мусором! У меня проблемы, да?

Пр од ю с е р. Да, ты облажалась по полной.

Ли з з и. Меня посадят в тюрьму, да? Господи, мне же дадут два пожизненных срока! Меня все возненавидят! А если мама узнает?! Я же сказала ей, что иду в книжный клуб!

Пр од ю с е р. Стоп, бэби. Тормозни на хайвэ своей истерики. Твой крик могут услышать соседи. И тогда мне придется объяснять этим усталым людям, что ты затрахала его до смерти. И они вызовут полицию — такое у меня предчувствие, как ни странно.

Ли з з и. Послушай, а если мы скажем полиции, что я просто вышла пописать, а когда вернулась — он уже не двигался? Да никто не будет выяснять, из-за чего именно умер этот торчок! Господи, всем плевать!

Пр од ю с е р. «Я просто вышла пописать, а когда вернулась — он уже не двигался»... Так?

Ли з з и. Да! Его сердце просто остановилось. Всему виной наркотики.

Пр од ю с е р. Нет.

Ли з з и. Но почему?!

Пр од ю с е р. Потому что так не пойдет, детка. Никто не поверит в эту чушь! К тому же не забывай, что ты заездила моего парня, окей? Я его нашел, я сделал из него эту долбаную чадающую звезду! А кто-нибудь спросил, чего мне это стоило?! Да всем до лампочки! А ты взяла и за полчаса уничтожила годы работы!

Ли з з и. Эй, я сожалею. Я правда сожалею! Клянусь, у меня и в мыслях не было его затрахать!

Продюсер качает головой.

Ли з з и. Я сделаю все, что ты захочешь. Проси что угодно! Я не хочу оказаться в тюрьме и сгнить там!

Продюсер. Все-все, кипизи, бэби, никто нигде не сгниет. Кроме нашего общего друга, разумеется. Сядь и выслушай меня. Будь хорошей девочкой. Возможно, у меня есть решение нашей проблемы.

Лиззи. Да, сэр!

Лиззи приготовилась.

Продюсер. Ты знаешь, что нужно людям, бэби?

Лиззи. Деньги? Наркота? *(Пауза.)* Может, секс? Я имею в виду — настоящий секс, а не то, что они им называют.

Продюсер. Разумеется, время от времени все это им необходимо...

Лиззи. Но что еще? Власть над другими? Свист кнута в темноте?

Продюсер. Время от времени и это тоже. Но чего Полли хочет больше всего?

Лиззи. Я не знаю. Ты мне скажи. Ты же наверняка учился в крутом университете, а я всего лишь девочка из книжного клуба.

Продюсер. Господи, это же так просто: Полли хочет развлечений. И слава богу, эта тяга неистребима. Полли хочет большой экран, сладкий попкорн и красивого парня рядом. Врубашься?

«Давай, накорми меня этим дерьмом, просит Полли, заставь меня забыть, что я никто. Заполни мою жизнь до отказа, как биотуалет на рок-фестивале, — пускай льется через край»... Врубашься?

Отбери у людей деньги — у них останутся развлечения. Отбери власть — у них все еще останутся развлечения. Но отбери развлечения — и у них не останется ничего, кроме сосущей пустоты, бэби. Но люди не хотят иметь сосущую пустоту — они хотят развлечений. Им нужен бесконечный поток. Врубашься?

Так что развлекай нас — или гори в аду. Мы жаждем зрелища. Нам нужен крутой поворот истории. Нам нужен крепкий сюжет, который пробьет наш гнилой мозг! Драконы? Отлично! Инцест? Супер! Массовая резня? О чем речь! Абсолютная власть? Вот она, ребята! Сверхчеловек в цветном трико из спандекса! Воздух полон свинца! Взрывы и крики! Посмотри в мои мертвые глаза: я уверен, что это начало прекрасного проекта, бэби.

Продюсер впал в транс.

Они жаждут. Они умоляют дать им героя. Настоящего героя, а не этих убогих созданий, которые выползают из гнусной канализации «Марвел»! И мы дадим им героя. Мы заткнем гребаную дыру в их маленьких темных сердцах.

Л и з з и. Мы? Ты сказал «мы»?

Пр од ю с е р. Я и ты, детка. Мы вместе. Если ты не облажаешься. А ты умеешь делать это хорошо, как я вижу... А сейчас отвернись и не поворачивайся в течение минуты.

Л и з з и. Зачем? Что ты собираешься делать?! Господи, только не трогай меня, прошу!

Пр од ю с е р. Заткнись. Я просто проверю, вдруг он спрятал героин в прямой кишке. Я, конечно, пытался уговорить его соскочить, но сама понимаешь — все эти печальные сутулые парни...

Лиззи отвернулась и закрыла глаза руками.

Пр од ю с е р. Ты точно не подглядываешь, Лиззи?

Л и з з и. Да, сэр! Я в полной темноте!

Пр од ю с е р. Оставайся там, пока я не прикажу тебе вернуться.

Продюсер целует КК в лоб.

Пр од ю с е р (КК). Я мечтал об этом с девяносто первого года, парень...

Л и з з и. О чем ты мечтал? Исследовать его прямую кишку?

Пр од ю с е р. Ты не понимаешь, детка. Он был ангелом. Слишком чист для этого дерьмового мира. Он пел свои грустные песни и возбуждал детишек. Было неплохо, парень. Но, кажется, что-то важное исчезло из нашего воздуха. Прощай.

Продюсер накрывает КК пледом.

Пр од ю с е р. Ты можешь повернуться.

Лиззи поворачивается.

Пр од ю с е р. Мы должны убить его, детка. Только не кричи, окей?

Л и з з и. Но я уже его убила! Открой свои чертовы глаза! Он мертв! Как Элвис! Как Фредди! Как все эти крутые ребята!

Пр од ю с е р. Да, но ты убила его низкобюджетным способом! А мне нужна высокодоходная смерть. У меня есть синеглазый

герой — и он должен умереть качественно. Только тогда я смогу обеспечить ему качественное воскресение в виде легенды! И если мы не облагаемся, у нас не будет финансовых проблем до конца жизни.

Лиззи. Боже мой, но я совсем не понимаю, о чем ты...

Продюсер. Окей, ты и правда такая тупая? Мы должны инсценировать суицид. Врубаешься? Наш парень просто не вынес всего этого дерьма, что лилось вокруг! Все верно? Люди обожают суициды! Потому что кто-то уже сделал за них то, о чем они втайне мечтают, так что можно расслабиться и вернуться к работе.

Продюсер. Кровавая точка в конце пути. Истинный хит. Что интересует людей? Секс, смерть и насилие. Все. Окей?

Лиззи. Окей. Но только не веревка! Так уже сделал тот депрессивный чувак из «Джой дивижн».

Продюсер. Конечно, нет! Никаких долбанных цитирований. Как насчет передоза? Так и вижу футболку с надписью «У меня всегда было хорошее одиночество, но херовый героин»...

Лиззи. Нет! Так делают все! Это как масс-маркет шмотки: да, ты в списке, но никто не помнит, как точно тебя зовут. Да еще все путают тебя с какой-нибудь ушедшей мразью, которая ухитрилась передознуться в толчке на рождественской вечеринке у президента!

Продюсер. Ты права, детка. Никаких гребаных повторов! Они хотят чего-то новенького. Поэтому сейчас ты пойдешь в ванную, принесешь оттуда мою винтовку, и мы сделаем старый добрый «бах» ему в голову. И сделаем его хорошо, ты поняла? (*Осматривает комнату.*) О господи, он тут вообще убирал когда-нибудь? Что за помойка?

Лиззи. Я думаю, что выстрел из винтовки в голову мертвого парня не считается убийством. Технически он уже мертв: мы просто добавим немножко драмы. Я права?

Продюсер. Ну конечно! Одинокий, проклятый, опустошенный... Короче, слишком хрупкий для этого мира и бла-бла-бла в том же долбаном духе.

Лиззи. Да! Такой юный, такой беззащитный... И такой мертвый! Блин! Как Элвис! Как Джим Моррисон! Как все эти другие мертвые ребята! Как Сид и Нэнси! Как Бонни и Клайд!

Продюсер. Да, детка, он мертв, но футболки с ним будут жить. И неплохо раскупаться. Печальный мальчик покупает

футболку, потому что трек ему на себя не надеть. Врубаешься? А чем больше печальных мальчиков, тем больше футболок.

Продюсер. Футболка с надписью «Курт Кобейн мертв». Футболка с надписью «Курт Кобейн жив». «Я люблю Курта Кобейна». «Я ненавижу Курта Кобейна». «Курт Кобейн — мой отец». «Курт Кобейн — это я». «Я знаю, кто убил Курта Кобейна». «Я убил Курта Кобейна»!

Лиззи. «Хватит ныть, Курти»! Как тебе такой вариант? Просто немножко иронии. Есть же и такие ребята: они вечно стесняются рыться в этой помойке, но в глубине души только этого и хотят!

Продюсер. Отлично! Ты быстро врубаешься. Кстати, ты могла бы сделать неплохую карьеру. Так что запомни на будущее: эти слова сказаны нам в наставление — «Не мир я принес вам, но мерч». Мерч, детка. Кого вообще волнует то, что они называют музыкой?

Лиззи. О, совсем никого!

Лиззи улыбается продюсеру. Пауза.

Продюсер. Эй, я могу поцеловать тебя? Все это так возбуждает. Смерть — это ведь и есть сама суть секса, ты согласна?

Лиззи. О, конечно! Пожалуйста, поцелуй меня, если ты хочешь.

Продюсер. А ты не обвинишь меня в изнасиловании через десять лет? Ну, знаешь, все эти истории долбанных старлетов...

Лиззи целует продюсера.

Продюсер. У тебя горькие губы, детка.

Лиззи. Соус чили. Но я могу трахнуть тебя, если ты хочешь.

Продюсер. Сначала нам нужно сделать все хорошо. А потом мы поговорим о твоём предложении. Учитывая обстоятельства, было бы крайне неосмотрительно принять его, не оговорив заранее ряд условий, окей?

Лиззи кивает. Продюсер треплет ее за ухо.

Продюсер. Я просто хочу сделать тебя счастливой, детка...

Лиззи. О, не беспокойся об этом. Это не твоя проблема.

Продюсер. Господи, конечно! Еще бы я залипал на этой проблеме! Извини, просто сработал гребаный паттерн, ничего личного. Иди.

Лиззи уходит за винтовкой. Продюсер снимает свой дорогой кардиган и усаживает тело КК в кровати. Лиззи приносит винтовку.
Продюсер и Лиззи смотрят на КК.

Продюсер. Ну что, кто из нас это сделает?
Лиззи. А что, если мы бросим монетку? И пусть за нас решит бог, как говорит моя мама!

Продюсер. Если ты не возражаешь, я бы хотел сделать это сам. Я имею в виду выстрел.

Лиззи. О нет, я не возражаю. Пожалуйста, сделай это, если ты правда этого хочешь.

Продюсер кидает Лиззи банку пива.

Продюсер. Открой банку. Мне надо выпить. У меня дрожат руки. Этот чертов стресс когда-нибудь меня доконает. Я на прозаке с пятнадцати, ты можешь себе представить?

Лиззи открывает банку. Продюсер делает глоток.

Продюсер. Он всегда был малость не в себе, этот парень. А его странный взгляд, если ты понимаешь, о чем я. А его руки? Вечно висели вдоль тела, как у гориллы. У внезапно разбогатевшей гориллы, я должен отметить. И он все время был недоволен! Ему, на хрен, все было не так! Он за глаза называл меня «корпоративная рок-шлюха», долбаный нарик, и думал, что я не знаю!

Лиззи. Я понимаю: ты должен разозлиться, чтобы сделать все хорошо.

Продюсер. Разозлиться, мать твою?! Да я уже несколько лет в ярости! А ты попробуй угодить на этого мудака! Да кто он вообще такой?! Еще один страдалец из папочкиного гаража?! Жалкий нытик! Сальноволосый плаксивый претенциозный мудака! Если бы не я, где бы он был сейчас?! Выдавливал вонючий соус в бургеры и дробил на «Лед Зеппелин»! Будь оно все проклято!

Лиззи. Стоп-стоп. Тебе надо взять себя в руки. Окей? Дать тебе прозак? У меня с собой есть парочка...

Продюсер. Не смей на меня давить, мать твою!

Л и з з и. А ты не смей на меня орать! Я ни в чем не виновата! Надо было брать какую-нибудь жирную девчонку с песнями о нелегком взрослении, а не депрессивного нарка, окей?!

Пр од ю с е р. А ты знаешь, что он подарил мне на Рождество эмбрион свиньи, залитый формалином?

Л и з з и. О господи, но зачем кому-то эмбрион свиньи?

Пр од ю с е р. Это был мой первый вопрос! Но он на него так и не ответил, самодовольный мудака!

Продюсер резко поднимает винтовку. Лиззи закрывает уши руками.

Продюсер опускает винтовку.

Пр од ю с е р. Эй! Ты можешь просто выйти в другую комнату.

Л и з з и. О, нет, я в порядке! Я останусь. Хочу посмотреть, как ты это сделаешь.

Пр од ю с е р. Ты хочешь посмотреть? Это что, гребаное кино?!

Л и з з и. Конечно, нет! Как ты можешь так говорить?! У тебя что, вообще нет сердца?

Пауза.

Пр од ю с е р. Кстати о сердце. Не хочешь сказать ему пару слов на прощание?

Л и з з и. Нет, ты можешь начинать. Но спасибо за предложение.

Пр од ю с е р. Может, хотя бы извинишься за то, что убила его?

Л и з з и. Но это был несчастный случай. Я не собираюсь за это извиняться.

Пр од ю с е р. Вся наша жизнь, детка, — это один сплошной долбаный несчастный случай. Начиная с зачатия! Когда твой папаша сказал твоей мамаше: «О, я не хотел, это был несчастный случай, детка!» Но все-таки извинись, будь очень хорошей девочкой.

Л и з з и. Окей. Извини, бэби. Честное слово, я не хотела такого ужасного финала.

Продюсер поднимает винтовку.

Пр од ю с е р. Запомни этот момент, детка. Ты стоишь у смертного одра рок-музыки...

Л и з з и. О, правда? Но разве она еще существует? Я имею в виду — рок-музыка.

Продюсер. Отчасти ты права. Весь рок закончился еще в середине девяностых. Господи, роскошные времена!.. Ты уже родилась, бэби?

Лиззи. О, нет! Даже моя мама все еще девственница!

Продюсер. А я помню, как парни из «Металлики» пострились. И как меня озарило: черт, да весь этот рок — просто старомодный гребаный театр. Небольшой карго-культ для грустных тинэйджеров! Господи...

Лиззи. Карго — что?

Продюсер. Ты не знаешь, что такое карго-культ? Окей, парень из университета тебе объяснит. Давай представим затерянный в океане остров, населенный диким племенем. Сырое мясо, инициация, оргии, ритуальные танцы... В общем, вся эта старая грязная история. Но однажды на остров садится самолет. Стальная птица, из которой выходят светлокожие боги. У них есть кока-кола и так далее. Но потом боги улетают, сделав все свои бизнес-дела. И что делают люди на острове?

Лиззи. Что они делают?

Продюсер. Строят самолет из соломы и глины! Врубается? А потом молятся ему, надеясь вызвать с небес стальных птиц... Они ждут. Так же и здесь, детка. Ты вставляешь наушники, слушаешь печальную песню — и ждешь. Ты ждешь, что тебе явится Боль. О, да, большая, невыносимая душевная Боль, которая заставит тебя почувствовать себя немножко значимой и сексуально привлекательной. Но никакой боли давно уже нет, детка. Никакой факин боли у нас нет. Зато у нас есть индустрия, которая знает, кому впарить весь этот бескровный маленький бунт. И весь этот давно протухший тин спирт.

Продюсер поднимает ружье.

Продюсер. Да, смерть — это смерть. Но «Тин спирт» — это сорт дезодоранта. Вот так.

Лиззи. Стой!

Продюсер. Что?

Лиззи. То есть ты считаешь, что рок потерял свою подрывную составляющую?

Продюсер. Я считаю, что в роке никогда и не было подрывной составляющей! Господи, неужели ты на это повелась? Мне тебя жаль.

Продюсер поднимает ружье.

Лиззи. Стой!

Продюсер. Что еще?!

Лиззи. Он пошевелился! Я это видела, клянусь!

Продюсер. Ты просто обкурилась! Да он мертвее этой кровати!

Лиззи. Но я правда видела! Ты можешь просто проверить? Это что, так сложно?

Продюсер. Проверить? Конечно, детка.

Продюсер стреляет.

Продюсер. Этот концерт окончен. Лимузин ждет. До встречи в аду.

Лиззи. О боже! Нет! Ты его убил!

Продюсер. Да что ты? А по-моему, его убила ты.

Лиззи. Но я же сказала тебе, что он пошевелился! А ты даже не проверил!

Продюсер. Я на взводе. Окей? Просто запомни. Я могу пристрелить тебя, вложить винтовку в твои мертвые руки, вызвать полицию и сказать, что вы оба немного повздорили, пока я ходил за выпивкой.

Лиззи. Но его голова... Что с его головой?!

Продюсер. Остынь. Я плохо рассчитал расстояние. Да и на какой черт ему голова, если подумать? Он пел сердцем.

Лиззи. О боже... Да ее же просто НЕТ! Его головы!

Продюсер. Так и есть, детка. Но что это меняет? К тому же, посмотри, какой возвышенно трагический финал. Голова короля упала на пол. Ба-бах.

Лиззи. Я даже не смогу поцеловать его напоследок, потому что ты отстрелил ему голову на хрен!

Продюсер. Извини, окей?! Я не каждый день инсценирую самоубийства рок-звезд! Я, блин, еще далеко не профи!

Продюсер открывает две банки пива. Одну дает Лиззи, вторую пьет сам.

Продюсер (*Лиззи*). Прекрати орать.

Продюсер (*КК*). Спасибо, парень. Подростковый гнев дал неплохую прибыль. Но ты же и сам отлично понимаешь, что это был тупик. Куда бы ты двинулся? Ты был тем, кто дошел до последней кирпичной стены всего этого рок-дерьма, за которой нет ничего, кроме сосущей пустоты.

Продюсер жадно пьет пиво. Садится на пол, вытирает лицо.

Продюсер. Скажи честно, тебе нравилось то, что он делал? Ты балдела? Или как это сейчас называется?

Лиззи. О, я не была его фанаткой, если ты об этом. Но он мне нравился. Такой отстраненный, закрытый... Но внутри полон боли. Если ты понимаешь, о чем я.

Продюсер. Конечно, бэби. И ты думала, что исцелишь его раны? Как маленькая медсестра любви, да?

Лиззи. Ну да, вроде того. Девушки обожают таких парней. Боже, такие парни — это же просто «мартини» на ногах: ни одна не устоит!

Продюсер. Да, эта хрень всегда неплохо продается, согласен. Найди долбаного страдальца, сочини историю, как мамочка в детстве забыла его в закрытой машине на паркинге — и несколько лет сможешь пить ледяной глнтвейн на горячем пляже с розовым песком.

Лиззи. Кстати о пляже. У меня есть еще одна маленькая идея.

Продюсер. Выкладывай.

Лиззи. А как насчет предсмертной записки? Ну, знаешь, пара строчек, которые останутся в вечности... Многие парни так делали.

Продюсер. Записка? Да. Отлично. *(Пауза.)* Хотя нет. Не записка... *(Роется в мусоре на полу.)* Песня. Его последняя песня. За десять минут до выстрела. Да, вот так. Абсолютный хит. Бриллиант во всей этой короне из дерьма!

Лиззи. Эй, но где мы возьмем песню?

Продюсер. Мы ее сочиним. Прямо сейчас.

Лиззи. Но я никогда этого не делала.

Продюсер. Я тоже. Но вряд ли это слишком сложно. Ты же слушала его песни, правда? И тебе не нужен был словарь, чтобы понять их. «Вельвет Андеграунд» были интеллектуальными парнями со сложными текстами, но эти ребята были заточены на отсталых тинэйджеров: в конце концов, кто еще ведется на гитарный рок и левые идеи?

Лиззи. Но я уверена, что...

Продюсер. Господи, да никто не станет требовать чего-то сверхъестественного! Парень был в чертовой депрессии, окей? Он берет меню из пиццерии и пишет на нем кровью своего

истерзанного сердца, которое отсчитывает последние секунды! Тук-тук-тук! Господи, они сожрут и не такое. Садись. Бери карандаш.

Сочиняют песню.

Л и з з и. М-м-м... «Я в абсолютной депрессии; чертовы небеса пусты, как моя душа»?

Пр од ю с е р. Нет-нет. Слишком просто. И слишком пафосно. Нытье школьника, которого мамаша застучала за дрочкой и лишила прогулок.

Л и з з и. «Я запрыгиваю на подножку черного поезда; проклятые небеса пусты, как моя изъеденная червями душа»?

Пр од ю с е р. Нет-нет. Что еще за поезд, мать его? Людям не нравятся сложные метафоры. Ищи простые, душевные слова.

Л и з з и. «Я скитаюсь по помойкам в поисках дозы; небеса пусты, как ночной супермаркет»?

Пр од ю с е р. Нет! Людям не нравится прямое упоминание наркоты в тексте! Они боятся, что их милые детишки тут же начнут звонить дилеру! А где детишки возьмут телефон дилера? В контактах собственного папаши, где же еще. Но эти лицемерные мрази предпочитают об этом не думать.

Продюсер пьет пиво.

Пр од ю с е р. Эй, знаешь, сколько стоит один трек? Он дешевле, чем леденец. Да и хватает его примерно на столько же. Пять минут — и у тебя во рту гребаная пластиковая палочка. Так что они все время хотят чего-то новенького, врубаешься? Каждый долбаный день они ждут чего-то новенького. Как гиены — в постоянном поиске свежей падали...

Пр од ю с е р. Начнем так: «Малыш Тедди гуляет по зеленой лужайке».

Лиззи пишет.

Пр од ю с е р. Записала? Стоп-стоп, буквы не должны быть такими ровными. И добавь пару ошибок. Все-таки наш парень в шаге от пропасти, и ему, знаешь ли, не до грамматики.

Л и з з и. Окей...

Пр од ю с е р. Малыш Тедди гуляет по зеленой лужайке... Где его мама? Где же она?

Л и з з и. Я не знаю.

Продюсер. Ну, скажем... Его мама покупает долбаное мороженое.

Лиззи. Я не хочу вмешиваться, но это как-то не вполне в духе нашей истории. Эй, а может, его мама — проститутка, которая любит торчать у телика? Наркозависимая проститутка с биполярным расстройством и жутким личностным кризисом? Погрязшая в зависимых отношениях с социопатом, мотающим двадцатилетний срок за тройное убийство?! А в конце она умирает в алкогольной коме?!

Продюсер. Нет, черт возьми! Это что, сценарий для социальной рекламы?! Или ты собралась выиграть «Оскар»?!

Лиззи. Извини, но я просто пытаюсь помочь! Знаешь, а тебе пойдут на пользу курсы по управлению гневом. Просто дружеский совет, ничего больше.

Продюсер. То есть, по-твоему, я не способен контролировать себя?

Лиззи. Просто успокойся, окей?

Продюсер. Я не хочу успокаиваться. Я хочу продавать лицензии производителям мерча. Это все. Господи, неужели я многого прошу?!

Лиззи. Нет. Конечно, нет. Но, может, вернемся к Тедди? Малыш Тедди гуляет по зеленой лужайке. Окей. Что дальше?

Продюсер. Малыш Тедди видит огромную кучу дерьма! На этой зеленой лужайке! А что еще там может быть?!

Продюсер забирает у Лиззи листок.

Лиззи. Эй, какого черта ты делаешь?

Продюсер. Я сам.

Продюсер лихорадочно пишет.

Продюсер. Старый малыш Тедди умер. Он взял винтовку, засунул дуло в рот и нажал на курок большим пальцем ноги. Живи быстро. Умри молодым. Оставь симпатичный труп. Мама обещала тебе, что все хорошие мальчики попадут в рай. Но мама соврала. Увидимся в аду. Лимузин ждет. Конец.

Продюсер читает записку.

Продюсер. Окей. Я думаю, этого хватит.

Продюсер кладет записку трупу на грудь.

Продюсер. Вот так... Немножко крови и капелька мозгов. (*Трупу.*) Ну, что скажешь? О, я знаю что... «Слышь, чувак, сними обо мне сложный артхаусный фильм. Поставь мюзикл о трагедии творца в мире наживы и цинизма. Напиши слезливую книжку. Выдодь меня досуха. Выжми все, что сможешь». Конечно, бэби. Я так и сделаю. (*Лиззи.*) Считаешь меня бессердечным ублюдком? Что ж, так оно и есть. К тому же вся эта история начинает мне надоедать.

Продюсер смотрит на часы.

Продюсер. Что ж, нам пора. У нас еще хренова куча дел. Господи, нет ничего лучше, чем свежеубитая рок-звезда! Знаешь, как я это называю? Пересядь с иглы «Нетфликса» на фасции кровавой драмы!

Лиззи. Господи, я почти не понимаю, что ты говоришь!

Продюсер. Кип изи. Просто молись своему Иисусу, чтобы это понимал я.

Продюсер. Постарайся зарыдать перед репортерами. Подтяни свои белые носочки и смой этот адский мейк: мне нужна растерянная малышка, а не долбаная шлюха. Кстати, как насчет кофе? Вечер оказался длиннее, чем я рассчитывал. Да и ты выглядишь усталой.

Уходят.

Продюсер. Эй, слышала анекдот? Винни-Пух сидит на зеленой лужайке и ест дерьмо из горшка. Походит тигр и спрашивает: «Какого черта ты делаешь?» На что Винни отвечает: «А ты не видишь? Я ем». Тигр говорит: «Но ты ешь дерьмо». А Винни ему: «Да, детка. Потому что я из Энтертейнмента».

Лиззи молчит.

Продюсер. Смейся, черт тебя возьми.

Лиззи. Ха-ха.

Продюсер ждет.

Лиззи. Ха-ха-ха.

Продюсер. Вот так. И больше не забывай об этом. Знаешь ли, мы тоже стараемся.

Лиззи. Ха-ха. Господи, я даже описалась от смеха!

Продюсер. Отлично. Этого мы и добиваемся.

Конец

НИФЕР

Монолог

С а н я, 35 лет, но выглядит старше. У него грязные засаленные волосы и такая же засаленная толстовка со знаком «Анархия» на груди. На лице Сани следы абстинентного синдрома.

Нет. Тебе не понять. Ты не знаешь, что такое Синие Камни. Объяснить? Объяснить тебе, что такое Синие Камни конца девяностых — начала нулевых? Дай сигарету. Ну, как тебе объяснить... Ну, вот. Смотри. Был у меня кореш. Мухой звали. Это еще до шараги было. Из всех нас он наиболее радикально выглядел. Хотя выглядели мы все тогда. Радикально. Сейчас-то никого уже ничем не удивишь. А тогда. Меня гопники били даже не за хаер. Хотя он был у меня длиннющий, аж до жопы. Они не верили, что это мой натуральный цвет. Думали, что крашусь, что пидор. Говорят, снимай штаны. Мол, если у тебя и там рыжие волосы, то все нормально. А я что? Убежал, ясно-понятно. Да, пидоры они, что с них взять. Короче, с хаером ходил. Ну, булавки, футболки из «Таркуса», цацки все эти, это понятно. А Муха тогда один из первых ирокез выбрил. Тогда в Ебурге два чувака гоняли с ирокезами. Муха и Витамин. Витамина, кстати, потом убили. Как-как. Натурально зарезали. После концерта в «Свинаре». Не знаю, за ирокез или нет, но не удивлюсь. Время такое было. Good day, sunshine. Ну, так вот. А у Мухи батя был. Ну, такой. Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Всю жизнь на трех тройках отбарабанил. Или на полтиннике. Не помню. Короче, столкновения у них с ним были постоянные. Ну, вот. То ли батя Муху выгнал, то ли Муха сам расторопно двинул лыжи. Короче, оказался Муха натурально на улице. Я ему и говорю — погнали ко мне. Водовки выпьем, за жизнь за нашуперетрем. Он сначала в отказ. Ну, понятно. Это сейчас Синие Камни — только смеш-

ное название в маршруте автобусов. А тогда. Тогда всем все было понятно. На двадцать седьмом до ЖБИ доехали. Там местечко «Счастливый путь» называлось. Там выезд из города уже. И табличка «Счастливого пути». А так, как в последний путь идти. Две полосы дублера Сибирского тракта, потом болото, железная дорога и гаражи до кучи. После гаражей уже Синие Камни начинались. Еще и от жбиёвских можно было выхлопотать, только в путь. Короче, магазин на Синих Камнях был, круглосуточный. «Владивосток» назывался. Мы туда и шли, за водкой. От «Владивостока» до меня пять минут прогулочным шагом. А Муха натурально на измену подсел. Всюду опасность мерещилась. Вон, говорит, гопота какая-то. Я ему: спокойно, Луначарский. Это, говорю, мужики в машине колупаются. Проходим, все спокойно. Заворачиваем за угол. Я боковым зрением вижу — плохо дело. У подъезда стоят. И их много. Слышим: стопэ, хэви-металл, ла-ла-ла. Ну, и все. Понеслось говно по трубам. Я, короче, к чему всю эту экспозицию веду? Разводят нас с Мухой по разные стороны. Это они всегда так делали. Тактика у них такая, по разным сторонам развести. Чтобы ты наедине с ними был, в одиночку. И вот отводит меня ихний пахан самый главный. Ну, и шестерок его с десятком с нами. Отводит, показывает эдак рукой в пустоту и спрашивает: что ты видишь? А че мне на это ему ответить? У меня юшка из носа течет, меня шестерки его под сраку подпинавают. Молчу, ясно-понятно. А он сам и отвечает: это Синие Камни, это святое. Понял? Я тогда хоть и срал немилосердно, но про себя подумал: вот тебя кроет. А сам боковым зрением вижу, как в соседних кустах Мухин ирокез натурально туда-сюда мотается. Понеслось говно по трубам. Это я все к тому — что такое Синие Камни конца девяностых — начала нулевых. Это, ты понимать должен, святое, бл***. И вот в этом святом месте я и вырос. Отдал лучшие годы жизни. Не, семья у меня интеллигентная. Ну, ты знаешь. Мама архитектор. Отец, хоть и бросил нас, геолог. Брат в десятилетке при консерватории учился. Вот с него все и началось. Точнее, с его одноклассника. Костя Манаев такой учился с ним. Виолончелист. И вот он как-то дал брату кассету послушать. Она переписанная была. На обложке от руки синей ручкой написано Nirvana и все. И все — я потерялся. Для человечества, для общества потерялся навсегда. Я с первой песни, с первых аккордов все понял. Я уже не мог оставаться прежним. Да я и не смог в конечном счете.

Это была такая точка невозврата. Я тогда этого не понимал. Это я сейчас понимаю. В какую оппозицию себя поставил всему и вся. Синие Камни — это такое гетто. Там все рэп слушали. И не тот, который сейчас. Оксюморон, Хаски все эти еще под стол пешком ходили. А тот, который в среде вмняемых людей был синонимом слова кал. Синие Камни это слушали. Говорю же — гетто. Вот если посмотреть на карту города, Синие Камни натурально на аппендикс, на слепую кишку похожи. Из каждого окна про гангстеров и перестрелки с копами, и тут я такой. Купил в «Таркусе» первую свою нашивку. С Nirvana, конечно. С этим смайликом с крестиками вместо глаз. Нашил себе на джинсовку и пришел такой красивый в школу. После уроков иду домой. А там, рядом с нашей школой, еще одна была, спецшкола. Туда дураков со всего города учиться привозили. И там, между школами, такой закуток. Там постоянно кого-то пи***ли. Ну, вот. Иду себе домой. Боковым зрением вижу: в этом закутке толпа стоит. Ну, думаю, опять кого-то пи***ть собираются. И иду дальше. А мне оттуда такие: *kommt zu mir*. Ну, и все. Понеслось говно по трубам. Потом, когда они устали, ко мне подходит их главный. Лёвой его звали. Подходит и говорит: еще раз, мол, увижу эту нашивку, то все, цугундер тебе, нифер. Вот так я и стал Нифером. Иногда еще добавляли Рыжий Нифер. Но, видимо, из соображений экономии речевых усилий, чаще просто Нифер.

Нашивку я, конечно же, снял. В тот же день, как пришел домой. На хер, думаю, этот героизм. Нашивку снял, а кассетку у Кости Манаева так и зашкерил. Это потом уже стал слушать и Stooges, и Joy Division, и прочее. Но началось все тогда, с той безымянной кассеты. Недели через две натыкаюсь в школе на этого Лёву. Он мне: Нифер, есть лавэ? Кстати, а у тебя есть? Ладно-ладно, потом. Ну, так вот. А я же что — кролик пучеглазый был. Давно это было. Курт Кобейн еще с головой ходил. Мне десять, в голове одуванчик. Хлоп-хлоп по карманам. Есть, говорю, лудяги по мелочи. И тут Лёва распахивает куртку, как спекулянт из советских фильмов. На, говорит, выбирай. А там цацки всякие ниферские. Черепа, кости, молнии все эти на цепочках. Короче, он где-то в городе отрабатывал у неформальчиков и нефордевичек, а сбывал у себя на районе. Тем более, тут потенциальный покупатель обрисовался. Мне все эти цацки, собственно говоря, до жопы всегда были. Я их никогда особо и не таскал. Но тогда что-то прикупил. Из соображения политеса. И не ошибся в рас-

четах. После этого меня уже особо и не трогали. Те, что нас с Мухой отпинали, были уже после. После школы. Когда Лёва куда-то в город перебрался. А тогда как-то резко полегче стало. А Лёва даже иногда обижался. Мол, че это ты тот череп не носишь. А я что? Что-то врал, ясно-понятно.

Есть еще сигареты? Закончились? Ладно. Ну, и вот. На все это негритянское гетто я был один панк. «Из колхозной молодежи панковал один лишь я», короче. Не, ну там был еще один. Но он совсем какой-то дурак. Мне потом Муха рассказывал, он с ним в Кульке учился. У него, у этого второго, тост был, когда они с одноклассниками бухали. Мол, выпьем за то, чтобы наши дети были такими же волосатыми, как и мы. А когда я подстригся, он мне сказал, что я продался фашистам. И вообще, мол, отныне я skin-head. Говорю же, дурак. Короче, этот второй лишь подчеркивал мое тотальное одиночество. В общем, так и жил. В школе не афишировал особо, а то всегда найдутся энтузиасты. А по вечерам у себя в комнате слушал запрещенную музыку. Как какой-то диссидент. Шло время. Курт Кобейн себе башку снес. Да и я расширил свой кругозор. Dead Kennedys, MC5, Velvet Underground и прочее. И иду как-то по школьному коридору и вижу ее. Точнее, увидел, заметил. По-любому и до этого видел, просто не замечал. Именно увидел тогда. Идет деваха в толстовке с Nirvana. Я сначала испытал жуткий стыд. Ну, как. Деваха не побоялась, надела, а я столько лет хожу, сжимая кукиши в кармане. Не, я ссал, ясно-понятно. И так прилетало иногда по старой памяти. А так бы вообще, натурально убили бы. Good day, sunshine. Но стремно стало. Вторая мысль — надо познакомиться. Она откуда-то из параллели. А это же как с другой планеты. Знал только имя. Кажется, Ксюша. Лицо у нее, конечно, так себе. Не, ну, симпатная, но не настолько, чтобы ах. Короче, решил познакомиться. Или, как тогда говорили, замутить. Сейчас так говорят? В общем, на следующий день или через два, не помню, снова вижу. И только хотел подойти, только думал. И тут на тебе. Выруливает из-за поворота и обнимает ее — знаешь, кто? Лёва. Лёва, бл***. Главрэпер наш. Тут, конечно, меня немного попустило. Героический флер с нее несколько слетел. Не, ну а че? Если твой парень держит в страхе всю школу, то тебе карт-бланш во все руки. Делай, че хошь. Ну, хоть и времена были такие, good day, sunshine, но девчонок все же еще не пи***ли. Хз, короче. Короче, только подумал — ну и хер с тобой, золотая рыбка. А тут

она как-то мимо меня проходила и случайно эдак плечиком меня задела. И все. Я потерялся. Что-то такое невыносимо грустное и одновременно невыносимо сладкое разлилось внутри. Как будто кислоту из аккумулятора смешали с сиропом и влили куда-то в душу. И душа так невыносимо сладко окисляется. Не, хрен с ним, с плечиком. Хотя, прикосновения теплого женского тела вызывают известные чувства у подрастающего организма. Особенно, если это впервые в жизни. Но дело было не в плечике. Запах. Меня забрал ее запах. Смесь парфюма и пота. Честное пионерское — лучшего афродизиака для себя мне придумать сложно. Меня тогда ваще унесло. Я, кажется, сознание потерял. Очухался, когда в какую-то толстую телку врезался. От этой просто потом тащило. Сразу отрезвел. Но не забыл. Не смог забыть. Где-то тогда же, кажется, у меня первая поллюция случилась. Мы же с тобой давние кореша, хоть и не виделись давно. Я могу тебе такое рассказывать. Короче, приснился мне богомол с женской головой. Просто тело богомола и какая-то безымянная женская голова. Но я сразу, еще во сне понял — это она. Ксюша, кажется. Проснулся. В трусах мокро, ясно-понятно.

В девятом классе у нас появилась новая класснуха. Собрала всех первого же сентября после линейки. И говорит такая: мою фамилию легко запомнить, потому что она вкусная. И объявляет — я, мол, Молотова. Вот, думаю, натуральная дура. Чего вкусного? Если она про коктейль Молотова, то он не про это. Его вряд ли можно назвать вкуснятиной. Даже если найдутся такие умники его попробовать. Ну, ладно, думаю. Молотова так Молотова. Так и записал. А потом смотрю у соседки по парте — Молокова. Пропали все пропадом. Исправил. Но все равно с чувством юмора у тетки так себе. Короче, вечером эта Молотова-Молокова позвонила моей маме. А че это ваш сын не подстригается. Прикинь? То есть я в первый раз правильно ее фамилию расслышал. Там все. Пятьдесят второй год на всю голову. Ну, моя мама, как честный человек, все ей и выложила. Мол, музыкой он такой увлекается. И в числе прочих называет имя Курта Кобейна, упокой господи его душу. Молотова, пораскинув мозгой, делает такой финт ушами. Чтобы я знал, до чего такие увлечения могут довести, дала мне книгу почитать. «Жизнь и смерть Курта Кобейна». Ну, как книгу. Распечатку на А4. Хз, где она ее надыбала. Натуральный самиздат. А я об этой книге только в журнале «Fuzz» читал. В «Таркусе» она каких-то непомерных

бабок стоила. На дворе девяностые. Жили мы, ясно-понятно, не очень. Короче, обрадовался. За ночь прочитал. Не знаю, зачем карандашиком названия знакомых песен обводил. С английским у меня и сейчас беда, а тогда и подавно. Кассета безымянная, списка песен нет. На слух мало что мог идентифицировать. Короче, обвел карандашиком немного. Песню «Rare me» точно обвел. Хорошая песня. Мне нравилась. Я ее даже на фоне подобрал. Ну, вот, прочитал эту распечатку. И перед тем, как ее отдать, попросил маму ее отксерокопировать. Она в конторе какой-то работала, ксерокс был доступен. И вот сижу как-то, перелистываю и вижу. «Rare me» отпечатано обведенным. Короче, забыл резиночкой стереть в оригинале. С английским хоть и проблемы, но про что эта песня, я знал, ясно-понятно. Сижу и думаю, что подумает Молотов-Риббентроп, когда увидит это. Не захочет ли в Вячеслав Михайлыча сыграть. Ну, или чего хуже, вдруг поймет буквально. Мол, запал на нее. Скорее всего, просто тупо поржала. Но мне ничего не сказала. Короче, я когда «Rare me» обводил, я об этой кажется Ксюше думал. Она когда в коридоре проходила мимо, я, как собака, ноздрями воздух втягивал. Аж в глазах темнело. I wanna be your dog. А у нее всегда вид был такой, будто ей на все насрать. И жвачку всегда жевала. Так медленно-медленно, что только подчеркивало, что ей на все тотально насрать. Даже когда ее этот главрэпер тискал, она как будто не замечала этого. Он ее тискает, а она так лениво взглядом по коридору скользит. И взгляд как будто ничего и никого не замечает. Не, я ее к этому Лёве не ревновал. Ваще. Вот натурально все равно было. Мне тупо хотелось ее так же тискать и ноздрями впитаться в ее шею. Чтоб надышаться до одури, до смерти. Вот смерть-то мне точно светила, если бы я хоть ее капюшон понюхал. И смерть эта вряд ли была бы быстрой. И уж точно не была бы красивой.

Я тогда начал в город выбираться. Нашел себе «таких, как я, сумасшедших и смешных, сумасшедших и больных». У нас тусовка на башне была. Да, которая у цирка. Да, которую снесли. Я там, наверху, и ухо себе проколол. Булавку в водке мочишь, типа дезинфекция, и вперед. Там же и с Мухой познакомился. На башне у нас своя группа была. Короче, затянул ракендрол. Учеба, ясно-понятно, полетела в одно известное место. А у нас в школе почему-то такая постанова была. В десятый и одиннадцатый только избранных брали.

Там надо было жопу на свастики порвать, чтобы в десятый взяли. И то не факт, что возьмут, а жопа уже рваная. Учителя этого и не скрывали. Открытым текстом говорили: зачем дворникам и бомжам аттестат об одиннадцати классах? Как будто это билет на кремлевскую елку. Мне-то натурально было все равно. Я же рок-звезда. И после девятого я расторопно двинул лыжи в неизвестность. Следы кажется Ксюши потерялись. Это уже потом, намного позже меня мама в нашу шарагу запихнула. Короче, жизнь рокера оказалась несколько иной, чем на MTV или на страницах «Fuzza». Не так респектабельно, что ли. Зато весело. Знаешь, такое лютное веселье. Когда весело и страшно одновременно. Это как на войне. Тебя могли в любой момент, прямо среди бела дня, в центре города схватить за волосы и запинать всей кодлой. Просто за то, что ты выглядишь не так. Думаешь иначе. Просто ты какой-то другой биологический вид, другая форма жизни. И ты понимал правила игры. Понимал и принимал их. Такая игра на выживание. Игра, где не главное, что ты кого-то треснул в ответ. Главное, что потом поднялся, не отступил. Такой русский народный гандизм. Выстоял? Молодец. Сломался? Ну, значит и не было тебя никогда. Мы тоже в долгу не оставались. Проводили акции возмездия. То окна в каком-то заводе разобьем. То рекламный щит с какой-нибудь «Кока-колой» кокнем. Зачем? Как говорил Муха — со злости. У него все было со злости. Окна на заводе разбить — со злости. В заброшенном карьере в Шабрах вагонетку перевернуть — тоже со злости. Как-то пошли с ним поссать. Заходим в какой-то двор. Подожди, говорит, и на гараж залазит. Я за ним. Залезли. Все, говорит, теперь можно. Короче, я его не понял. Я тачку какую-то буржуйскую обоссал, а он спящего котенка. Придурок. Ну, и жили как настоящие панки — где придется. После того, как нас треснули тогда с Мухой, слава об этом на все Синие Камни разошлась. Ну, как. Сорок рыл треснули двух панков. Защитили, бл***, честь района. И после этого на меня натурально вендетту объявили. Теперь уже мне на каждом углу опасность мерещилась. Короче, ушел из дома. И вот уже мы вдвоем с Мухой шароеб***сь. То у друга впишемся, то в общега УрГУ на Большакова. Как-то вписаться было негде. Ну, мы и вписались в Мухином подъезде. Муха на площадке, а я прямо на лестнице, на ступеньках. Утром просыпаюсь от того, что кто-то извиняется. Глаз один открываю и боковым

зрением вижу — мужик какой-то в тюбетейке через нас пере-шагивает и извиняется. Ой, простите, я вас побеспокоил. И лицо какое-то знакомое. Потом вспомнил — я его в телевизоре видел. Николай Коляда. Он с Мухой в одном подъезде, оказывается, жил. Короче, проснулись и пошли в переход, который у ТЮЗа. Тогда только этим и зарабатывал — на гитаре играл да «песенки орал, Передонов умирал». У ТЮЗа был единственный необитаемый переход. В других давно свои виртуозы были. А че-то дня за два, за три до этого мы там себе на хлеб с майонезом зарабатывали, и толпа ниферов прошла. Ну, и все. Понеслось говно по трубам. Увидели гитару, давай подпевать. Короче, распугали натурально нам всю клиентуру. И вот мы из Мухиного подъезда приходим и видим — переход уже не столь необитаем. Заселили, оккупировали. А погода шепчет. Они там на травке у входа в переход расположились, лежат — клиентуру распугивают. А я вижу, среди них кажется Ксюша. Ну, не сразу заметил, ясно-понятно. Потом. Там Муха давай общественность эпатировать. Тогда же неформалы не называли себя панками. У них и самоназвание было — неформалы. А мы себя натурально панками считали. Да и были ими по сути. А для них панки — это где-то не здесь, это какие-то полубоги. Тогда назвать себя панком было до фига делов. Это как объявить о своем суверенитете и начать настоящую войну за независимость против всех. Ну, вот. Муха и глумился над этими неформальчиками и нефордевочками. Подобрал червяка. Дождевого, самого обычного. И говорит кому-то: на, мол, съешь. И этот кто-то: фу, ты че. А Муха возьми и сожри бедолагу, этого дождевого, самого обычного червяка. Так у этих дурачков восторг и священный трепет. А у меня бабочка была. Не помню, подарил кто или сам нашел. Ну, я сижу и давай себе руки кромсать. Не для того, чтобы покончить с собой, а так, просто. Ракендрол — путь самоуничтожения. Хагакурэ от Курта Кобейна. Короче, не думал, но произвел впечатление. Вот тут-то ко мне и подошла кажется Ксюша. Привет, говорит. Привет, говорю. Ну, и слово за слово, хером по столу, разговорились. Ясно-понятно, я не стал ей говорить, что хотел ее в школе понюхать. Да она, кажется, и не сопоставила меня и школу. Ее этот блуждающий взгляд натурально ничего и никого не замечал. Не помню, как, но мне пришла идея в голову — поменяться с ней футболками. У меня была с Егором Летовым и с моей юшкой в качестве бонуса, а у нее с Nirvana, с бонусом в виде ее запаха.

Ясно-понятно, мне не футболка ее нужна была. И даже не столько уже запах. Она на удивление согласилась. Вот только мой коварный план провалился. Кажется Ксюша как-то так волшеббно переделалась, что я ничего не увидел. А потом я куда-то отвлекся. Смотрю, а она с какой-то девахой в подъезд заходит. Я за ней. У них бутылка чернил была. И они не хотели ни с кем делиться. В общем-то разумно. На всю кодлу одна бутылка — инъекция в протез. Раздавили в троячка эту бутылку. Сидим, за жизнь за нашу трем. Эта вторая деваха потом куда-то свалила. Кажется Ксюша тоже собралась, видимо, следом. И я такой, уже смелый, хват ее, как когда-то главрэпер Лёва. Она мне: мы разве за этим сюда пришли? А я ей: не знаю, я живу здесь и сейчас. Она такая зависла на какую-то долю секунды и говорит: я тоже. Вот тут-то все и случилось. На улице день, солнце, люди. А мы тут, в подъезде, на ступеньках. Мой первый раз. И запах. Тот самый ее запах. Правда, знаешь? В этот раз как-то парфюма было поменьше. Но разве это остановит панка? Короче, я тогда ничего не понял. И че, вот это воспевал Курт Кобейн? Суета какая-то. И так долго. Я устать успел. Как смену на заводе отработал. Знаешь, самое интересное что? Сразу после я как-то резко к ней охладел. Мне она тогда даже как-то надоела. Мы когда потом к тусовке вернулись, я от нее кое-как отделался. От всех устал. И от Мухи, и от этих неформальчиков и нефордевочек. Ушел по-англицки. В неизвестность.

Пауза.

Ну, так что, кореш? Дашь своему бывшему однокурснику, ветерану ракендрола, на опохмел души? Полтинник? Тоже хорошо. Все зерно на мельницу. А эту кажется Ксюшу я тут видел пару лет назад. Вся в детях и с животом. На лице два брака, три из которых неудачные. И взгляд. Взгляд все тот же.

Конец

RAPE ME

Действующие лица

Следак, 43 года.

Проститутка, совсем молоденькая девушка.

Мент, совсем молоденький парень.

Арсений, 21 год.

1

Одна из комнат в борделе. На кровати сидит Проститутка, рядом на спине лежит Следак, смотрит не отрываясь в потолок.

Проститутка. Все хочу спросить, почему у тебя аудиозаписи в контике скрыты?

Следак. А ты че, меня нашла там?

Проститутка. Ну да. Паспорт я твой видела. Интересно стало.

Следак. И че ты там увидеть хотела?

Проститутка. Да просто. Похож ли ты на того, каким я тебя знаю.

Следак. И каким ты меня знаешь, скажи-ка давай.

Проститутка. Ну... Ты самый мой приятный клиент, и нежный, а то у меня постоянно синяки после других остаются, во-о-о-т. Еще ты всегда обо мне думаешь. Не просто сунул-вынул там, как все остальные. Обычно-то лежишь и мечтаешь, чтобы поскорее все закончилось. Ты даже не представляешь, о чем я успеваю подумать, пока этот там пытит. И про то, что коммуналку надо оплатить до завтра, и про то, что заплесневелую гречку забыла выкинуть. Даже как-то про Навального думала. Ну, не в эротическом смысле. А типа про коррупцию в России. А с тобой не думаю про фигни всякие.

Следак. Ты всем так говоришь?

Проститутка. Да иди ты, блин.

Следак. Ну ладно, чего ты? А аудиозаписи-то тебе зачем?

Проститутка. Я когда смотрю, что человек слушает, будто его лучше понимаю. А те, у кого закрыты... К ним как-то сразу недоверие. Типа что-то скрывает.

Следак. Мне двадцать лет что ли — о такой хрени думать? Закрывл когда-то и закрыл. А тебе лишь бы по чужим страницам шариться (*пауза*). Ну ладно-ладно, иди сюда. Чего ты обижаешься? Я тебе не за это деньги плачу. Покажи лучше, что ты слушаешь.

Проститутка. Ты старый, все равно такое не знаешь.

Следак. Ну вот ты и расскажешь мне про тренды ныне какие.

Проститутка (*ложится рядом со Следаком*). Ну вот Моргенштерн мне нравится, я даже на концерт ходила (*включает трек*).

Слушают.

Следак. Ну так. Не совсем ужасно.

Проститутка. Да ладно? (*Смеется*.)

Следак. Ну я же не совсем реликт.

Проститутка. Сто пудей у тебя там в аудиозаписях всякие Сектор газа или Кай Метов какой-нибудь.

Следак. Так, Какой Метов, давай дальше: че там у тебя?

Проститутка. Ну, вот еще Скриптонит.

Слушают.

Следак. Слушай, ну это прямо блюз такой нормальный. Мне нравится даже.

Проститутка. Да? Прикольно. Он приезжает, кстати, скоро. Можем, если хочешь...

У Следака звонит телефон.

Следак. Да. (*Пауза*.) Понял. Когда задержали? Ладно, буду через двадцать минут.

Начинает одеваться.

Следак. Надо ехать.

Проститутка. Что-то случилось?

Следак. У нас всегда «что-то».

Проститутка. Когда в следующий раз придешь?

Следак. Так. Деньги на тумбочке положил. Там чуть побольше тебе. Все, пока, дорогуша.

Уходит. Проститутка выключает Скриптонита. Подходит к тумбочке, считает деньги.

2

Следак сидит в своем кабинете. Перед ним стоит Мент. Следак смотрит фото на телефоне.

Следак. Ну, пи**ец, че тут скажешь (*отдает телефон Менту*).

Мент. Вы еще вживую не видели! Там просто ад какой-то в квартире.

Следак. Могу представить. Под наркотиками что ли были они?

Мент. Не похоже. Я вам в Вайбере сейчас все отправлю.

Следак. Ага, мне только таких фото не хватает в галерее. У меня там фото жены, сына, и как раз развороченного трупа не хватает.

Мент. Отменить?

Следак. Да высылай ты уже.

Мент. Ага, понял.

Следак. Он как вообще? Не буйный?

Мент. Нет, спокоен, как слон. Улыбается, вежливый такой.

Следак. М-м-м. Вежливый, значит. Ладно, заводи.

Мент. Я нужен еще?

Следак. Родине только если, Барашук, ты нужен.

Мент. Не понял. Уйти мне?

Следак. Иди-иди уже.

Мент. Все. Понял.

Уходит. Через несколько секунд возвращается с Арсением, которого ведет под руки. Он в наручниках. Смушенно улыбается. Его садят перед Следаком на стул.

Мент. Ну... Я ушел уже.

Ушел. Молчание. Следак вздыхает. Тишина.

Следак. Арсений Сафронов, двадцать один год. Студент третьего курса. Так ведь, Арсений?

Арсений. Все так.

Следак. Ну, давай, рассказывай, Арсений.

Арсений. А вас как зовут? Я привык общаться с людьми, когда я знаю их имя. Как они мое.

Следак. Смотри-ка ты. Я думал, тебя заочно со мной познакомили. Ну ладно, Сурнин Игорь Николаевич, старший следователь.

Арсений. Приятно познакомиться.

Следак. Ага, будем дружить.

Арсений. Надеюсь, семьями. У вас есть семья?

Следак. Так, щас подзаткнемся немного. Отвечаешь только когда я спрашиваю. Итак, сегодня... То есть вчера вечером, получается, ты был дома у своей подружки, Казанцевой Полины Викторовны, тысяча девятьсот девяносто девятого года рождения, по адресу улица Коммунаров, двести один. Так?

Арсений. Все верно.

Следак. В девятнадцать часов вы пришли к ней домой, так?

Арсений. Так.

Следак. В двадцать один ты взял двуствольное ружье ее отца, подставил к промежности Казанцевой Полины Викторовны, тысяча девятьсот девяносто девятого года рождения, а затем выстрелил из него в нее?

Арсений. Нет, не так (*пауза*). Ружье не отца, а отчима.

Следак. Это важное замечание. Затейник, ты, Арсений, конечно. Давай по порядку. Где познакомились с убитой?

Арсений. На концерте.

Следак. Что за концерт, когда и где проходил? И давай так, чтобы не я из тебя все вытягивал. Быстрее начнем — быстрее закончим.

Арсений. Концерт памяти Курта Кобейна. Был пятого апреля, месяц назад то есть. Это день, когда Кобейн застрелился. Я туда пришел один. Никого не знал, там в основном все старше меня были. Только она одна моего возраста была.

Следак. И что, решил подкатить?

Арсений. Нет.

Следак. Но она тебе понравилась? Ты же сразу ее заметил?

Арсений. Не совсем так. Когда начали играть кавер на «Rare me», я ее заметил. Все прыгали, орали, ну как на таких концертах обычно бывает. А она стояла одна в стороне и тихонько подпевала. И у нее такое лицо в этот момент было, будто она правда верит в то, что в песне поется. Она открывала рот: «rare me, rare me, my friend». И так ей нравилось, будто она одна понимала и знала, про что тут поется, и она тоже этого хочет.

Следак. Чего хочет?

Ар с е н и й. Ну, как в песне. «Rare me» переводится как «изнасилуй меня» (*пауза*). Ну так я ее заметил.

С л е д а к. Как познакомились?

Ар с е н и й. После этой песни подошел к ней. Познакомился. Ничего такого.

С л е д а к. Какие дальше у вас были отношения?

Ар с е н и й. Ну мы переписывались постоянно. Тусовались иногда.

С л е д а к. В интимных отношениях состояли?

Ар с е н и й. Нет. У меня девушка вообще-то есть.

С л е д а к. Верный, значит. Повезло твоей девушке. А с этой тогда зачем общался?

Ар с е н и й. А вы общаетесь только с теми женщинами, с которыми хотите переспать?

С л е д а к. Здесь вопросы задаю я, если ты забыл. Повторяю вопрос: для чего ты начал общаться с убитой?

Ар с е н и й. Нам было выгодно общаться друг с другом. Интересно.

С л е д а к. И что такого интересного?

Ар с е н и й. Ну, я ей нравился. А когда ты нравишься девушке, с ней сразу интересно становится, даже если она тебе никак.

С л е д а к. А чем она тебе не нравилась? Симпатичная девушка. На фото, конечно, сложно разобрать — тут ты хорошо постарался. Но видно, что фигура ничего. Неужели даже на раз не хотел?

Ар с е н и й. Нет, не хотел. Она девственницей была.

С л е д а к. Правда, мы это не проверим никак. Ты же ей все наружу вывернул.

Ар с е н и й. Она сама этого хотела.

С л е д а к. Она тебя сама просила это сделать?

Ар с е н и й. Нет.

С л е д а к. И с чего ты тогда взял, что хотела?

Ар с е н и й. Я просто знал это.

С л е д а к. Так, ладно. О чем вы с убитой разговаривали? Что ее интересовало?

Ар с е н и й. О ее семье, ее проблемах каких-то всяких.

С л е д а к. Какие проблемы?

Ар с е н и й. Ну с отчимом. Она его не любила. Отцу было на нее пофиг. Не знала, чем дальше в жизни заниматься, парня

не было. Ну, знаете, такие типичные проблемы девочки в ее возрасте.

Следак закуривает.

Следак. А ты стал таким другом, который все ее проблемы может выслушать, поддержать, да?

Арсекий. Больше у нее никого не было. Я в итоге и помог же ей.

Следак. Пойдем дальше. Опиши вчерашний день до того, как ты засунул ей ружье в промежность и выстрелил, будь добр.

Арсекий. Когда вы так говорите, звучит ужасно, если честно.

Следак. И без лишних рассуждений.

Арсекий. Она позвонила мне примерно в четыре. Была расстроенная. Попросила прийти к ней. Я был с девушкой в это время. Пришел только к семи. Вот.

Следак. Чем она была расстроена?

Арсекий. С отчимом и матерью проблемы.

Следак. Какие проблемы?

Арсекий. Срались. Отчим ее опускал постоянно, что она ничего из себя не представляет, не учится. А мать поддерживала его, чтобы ему не перечить лишний раз. Еще у нее сестра есть младшая, которая с отцом осталась жить после развода родителей. И папа над сестрой этой трясся, а про Полину не думал совсем. Типа она не под его ответственностью. А в этот день она узнала, что мать беременна. И отчим капает матери на мозг, что Полине надо бы уже жить самостоятельной жизнью. Ведь скоро появится маленький, и она будет только мешаться и пагубно влиять на ребенка и будет ему плохим примером. А мать во всем слушалась отчима. Ну, это я уже говорил.

Следак. Что было в период с девятнадцати до двадцати одного, когда ты выстрелил в нее?

Арсекий. Ну, сначала она все это рассказала. Я ее вроде как успокаивал. Потом она начала ко мне лезть с поцелуями, обниматься. Я сказал, чтобы перестала. Она еще сильнее начала рыдать. Я объяснил, что у меня девушка, все такое. Что она еще найдет своего человека типа. Она успокоилась. Потом предложила просто полежать с ней. Включила Нирвану. Мы лежали, смотрели молча в потолок тупо. Тут включилась «Rare me». Она взяла меня за руку и стала подпевать тихонько так. И с каждым разом, когда Курт Кобейн пел слово «gare», она сжимала руку сильнее. Потом

она встала и пошла в другую комнату. Я остался лежать. Когда она через минуту вернулась, у нее в руке было ружье ее отчима. Он охотник. У них по дому даже чучела вжатых животных висели. Она при мне зарядила пули. Молча отдала мне ружье. Легла на пол. Задрала платье и сняла трусы. Курт Кобейн все пел «Rare me», и она тоже. Хотя песня давно должна была закончиться, но нет. Она все играла, а он все пел (*пауза*). Она даже ничего не стала мне говорить. Я сам все понял. Склонился над ней, она смотрела мне в глаза и все говорила «гаре те, гаре те, гаре те, гаре те, гаре те, гаре те». Ну, я и... Сделал то, что она хотела. Подставил туда ружье и выстрелил. И песня как раз закончилась. Потом позвонил в полицию. И вот тут с вами сижу. Достаточно подробно?

Молчание.

С л е д а к. Тебе это зачем надо было?

А р с е н и й. Что именно?

С л е д а к. Понятно, у девочки проблемы. Может, нестабильная психика. Придумала так что-то себе, песенку переслушала. А ты-то зачем это сделал?

А р с е н и й. А что бы вы сделали на моем месте? Тебе вот так легко и просто предлагают совершить насилие над собой. Такой власти ты больше никогда в жизни не получишь. Никто не будет тебе так подчиняться. И это не за деньги или что-то там еще. Просто потому что ты вызываешь желание наделить тебя такой силой.

С л е д а к. А кто ты такой, чтобы эту силу применять?

А р с е н и й. Мне разрешили. Она сама хотела, чтобы над ней была такая власть. Ведь никто не мог ей ее предложить. На нее было пофиг, и она это знала.

С л е д а к. Сила не может заменить любовь.

А р с е н и й. Не может, да. Но может создать иллюзию, что ты нужен. Ведь объектом выбран именно ты, а не кто-то другой. Вы посмотрите на фотографии с места преступления. Внимательно посмотрите. Она же там улыбается. До нее никогда не было дела, как сейчас. Да даже этот же Курт Кобейн, из-за которого мы познакомились. Почему до него есть дело до сих пор? Потому что он умер красиво и загадочно типа. Не выстрелил он себе в голову, кем бы он был? Дряхлым дядькой, который в миллионный раз поет свои шлягеры, бухает и уныло тискает телок не первой свежести в своем очередном прощальном туре? Но нет. Он — легенда. Потому что наделил себя силой над самим собой.

Другие не смогли, а он смог. Песня «Rare me»... Она же про это. Ты мечтаешь найти человека, с которым ты почувствуешь себя нужным. Поэтому он друг, а не враг. И я был другом. Хорошим другом, который был ей нужен.

Следак. Ты это все очень красиво говоришь, конечно. Но это убийство. И ты сядешь. И будь уверен, такой смазливый пацан, как ты, тоже станет объектом для применения силы. И даже «Rare me» петь не придется.

Арсений. Вы меня не сможете понять, пока не попробуете сами. А если попробуете, вам будет уже все равно на последствия, потому что вам будет казаться, что вы — бессмертны. Как Курт Кобейн. Вот вы когда-нибудь били жену?

Следак. Я не садист, как ты.

Арсений. Странно. Вы же следователь. Вы каждый день сталкиваетесь с тем, как кто-то сумел применить свою силу по отношению к другому. Неужели вам никогда не хотелось понять, что испытывают люди в этот момент? Мне кажется, что вам бы даже помогло это. В профессиональной деятельности я имею в виду.

Следак. Если бы хотел, чтобы меня насадил здоровый потный мужик, может, подумал бы над твоим предложением.

Арсений. Последствия не обязательны. Тем более, у вас столько полномочий. Вы даже меня сейчас можете избить, а никто вам ничего не сделает за это. Скажете, что оказал сопротивление, и все. Давайте. Я знаю, что вам хочется. Я же не человек. Меня не должно быть жалко. Я никому не скажу. Я же заслужил. Давайте же!

Молчание. Следак закуривает.

3

Следак стоит у подъезда дома. Разговаривает по телефону.

Следак. Ну, дорогая. Сложное дело, говорю же. Там ужас такой. Я в этот раз даже фотки присылать не буду. Посплю в отделении, ничего со мной не будет. Ванюшу поцелуй за меня. Скажи, что тоже соскучился (*пауза*). Все, люблю-целую, скоро уже буду.

Стоит какое-то время на улице. Затем заходит в подъезд.

4

Комната в борделе.

Проститутка. Не думала, что так скоро увидимся.

Следак. Слушай, а у тебя есть там наручники всякие или что-то типа такого?

Проститутка. Это у тебя надо спросить.

Следак. Давай без шуток. Есть?

Проститутка. Ну... Да, ты просто вроде не любишь такое. Иди, я лучше тебя поцелую (*идет к Следаку, тот толкает ее на кровать*).

Проститутка. Ты чего?

Следак. Я тебе деньги плачу? Плачу. Так что давай не строй из себя тут.

Расстегивает ремень. Вынимает его из штанов.

Следак. Набери там пока у меня в аудио Nirvana — «Rare me».

Кидает ей телефон на кровать.

Проститутка. Не узнаю тебя.

Следак идет к зеркалу, смотрится в него. Начинает играть песня.

Проститутка. У тебя тут много Нирваны. И даже никакого Кая Метова.

Следак идет к проститутке. Надевает ремень ей на шею. Затягивает пряжку.

Следак. Пой.

Проститутка. Так тяжело вообще-то.

Следак. Подпевай, говорю.

Проститутка подпевает.

Следак. Громче!

Проститутка. Мне дышать тяжело.

Следак. Громче пой.

Проститутка поет все громче и громче.

Темнота.

Занавес

ПОЛЛИ СКАЗАЛА

Действующие лица

Парень, 27 лет.

Полли, 14 лет.

Ведущий.

Следователь.

Рокер.

Психолог.

1

Бар. Единственный посетитель — парень, пьет пиво, смотрит телевизор. Рядом с ним — гитара.

Ведущий. В связи с последними трагическими известиями наша сегодняшняя программа посвящена смерти известного рок-музыканта. Давайте вместе разбираться: что произошло. Убийство или самоубийство? Сегодня вы узнаете всю правду, не переключайтесь.

Психолог. Господи, ну какую правду вы все ищете. Он же просто наркоман и алкоголик!

Рокер. Профессиональное мнение, сразу чувствуется!

Аплодисменты.

Психолог и рокер (*зрителям*). Спасибо!

Психолог. Маниакально-депрессивный психоз на фоне героиновой зависимости. Ну, это если профессионально говорить. Застрелился в бреду. Не первый раз он намешал себе убойную дозу, чтобы оттянуться. На этот раз не повезло.

Парень (*разговаривает с телеком*). Судя по вашим ромам — лучше быть на том свете.

Аплодисменты.

Ро кер. Оттянуться? Конечно, он хотел оттянуться, я хочу оттянуться, и вот он хочет оттянуться, и любой зритель хочет оттянуться!

Парень складывает ноги на стол, ржет, пьет пиво.
Аплодисменты.

Ро кер. Но все-таки оттягиваются на пляже, где-нибудь на берегу океана, вы как считаете? Вот именно.

Психолог. В любом случае не как вы.

Ро кер. Художнику, я по себе знаю, невыносима реальность, особенно, если в ней — такие, как вы! Как бы пафосно это ни звучало, но так оно и есть. Каждый спасается, как может. Меня лично спасает музыка и жена от этой пропасти небытия!

Аплодисменты.

Парень (*разговаривает с телеком*). А мне кажется, что все-таки пару банок пива.

Психолог. Ладно, музыкант — взрослый дядька, хотя какой он взрослый, конечно, но это другая история. Вы понимаете, что его песни слушают, пардон, надеюсь, — слушали в основном подростки, чья психика еще так неустойчива?

Ро кер. Ваша психика, можно подумать, устойчива?

Психолог. Конечно, конечно. Жалкая пошлая маргинальная жизнь, искусство!

Ро кер. Да, искусство!

Психолог. О, господи. Ну что у вас за вид, я очки сниму.

Ро кер. Пусть детки смотрят. И не делают так! Коза-а-а-а!

Психолог. Вам сколько лет, простите?

Аплодисменты.

Следователь. Может, поговорим, наконец, на тему передачи? Обратимся к фактам происшествия, а личное отношение к музыканту и друг другу оставим при себе?

Продолжительные аплодисменты.

Парень (*разговаривает с телеком*). Вот оно! Давай! Жги!

Следователь. Спасибо, уважаемые телезрители. Так вот, я провел расследование. Все очень просто. Это было сто процентов убийство. Есть неоспоримые факты! Вот ответьте, разве человек, который задумал самоубийство, будет покупать перед смертью две пачки патронов? Он что, боялся промахнуться? Это

с расстояния – то десяти сантиметров? Сомневаюсь. Он готовился к обороне, потому что его жизни кто-то угрожал.

Психолог. Это просто больной человек. В бреду купил.

Рокер. А кто нынче здоровый!

Следователь. У вас все в бреду, мы уже поняли, спасибо. В магазин пришел в бреду, купил в бреду.

Рокер. У него кредитка была заблокирована, ему друг купил. А две пачки, чтобы друг не подумал лишнего и оставил в покое.

Психолог. А то одна пачка действительно не так подозрительно, правда, не то что две? И вообще покупка ружья не предвещает беды.

Рокер. Ружье, чтоб крыс гонять, купил. А вышло, что сам себя принял за крысу.

Парень (*разговаривает с телеком*). Так что там про убийство-то? Кто убил-то?!

Следователь. Ну а по поводу предсмертной записки, которой нет?

Психолог. Подсказать?

Следователь. Экспертиза доказала, что последние две фразы из якобы предсмертного письма были написаны чужой рукой. И вообще, в этом письме ни слова о прощании с жизнью, только о распаде группы. Оно пролежало в столе музыканта минимум два года, это подтверждают друзья и близкие. И тут музыкант в бреду, как вы выражаетесь, решает письмо достать и дописать вдруг его, при чем другим почерком? Не слишком ли все в бреду? А педантично расставленная мебель в квартире? А чужие окурки в пепельнице? Похоже, что человек действовал очень рационально. Слишком рационально.

Рокер. Какая разница, как он умер, в конце концов?! Только это всех и интересует. Человек писал музыку, музыку!

Парень (*разговаривает с телеком*). Да, вроде ничо так музыка.

Психолог. Мне музыка наркоманов не интересна. Надо вообще это все запрещать. Такие деструктивные личности губят мир. Как вы все в толк не возьмете! Вы кого вырастить хотите на таком удобрении?

Рокер. Кабачок!

Ведущий. Так все-таки он застрелился? Или же это было убийство? Возможно ли, что рокер попросил сам убить его?! Вы узнаете все подробности после рекламы.

Парень. Сам попросил? Кого? Ну, чо, опять реклама?!

Парень кидает пустой пивной стакан в телевизор, но промахивается.
По телеку идет реклама.

Парень. Мне нальет кто-нибудь еще пива? Ау-у-у. Ау-у!
Вот дерьмо.

В бар заходит Полли.

Парень. Хватит уже рекламы!

Полли подсаживается за стол к парню.

Полли. Телек смотришь? Да там одна фигня вечно. Бес-
смысленное занятие. Выключу?

Полли выключает телек.

Полли. Фух, так-то лучше. Башка от него болит.

Парень. Ты как здесь оказалась?

Полли. Эй, парень, может, ты угостишь меня пивом и вы-
лушаешь отвратительную историю моей жизни?

Парень внимательно смотрит на Полли.

Полли. Ну, купи мне пива, а?

Парень. Возьми в том холодильнике.

Полли. Имей в виду, у меня ни гроша!

Парень. Пей, сколько влезет.

Полли приносит пиво себе и парню.

Парень. Как тебя сюда занесло?

Полли. Мужик один подбрисил.

Полли что-то проверяет в сумке.

Полли. Че такой грустный?

Полли продолжает что-то искать в сумке, находит носки, снимает
кроссовки, вытряхивает из них камушки, меняет носки, надевает
кроссовки, пьет пиво.

Полли. Ну чо смотришь так? Есть пакетик? Ну и погодка.

Парень. Расскажи мне.

Полли. Чо тебе рассказать?

Парень. Историю длиною в жизнь, ты же хотела. Отвра-
тительную.

Полли. Да все фигня и провокация. Ты лучше расскажи: чо такой грустный?

Парень. Ты вообще — откуда?

Полли. Ладно, сам попросился. Прикинь, я сбежала из дома, денег капец нет, куртки теплой нет, даже кеды порвались уже. Нет, я не то что там неженка, я привыкла к такому, ну просто последнее время жизнь вообще ни разу не сахар, знаешь же, как это бывает в четырнадцать. То есть в восемнадцать, я хотела сказать. У тебя не будет немного мелочи?

Парень выворачивает карманы — ни копейки.

Полли. Ясно. Ну, давай, за гребаную жизнь?

Чокаются, пьют.

Полли. Тебя обокрали, что ли?

Парень. Похоже, что обокрали?

Полли. Нет, ну я так лягнула. Наверное у тебя творческий кризис, ты же музыкант. Песни не пишутся, типа того?

Парень. Ты маленький психолог?

Полли. Похер?

Парень. В смысле?

Полли. Ну, в смысле стало похер на все?

Парень. Скорее, глубоко похер на все и еще сверху насрать.

Полли. А, знакомо!

Чокаются.

Полли. Да, это нормальная реакция. Типа мир к тебе жопой, и ты к нему жопой. Становишься мелочным, циничным и все такое. Типа грубеешь. Да, я прям реально как психолог из дешевого кино, да?

Парень. Смешная ты.

Полли. Имей в виду, мне четырнадцать, красавчик!

Чокаются.

Полли. Так блин жрать хочется все время. У тебя есть по-жрать? Может, чипсы или печенье?

Парень хмыкает.

Полли. Только гитара, понятно. А напиши мне песню? Мне еще никто ничего такого не делал. Да ладно, ладно это я так. Меня, кстати, зовут Полли. Да, знаю, тупейшее попугайчье имя.

Парень. Нормальное имя.

Полли. Девочка Полли, порванные кеды... Блин, чувствую себя конченной попрошайкой. Так надоела эта тупая жизнь. Но лучше уж попрошайничать, чем вернуться домой.

Парень. А что у тебя дома?

Полли. А ты мне нравишься, странный парень с гитарой. У тебя глаза добрые, только как у побитой собаки чуть-чуть. Можно у тебя сегодня переночевать?

Включается телевизор.

Ведущий. Экстренные новости! Был найден обезображенный труп подростка. Медэкспертиза сообщила, что тело принадлежит четырнадцатилетней девочке Полли. Напомню, девочка пропала около недели назад.

На экране портрет Полли.

Полли. Это же моя фотка? Да?

Парень. Давай выключим. Не надо это смотреть.

Полли. Подожди, что они там говорят такое, сделай громче.

Ведущий. Вот что с ней стало.

Полли. Фу-у... Месиво какое-то, лица вообще не разглядеть... Ужас...

Ведущий. Медэкспертиза обнаружила на теле девочки следы от ожогов, предположительно от паяльной лампы, подробности выясняются. Как стало известно, девочка после музыкального концерта была похищена серийным маньяком Дж. Френдом, вот его фото.

Полли. Я знаю этого мужика!

Ведущий. Маньяк пытал ее в своем фургоне на протяжении нескольких дней, а потом выбросил обезображенное тело на остановке. Местоположение маньяка установлено, в данный момент идет операция по захвату. Нам очень жаль, что так закончилась история несчастной девочки по имени Полли.

Телек выключается.

Полли. Я что-то ни фига не поняла.

Парень. Все ты поняла.

Полли. Ты видел, меня по телевизору показали! Я теперь же знаменита на весь мир, да?! Офигеть. Только они почему-то ре-

шили, что я тот труп, но я же вот тут, так что надо заявить в полицию, что они ошиблись, да?

Парень молчит.

Полли. Блин, а я пиво выпила. Что-то все так плывет. Всякое мерещится, слышится. Фух. Тебе тоже показалось, что они назвали мое имя?

Парень. Полли. Тебе не показалось.

Полли. Эй? Ты что на меня так смотришь? Они ошиблись, работают одни идиоты, потому что в полиции. Что-то мне это все вообще не нравится. Почему здесь нет никого, дурацкий бар! Так, я, короче, пошла. Спасибо за пиво, давай, удачи!

Полли пытается выйти из бара, но дверь не открывается.

Полли. Чо происходит, эй! Откройте дверь. Это ты ее закрыл, да? Открой, я сейчас полицию вызову, слышишь, козел?!

Парень. Полли, боюсь, что выйти не получится. Ты как бы тут застряла. Отсюда нет выхода, я сто раз пытался.

Полли. В смысле, застряла?

Парень. Ну. В общем, теперь ты и я тут.

Полли. Ты больной? Как можно застрять в баре?

Парень. Ты не понимаешь, где мы, серьезно?!

Полли. Не ори на меня! Мы в баре! Ты что, напился?

Парень. Полли, ты умерла. Мне очень жаль.

Полли. Чо за бред ты несешь!

Парень. Что ты последнее помнишь? Как ты тут оказалась, помнишь?

Полли. Да все я помню! Я помню рожу этого мужика. Он шел за мной с концерта. Бесил жутко. Он мне пива купил. Я выпила пива, а дальше... А дальше он просто подвез меня до бара! Ясно? Выпустите меня!

Парень. Он маньяк.

Полли. Я не понимаю ни фига! Это ток-шоу?

Парень. Полли. Успокойся. Все худшее уже позади. Эта дерьмовая жизнь уже позади. Выпей пива, садись, давай еще поговорим. Расскажи мне про свой дом.

Полли. Капец. Хорошо, ну вот допустим, это типа шутка у тебя такая. Как в плохом кино. Допустим, парень с гитарой. Ты-то тогда тоже мертвый, да?

Парень. Да. Я застрелился.

Полли. В смысле — застрелился?

Парень. Взял ружье и вышиб себе мозги.

Полли. Зачем?

Парень. А зачем так люди делают?

Полли. Я откуда знаю, ты мне скажи!

Парень. Ну, просто. Бывает, знаешь. Голова на части. Я так людей ненавижу, они все такие... ублюдки.

Полли. Это типа ад? Да?

Парень. Мне правда жаль.

Полли. Это я так выгляжу — там: изуродованная куча мяса?

Парень. Сочувствую.

Полли. Бл***.

Парень молчит.

Полли. Это что, правда ад?

Парень. Не думаю. Скорее, типа... Небытие. Что-то такое.

Полли. Блин, мне же четырнадцать лет. А почему нас тут двое тогда? А где тогда мой дедушка? Он умер в прошлом году.

Парень. Не знаю.

Полли. Я ничего не понимаю.

Пауза. Полли сидит некоторое время молча.

Полли. Нет, ну если я умерла, то почему, я не в райских куцах? Если бы это было по правде, я была бы в райских куцах.

Парень. Я знаю, малыш, что ты думаешь: вот дерьмо. Если тебя это утешит, то у нас есть бесконечный запас пива.

Полли. Я ж вообще ничего плохого не сделала, боженька? Ну что я там сделала такого, а? Я чо, заслужила только сраный бар? Я вообще-то крещеная, все дела, мне мама сказала! Где мои райские куши? Это несправедливо! Там была жопа, а здесь — вообще! Бар! Бар, Карл!!!

Парень. Зато никаких котлов, опять же. Правда? Чертей, как при жизни.

Полли. Знаешь что, боженька? Знала бы я, как ты все тупо устроил, я бы во время жизни банки грабила, на учебу бы вообще не ходила. Да я бы, сука! Я бы вообще была бы стопроцентной атеисткой!

Полли разбивает бутылку пива о телевизор.

Полли. Нет, ты прикинь? Получается же, я очень тупо умерла. Ты понимаешь? Он купил мне пиво и крекер, и я пошла в его фургон. Я же сама пошла! Сука.

Пауза.

Полли. Вот так меня запомнят, как тупую малолетку, которая пошла в фургон к маньяку. *(Разыгрывает на разные голоса)* «— Ты помнишь Полли? — Полли? — Да, это та девчонка, которую мать назвала попугайским именем. — Это та малолетка, которая пошла сама к маньяку из-за крекера! — Да уж! Тупая малолетка!» «— Ты помнишь Полли? — Какую Полли? — Ну тот кусок мяса из фургона? — Нет, это было на прошлой неделе, на этой — мальчик съел жабу, смешное видео, видел?»

Полли. А я жрать знаешь, как хотела, и замерзла! А он мне купил печенья. Эти все суки будут жрать надо мной. Да блин, мне же только четырнадцать лет.

Парень. Полное дерьмо. Забей на них всех.

Полли. Вот именно: тупое паршивое дерьмо.

Пауза.

Полли. А ты на фига застрелился? Чо тебе не жилось?

Парень пожимает плечами.

Парень. Сейчас, здесь, это не так уж важно.

Полли. Ты как будто даже рад.

Парень. Ау, малыш, здесь халявное пиво! И вообще. Здесь хорошо.

Пауза.

Полли. Это что — все? Итог моей жизни, получается? А на фига вообще было меня тогда создавать, рожать? Чтобы у маньяка была жертва? Чтобы были новости? Новая сводка новостей? Я же ваще ничего не сделала. Не знаю, типа там дерево не посадила, не вырастила сына или дочку. Мне, черт возьми, было только четырнадцать лет.

Парень. Я написал тебе песню, хочешь послушать?

Полли. Сука! Ненавижу вас всех, тупые уроды! Ненавижу учителей, родителей, ненавижу жизнь, ненавижу тупую смерть! И тебя ненавижу!

Парень *(начинает наигрывать песню)*.

Полли хочет печеньница.
Полли очень хочет печеньница.
Она говорит, что жизнь — дерьмо.
Я бы хотел ее развеселить,
Но могу лишь подрезать ее крылышки.
Полли говорит, что ей так же не весело, как и мне.
И мы не можем получить никакого удовольствия.
Полли поймал маньяк, он говорил, что у него есть веревка,
И он связал бедную Полли.
Полли просила его отпустить ее...
Бедная моя Полли.
Теперь она все это может забыть.
Она просто сидит и пьет со мной пиво.
В баре.
Бедная моя Полли.

Пауза.

Парень. Полли... Полли сказала...

Парень пытается что-то играть.

Парень. Да блин, а... Шас.
Полли. Прости что сказала, что тебя ненавижу. Ты-то вообще не виноват.
Парень. Стало легче?
Полли. Наверно.
Парень. Выпей еще пива.
Полли. Обязательно. Да.
Парень. Тебе понравилась песня? Она твоя и только твоя.
Полли. На самом деле, для меня никто ничего такого не делал никогда.
Парень. Я тебе еще сто песен напишу.

Пауза.

Полли. Да! Так им всем, сукам! В конце концов, у меня есть собственная песня! Не каждая девчонка может этим похвастаться после смерти, правда?
Парень. Ага.
Полли. Ага.
Полли. Ладно. У нас же есть тонны халявного пива, да?

Парень. Ага.

Полли. И песня.

Полли. Полли хочет печенья.

Парень. Полли все еще хочет печенья.

Чокаются.

Полли. Как ты думаешь, а я могу являться во сне этому мудаку? Я бы ему яйца дверью прищемила! Сто раз! Каждый день бы являлась в одно и то же время, он бы заикаться начал! И мозги бы вышибла дробовиком... Ой, прости... Несмешная шутка.

Парень. Нормально. Смешная.

Пауза.

Полли. Посмотрим новости? Может, его поймали?

Парень. Жизнь дерьмо.

Полли. Ага. А смерть еще хуже.

Парень. Я рад, что я здесь больше не один.

Включается телевизор.

Ведущий. И мы продолжим передачу под ваши аплодисменты, не переключайтесь, у нас в студии появился еще один гость, она расскажет, сколько на самом деле детей у музыканта.

Аплодисменты.

Реклама. "Teen Spirit!" Новый дезодорант. Только для тебя! Вперед к вершинам и победам! Smells like "Teen Spirit" forever!

Аплодисменты.

Ведущий. И мы продолжаем!

Парень и Полли смотрят телевизор, пьют пиво.

Конец

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

ЧЕРЕМШАНКА

Рассказ

1

В субботнее утро отец вернулся с рыбалки и пошел в гараж, старый, советский, выложенный красными, понабранными отовсюду кирпичами и покрытый крышей из шифера, который каждый год латали. Вдоль стены стоял ряд поленьев и между ними то и дело попадались пачки от сигарет: то синяя «Балканская звезда», то красная «Прима», то белая, от папирос, — «Беломорканал».

В гараже стоял мотоцикл, но отец редко пользовался им. Даже на далекий покос ездил на велосипеде — уезжал рано утром и к вечеру возвращался. А потом приезжал старый-старый ЗИЛ, ржавевший в иное время на соседней улице, и перед домом на поляне вырастали стога сена, на которые так хорошо было забираться и скатываться вниз — прямо в канаву — и опять, и опять, пока сено не утаскивали на сеновал.

Всего этого не было уже лет пять. Корову зарезали, и каждогодние телки и телята: Гаврюши и Милки — не бегали по двору, и не приходилось сидя на крыльце смотреть на них, хлопать в ладоши и смеяться. Но смерти этого мира я не ощутил. На сеновале еще оставались косы и вилы и даже дюжие охапки сена. Да и гараж стоял, крепился прошлым.

Отец выкатил мотоцикл из гаража и, увидев меня, махнул головой, мол, давай залазь — поехали. Я был рад этим скучным моментам радости без лишних разговоров, так же, как и в прошлом мире, когда отец брал меня на руки и подбрасывал к потолку или крутил над собой. А я летал и смеялся, видел белый свет сверху, видел, как кошка Муська бегаёт вокруг, и поэтому смеялся еще громче.

* Студент творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Березовском Свердловской области.

— Куда это ты собрался? — спросила бабушка кого-то из нас. — На Черемшанку съездим, посмотрим, — ответил отец.

Из ниоткуда появилась заспанная сестра и заверещала:

— Я тоже хочу, тоже хочу!

Отец недолго думая махнул головой, и после совершенно ненужных, с его точки зрения, приготовлений с нами оказались бутылка молока и пакет с блинами.

Мы с сестрой сидели в коляске. В шлеме было неудобно смотреть по сторонам — я все время бился головой о голову сестры и каждый раз смеялся при этом. Когда мы ехали по поселку, я еще вертел шеей, но в лесу бросил это дело и смотрел только на руки отца — как он поворачивал руль и спокойно выжимал газ.

Я не помню, как мы выехали из леса на дорогу, но ветер подул мне в лицо с такой силой, что я стал захлебываться воздухом. Отец разогнал мотоцикл, и мы переехали на скорости ручей — вода полетела на меня. Я до сих пор помню это — кристальные капли воды в желтом отсвете солнца. И пахнут они бензином.

— Все. Приехали. Вылазьте, — сказал отец. Мы с сестрой вылезли из коляски. Отец докатил мотоцикл до ручья, где он принялся мыть «Урал», а мы пошли побродить. — Далеко не ходите! — крикнул отец нам вдогонку.

Слева от нас текла небольшая река, в одном месте она резко сужалась и становилась ручьем, а потом снова рекой. А справа стоял остов дома, поросший травой. И колодец — черный и пустой. И ничего больше. Только лес со всех сторон.

Отец купался в реке, когда мы вернулись. — Ой, щука укусила, ой, окунь, — выходя из реки, он подпрыгивал, брызгая в нас водой. И я смотрел на него — большого, сильного и молодого.

Я все смотрел на него, а мы уже ехали обратно, и позади оставался поросший травой дом и пустой колодец. И небо было беззаботно-облачным, и солнце светило легко и непринужденно, захочу — пойдет дождь, захочу — будет сухо. И казалось, что старый дом и колодец — все это временно, все это ненастоящее, что придут люди, починят дом, выроют новый колодец и заживут старой жизнью. Той, в которой будут и сенокосы, и корова, и старый ЗИЛ. И теленок — бегающий, стучащий копытами по асфальту двора.

2

— Пойдем на Черемшанку? — спросил меня отец.

— Зачем?

— Прогуляемся да веток на метелки наломаем.

— Ну пошли, — неуверенно протянул я.

— Ну все, седлай сапоги.

Бабушка охала да ахала, как бы я не застудил ноги.

— Да нормально, — только и говорил я, пока отец курил во дворе. Вернувшись, он вытащил из комода портянки и наматал их мне поверх носков.

— Учись, пока я жив. Ну-ка походи.

Я прошелся по кухне.

— Нормально?

— Да.

— Точно?

— Ну да.

— Ну пойдем тогда.

В конце октября в поселке хорошо. Дожди уже не идут, а снег еще не выпал. Стоит какое-то безвременье — не зима, не осень. Гулкий подмерзший тротуар стучит под ногами — живет своей жизнью и замолкает только во время порывов ветра. И главное — дышится легко. Воздух настолько хрупкий, что ломается, когда выпускаешь пар изо рта. А пар поднимается вверх и не тает, исчезая за гранью дыхания.

Знакомые уже не кричат через дорогу: «здорово!» — а спокойно поднимают руку как приветствие не нам, а осени: «ну здравствуй, что ли». В лесу же совсем тихо, только сосны раскачиваются, потрескивая. А земля молчит.

Нам не о чем говорить с отцом, поэтому мы тоже молчим. Прошлое затемнилось, и мы не можем разговаривать и смеяться как раньше. Мы миновали точки сближения и теперь уходим друг от друга все дальше и дальше. Как мне хотелось, чтобы отец научил меня всему: столярничать, плотничать — мастер он на все руки. Но я боюсь ему сказать это, и он, наверное, тоже не может произнести: «пойдем, рубанком работать научу» — и говорит только: — Молоток подай. Или: — Вон гвозди лежат, принеси. И заканчивает всегда: — Да я сам справлюсь, иди.

Из леса мы сходим на проселок, вдоль которого тянутся поля. — Вон, коров тут пасли, я еще помню. Прибегал сюда.

Деревянные столбы прочно стоят в земле. Колючая проволока, кажется, намертво прицепилась к ним. Я всматриваюсь дальше, но ничего не вижу, кроме покрытых инеем полей, желтых, гнущихся под ветром и плачущих без солнца.

На повороте встает Черемшанка, прозрачная, покрытая льдом река, и далекий остов дома с черным колодцем. Трава завяла, и дом совсем открылся. Я вижу обгоревшие бревна — черные, землю — черную, и колодец — черный, с прозрачной водой, в которой плавает лягушка. И вдруг — оранжевые ставни. Но как неестественно смотрятся они на этом осеннем фоне, разломанные, выцветшие, облупившиеся.

Мы ходим вдоль русла реки, и дом то появляется, то исчезает из моего зрения. И я все время о нем думаю. — Мелкий ты какой-то и хилый, — по-доброму говорит отец, когда я не могу наломать ивняка: вот, смотри.

Он спокойно отламывает ветку одним движением руки.

— Учись, пока я жив.

Обратно мы возвращаемся по другой дороге.

— Не устал?

— Нет.

— Точно?

— Ну да.

Мы спускаемся в поселок, и мне становится грустно. Я оглядываюсь назад и вижу Черемшанку, которую вот-вот занесет снегом. И понимаю, что никто не придет туда и не поставит новый дом. Будет он стоять так же и догнывать на пару с колодцем, пока кто-нибудь ради потехи ли, а может и ненароком не спалит дотла то, что еще называется жизнью, пусть и заброшенной.

3

Когда я вышел из дома на улицу, почувствовал: весна. Через несколько минут ходьбы воздух замерз. И тогда я осознал, что осень пришла бесповоротно. Как ее не отгоняй, все равно наступит. Солнце отдалилось от меня — не грело, не светило, только слепило затвердевающий колкий воздух, который теперь не продавишь до весны.

Я вышел засветло, но в ноябре уже в пять темнеет. Мои часы показывали три, и время не двигалось. Впрочем, дороги совсем

немного — три километра туда да три обратно. И вот я уже иду по ноябрьскому лесу.

Снег аккуратно хрустит под ногами, сухой, непреломляющийся в свете дня, да мне и этого хватает. Постепенно поселок исчезает среди деревьев. Иногда я останавливаюсь и слушаю свое дыхание, выпуская пар изо рта.

Лес весь изъезжен. Везде ямы, колеи: видно, лесовозы все едут и едут — то там вырубка, то здесь. Из-за этого я не всегда понимаю, куда идти. Но вот выхожу на грязную осеннюю дорогу. Справа — все те же столбы выгона в колючей проволоке и, кажется, ни души. Только где-то изредка слышна бензопила, но точно не «Дружба», и ревет где-то лесовоз, но явно не ЗИЛ.

За поворотом я останавливаюсь: ищу глазами ветхий и старый дом. Но его нет, а я-то думал, он поприветствует меня, спасибо, мол, старика навестить пришел. Дальше по дороге лежит асфальт. И просека уводит его куда-то за те места, где мы с отцом ломали ветки на метлы. А по обе стороны дороги — дома, кирпичные, разноцветные, и указатель, на который я не хочу смотреть. Слова начинают качаться во рту, я сплевываю их на грязную, не желающую замерзнуть дорогу.

Отцу я ничего не сказал, как пошел. Да и кажется мне это каким-то бессмысленным. Ведь он сам ту же память, что была у него, передал мне. И я сам стал с ней что-то делать. Иногда мне хочется обо всем ему рассказать: о том мире, который вышел за грань прошлого. Обнять, поцеловать хотя бы... Но когда я вижу размытые, усыпанные временем черты лица, мне не хочется его тревожить. Пусть все остается как есть.

Дома нет. Колодца нет. И реки нет. Есть лишь дома, построенные на пепелище, в которых будут жить люди, ничего не знающие о прошлом. А я вот иду по дороге. И когда все уйдут, останусь только я. А после меня — никого.

На дороге появляется лесовоз. Я отхожу в сторону. Едет за моей спиной зеленый ЗИЛ. Хорошо, думаю. Около меня он останавливается.

— Подвезти?

— А ты куда?

— На сорок девятый, а потом через поселок.

Я запрыгиваю в кабину, и мы трясемся по ухабам и кочкам.

— Оттуда ты? — спрашивает меня шофер, показывая куда-то пальцем.

— Нет.

— А откуда? Грибник, что ли? — и звонко смеется своей шутке.

— Из поселка, — отвечаю я.

— А...

Мы едем, шофер все что-то рассказывает. Ни слова не доходит до меня. Он смеется, а я улыбаюсь в ответ и вспоминаю столбы с колючей проволокой — единственное, что осталось от прошлой, совсем другой жизни. И жаль мне их, жаль шофера, жаль его старую машину, и это ноябрьское темно-синее небо, и себя, потерявшего что-то, от чего осталось только четырнадцать деревянных столбов и триста метров ржавой проволоки.

Сижу на кресле и в окно
Смотрю. Должна приехать мама.
В незнающем меня давно,
Час ночи. Как же это мало.
Я не услышу, что усну.
И в незамеченном мной после,
Через пятнадцать лет проснусь.
Как хорошо.
Как жаль.
Как просто...

Вроде все это было когда-то,
То, что я до сих пор не знал.
И непрожитый, на обратном,
Вдоль меня проплывал вокзал.
И желтели от пива сугробы,
И дорогу сушило на льду.
Ну а после, пойдя, попробуй,
Расскажи, что имел в виду.

Твое имя — ненужный дар,
Признак будущности печальный,
Вспоминается иногда.
Прорывается сквозь молчанье
Бытие. И другие слова —
Тишина, что уже не встретит.
Только тлеет едва-едва
Ветер.

Зарядил до утра. Ни просвета
В сером небе, и крыши врозь.
Это прошлое, прошлое лето
На порог, как несчастный гость.
В тех же яблонях столько же цвета,
Тот же мир в предвечернем бреду.
Это прошлое, прошлое. Лето,
Как в том благословенном году.

Сиди и слушай, как не умирает,
До всенощной весь день труба поет,
И от стены и до стены теряются трамваи,
Как пляшет в гололед
Обыденная Родина такая,
Все забирает, но не отдает.
Все отдает и нас не оставляет.
Снежинки падают,
И катятся трамваи.

Память, память, ты переменялась.
И не разобрать: то ли весна,
То ли осень, то ли милость
Царская дана.
Словно сыт полоской неба
Галилейской Каны, а вдали
Всё плывут, не вынесшие хлеба,
Лодки твоей, Господи, земли.
Но стоит все так же, не вникая
Памяти, распятию верна.
Суша, часть ее, одна шестая.
Родина. Страна.

Переулок стоял Трехпрудный
И стоит, но другой. Смотри.
Только знаешь, Марина, трудно
Помнить небо своей земли.
Повторится данное слово,
Проглядится. За толщей лет
Сумма чисел сойдется, и снова
Не виднее то, чего нет.
Только берег пятью хлебами
Все отходит, но помнит земля
Эти улицы с тополями,
И какая из них твоя.

Где дорога уходит направо —
остановка, будто твоя.
Вся полна минутною славой
односложного бытия.
Смотришь в эти серьезные лица,
покачнувши гранитную даль,
словно книги листаешь страницы,
и страницу вырвать не жаль.
Сыплет воздух густой в небеса,
отражается под ногами,
наберется и смотрит с креста
навывкат пустыми глазами.
А потом тишина, как рассвет,
глубока и бездонна, как много
звезд на небе, одной только нет,
и куда не взгляни — одиноко.

Как до осени смерть видна
посмотри и увидишь сам.
Это кто-то стоит у окна.
Но молчит, молчит поводырь,
и качает над дверью фонарь,
освещая свои сады.
Это что-то неслышное нам.
Как дубасит по крышке апрель,
прошлогодние гонит дожди.
Всю округу залет теперь...
И попробуй, потом поверь,
а не веришь — водой иди.

...Но висят над страной провода,
над забором дожди чернеют,
и на осени стынет вода,
и скрипят на ветру качели —
неизбежно дурная потеха
ранним утром на грани сна.
Четко слышишь нездешнее эхо:
та ли,
эта,
другая страна.

Рельсы, шпалы, провода,
черные заборы.
Как бессильны иногда
родины просторы,
что в чужом вагоне жизнь
ищет как попало.
Страшно, боже, хорошо.
Господи, как мало.

Россия осенью видна,
что мгла в тумане расстоянья.
Качнешься вдруг и ото сна
горчит нездешнее сиянье,
в котором снег и на миру
торчит подкошенный, не тая.
И я никак не разберу,
что здесь за станция такая.

Сырая, одинокая страна
молчит, не признавая расстоянья.
Оглянешься — до осени видна,
и что ни станция, то некое зиянье
широт, необъяснимых долготе,
где правит линия дождя косая.
Но как долга страна, как тяжек свет...
И осени нет ни конца ни края.
И вагонный густой горизонт
расстелился пространством нагорным,
и немый пейзаж за окном
показался одушевленным.
Только пить, или петь, и не сметь
вечно жить, хоть разницы нету
законный пейзаж смотреть
или общность вагонную эту.

Я осень чувствую по звуку —
то не мучение, но мука,
как гулкий голос тех времен,
где под дождем протянешь руку,
и на полшага, на полслуха
горчит на пашне чернозем.

О, Господи, какое счастье
смотреть под небо голубое,
где в каждой тени, в каждой части
сквозит убожество глухое,
где чужедольная тоска
всю ночь терзает душу мне,
когда нетленная пока,
жизнь холодея у виска
в размытом катится окне.

И кажется, что мало целовал
тебя. Такая глушь и расстоянье
в такой стране, где время миновал
морозный воздух, проступающий, как знание
осеннее на сомкнутых губах,
опережающих сомнение ответа.
Не боль, не грусть, не боль, не грусть, но прах.
— Когда теперь увидимся? — Ну, в среду
увидимся. И после сотни лет
родная даль качается от ветра.
И я в ночи молчу прошедший бред,
то ли меня, то ли страны на карте нет...

траву убаюкал лес
в небе луны срез
в небе не спит звезда
смотрит востоком
смотрит как спит трава
как засыпает лес

Это осока
Соединила твои берега
Река
Легковерная
Вечная
Границей тебе облака
Это сорока
Твое отражение в небе
В лесах
Река
Постоянная
Переменная

Руки тяну к реке,
Ладони мои — лен.
Белым мои глаза
Первоцветом и Первоогнем
Отразились
В мутной воде.
Река смотрит
На отражение.

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Родилась в Екатеринбурге. Окончила романо-германское отделение филологического факультета УрФУ. Живет и работает в родном городе.

И солнце готовит саван
Из ромашек и первого снега.
Будем потом плакать,
Падать.
Черемуха разве помнит
Имя
Последней
Птицы.

Скользит роса по незабудкам
Смычком.
Прольется музыка и замолчит
(О чем?).
И станет тенью
Синеголосой птицы,
И вновь родится.

У солнца высохли губы.
Больше ни слова,
Больше ни звука
Из обожженной гортани.
Пусть теперь говорит река
Разноликим ветром,
Разноцветьем,
Временем.

Рассыпаются слоны —
Не собрать.
Все песок.
Все потом.
Посмотри,
Пролетают мотыльки
Над костром.
Пахнет горьким дымом,
Только дыма нет:
Серые круги —
Еле видный след.

Треугольные листья
Разбились
Желтым стеклом
Все осколки тебе
На плечо
Очень медленно
Очень маленькая
Луна
На ладони моей
Вот теперь
Растет сквозь ладонь
Сосна
И другая
Ей вслед
Безутешная

Вот Лена, а вот Енисей
На руке
Твоей.
Пробиваются сквозь твоё
тепло
воды бессмертных
рек.
Время прошло.
Время остановилось
Лишь для того,
Чтобы цвела
Сирень.

На твоей щеке дыхание ландыша —
Нежное.
На моей — созвездие сирени.
Вечное.

Вода онемела,
Спряталась каплями.
Это её предпоследний рассвет.
За грозным горизонтом — небо.
Стеклянные листья

Несут росу в лазарет.
Вода обездвижена.
Снег.

Бестелесным светом
Безымянной болью
Бродит эхо в доме.
Не услышан небом
Шепот моря.
Пересыпан птицей
Через горький берег.
Где-то ветер воеет,
Где-то воеет ветер.

Дробь изумрудов
По твоему лицу:
Где-то рассыпалось небо,
Превратившееся в росу.
Срезаны пряди света,
Спрятанные подо льдом.
Тени падают в небо...

Луну рассекает плоть.
Сыплется с неба медь, —
Плакать и петь.
Тень ускоряет шаг.
Время стремится назад
Не в такт.
Разбит чужой метроном,
Тишина поглощает дом, —
Перелом?

Небо отцветет и заплачет.
Молоко застынет льдом
На желтых песках.
Караван услышит свирель,
Белые напевы вереска.
Трава попросит прощения,
Последней милости.

Я принес хлеб
Из проросших звезд,
Серых хризантем
И белых слез.
Снежная мука
Сыпалась в купель
(Будет колыбелью).
Верь.

Мак. Первый вдох.
Чужой, серебряный.
Дышит клюква
Горстью, звуками.
Белый восход.
Восход, разложенный на ноты
Безымянной мелодии, —
Скрипичный ключ на крыльях бабочки.

Слово прольется слезой
На птичье крыло.
Росой. На пестрые перья.
Слово прольется немой
Водой. И надо мной
Птицей заговорит
Небо.

Плачет медом
Ель.
Слышит свирель.
Белую колыбель.
Плачет годом
Сосна
Одна.

Листик орешника
Под серым крылом
Пересмешника,
Стеклянные маки

Порослью по воде —
Песнь обо мне.
Дудочка кроткой сирени,
Музыка белой травы,
Эти пески —
О тебе.

У рыбы во рту
цветы,
Купавки-глаза
навыкат.
Рыба растет
солнцем,
Созвездием чешуек
ввысь.
Вольного ветра
вой
Рыбе немой
приснись.

Рисуешь в небе иглой,
Переводишь с птичьего
На мотыльковый.
В споре. Всеу.
Мотылек спорит с росой,
С тобой.
Рисует.

Посадите дерево на моей земле
Пусть оно растет из моего тепла,
Тонкие ветви тянет в плотной душистой мгле,
Чтоб золотая птица гнезда свои свила,
Чтобы зеленый цвет выстрадала листва.
Дерево будет вечно жить, сила его — в смоле.
Вечно продолжит петь — ветер найдет слова.

Ива целует воду
Листьями, ветром, губами,
Тонкими нитями бережного тепла
Еле заметно, словно движение крыла.
И, повинуясь восходу,
Солнце становится нами.
Только не за горами
Вечность — белым-бела.

...И от начала жизни до своего конца
Из тишины извлекать черты твоего лица,
И целовать сквозь стекла белых своих смертей,
И становиться отблесками твоих огней.
И обречь слова на непрекращаемый звук.

Ивовый запах вьется — темная ночь вокруг.
Изморозь тянет руки — тянется тусклый свет...

Только твое молчание, а остального — нет.

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Ранее публиковалась в литературном журнале «Урал». Живет и работает в Екатеринбурге.

Слух наполняется молоком.

Она украшает себя венком.
Она поджигает свои рукава,
Но все равно остается жива.

Тихий воздух рождается в темноте.

Она ищет птиц, но их нет нигде.
Она падает в лес, поет закат,
И прощает тех, кто не виноват.

Из огня в листву переходит свет.

Ее сердце — дерево, снег — скелет.
Она греет руки и ждет ветров,
Создавая вечность из мертвых слов.

Скажи мне солнцем, потому что можешь.
От пустоты, качающей во мгле
Сосуды слез, обтянутые кожей,
Не спрятаться безмолвию нигде.
Скажи мне боль дождями грозowymi.
На этом свете, в этой темноте
Деревья танцевали и застыли,
Как холод, отразившийся в росе.
Скажи уйти, и я смертельным стану.
Небесных лодок тонкие носы
Уронят вечность, но ее так мало,
Как много в птице брэнной высоты.
Но ты молчишь, готовишься воскреснуть.
Снега прощаются, пронзая нашу плоть —
Такою нежную, что золотистым сердцем
Становится упавший с древа плод.

Звук был услышан. Ребра болят вокруг
Сердца пустого, и главная часть Луны
Снова сокрыта от глаз. Снег серебристых рук
Трогает воду, словно они сильны,
Словно река задает тишине вопрос,

Что бесконечно бьется камешком ледяным.
Запах земных созвездий и золотых волос
Переродится словом, не превращаясь в дым.

Я бы держал на руках весь лес,
Если бы не был простой водой,
Серой водой (распускаются зеркала,
И на поле выходит заря) небес
Золотых, разбитых молнией молодой,
Пернатой (что свечением переплела
Листья травы) и приносящей боль
Тонкой черте, что мерцает над кожей твоей
И наполняет глаза (цветущие в темноте),
Которые дарят покой, но теряют соль
(Словно тысячи солнц). Пустоты острее
Все слова, разлитые (в призрачной высоте).
Беспокойная вечность (небесных пустых полей,
Что достанутся нам)
Останется нам.

...если дальше только вода, вода —
бесконечное небо пустой воды...
мы к нему прикасались едва-едва,
оставляли чьи-то (свои) следы.
круговые они расходились так
безболезненно больно и так легко,
что, казалось, вечность у нас в руках
пахнет свежими снегом и молоком,
что глаза твои (наши) глядят вперед,
но не в пропасть, нет — в темноту огня,
что слова мои (наши) растопят лед...

только нет меня

И небо ложилось на плечи тебя убивая
И ветры спасали твой голос
И заново берег качался
И падал в зеленое море
Я плакал смотрел сквозь тебя
Я видел тончайшие скалы и темные глыбы

Я спрашивал небо зачем колыхаются звезды
И небо плевалось дождями тебя обвиняя
Извечным движением тел

Собранное из мотыльков,
Хруста молящего вечных снегов
И серебра лучей.
Это наш воздух, значит — ничей.
Это наш мир — пелена полукругом.
Руки сплетаются и продолжают друг друга.
Слово цветет посреди темноты.
Пусть на словах вызревают плоды —
Перерастают свет...

Разное?
Нет.

Взором, пойманным в высоте,
Вижу слова, только все не те,
Вижу созвездие прозрачной немоты,
Вижу дыхание птиц и твои черты.

Тронет макушку вечность, но позовет земля.
Выберу быть тобой и темнотой угля.
Выпал из белого неба и наполняет дом
Свет.
Господи — свет кругом.

Но если я умру,
кто мне глаза закроет?
Я долго думал, слушая стекло,
Лежал внизу и телом чуял дно.
И светлячка мерцаньем на пруду
Играла вечность. словно перед боем,
Я был как дерево, как пустота спокоен.
Ты разбудил меня движением ресниц
И подарил мне юность, страсть и старость.
Так сколько мне осталось?
Все и ничего.
Я долго думал, слушая стекло,

Представил, что теперь я — кипарис,
Но грусть моя не об одном
Олене мертвом — обо всем живом,
Сгорающем во тьме.
А радость — о тебе.

Тонкий вереск пахнет медом и ледяной водой,
Голоса коноплинок становятся светом и заплетают воздух,
Чудеса высоты проявляют гром, оком сверкая грозно.

Мы приручаем волка — именем и тобой.

Костер горит.
И песня погребальная.
Ветра сирени
Топчут вороньи кони.
И ты, Лилит,
Упала на колени.
Мы в поле,
Перед Богом
Не позорься.
Ты плачешь,
Ты бросаешь кольца,
И кольца превращаются в цветы,
И в древо превратилась ты...

Давно потух костер,
Но дым все так же звонок,
А слух земли — остер.

Когда босые ступни замерзают
От бесконечности незримого стекла
То наша речь становится другая
А пустота становится не та
Но отступает белое свечение
Заходит в круг и выглядит больным
А я смотрел на золотые тени
А я смотрел на линию воды
И думал что Земля разбилась насмерть
И что прекрасно быть тобой и быть с тобой

И разве дерево зимует или разве
Все уместилось в капле дождевой

Я волны вырастил — смотри —
Летят.
И слов на свете всего три.
На новый лад
Ты произносишь тишину
Земли,
И я тебе ее верну —
Лети.

Он пламя лижет языком
Не то смеется не то плачет
Он существует не иначе
Как пустота с открытым ртом
Зовет кого-то в белой яме
И сон снимает с наших век
А вишни спелые над нами
Забились под горячий снег
И он сорвет их в наказание
Или подарит полюбив
Не зная ничего заранее
Свистит неслышимый мотив

Я смотрю на тебя, а точнее — в серебряный дым,
В тишину молока, именуемую телом твоим.
Собирается ночь, одевая тебя в темноту,
И мне больно смотреть, словно это огонь на ветру,
А не вечность твоя озаряет пространства мои,
Оставляя узоры холодные прямо внутри
На гортани, на легких и в дереве клетки грудной.
Я смотрю на тебя и хочу оставаться тобой.

Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Я состою из ветра и ветвей.
Я говорю на птичьих языках
И лед храню в обветренных руках,

Я гром кричу и вызываю дождь,
Я снежный вихрь, а не великий вождь —
Слеза зимы, налитая в стакан,
И распростертый мертвый океан.
Я бабочками белыми — узри —
Плету лучи серебряной зари
И сны рассказываю в полной темноте,
Закрыв глаза, качаясь на воде.
Мои глаза откроются в лесу,
Где музыку по воздуху несусь.
Я каждый лепесток, я каждый зверь...
...Да, я ничто теперь.

Ты спросил почему я гляжу в это страшное грязное море
Не смотри ты сказал ну а волны все выше и выше
Я не слушаю думаешь ты но зато я услышу
Как ломаются кости земли в этом дивном прибое
И все песни услышу последние самые песни
Посмотри на меня говоришь но так страшно глаза отвести
Но я делаю это и все замолкает на слово прости
Отвечаешь (и грохот становится тише)

Ничего не случится пока мы с тобой будем вместе

Мимо души. Жаль,
лето не вечно.
Мои звезды. Чужие плечи.
Скомканный вечер.
До встречи.
Пропасть или печаль.

И рассыпались розы.
Умер кто-то. А мы нет.
Кто-то — нам свет.
И слезы.

Кто-то молчит, слышит,
как твоя жизнь дышит
темной водой октября.

Кто-то любит тебя.
Раз, два, ты
будешь на счет «три»
видеть меня там.
Кто-то считает нам.

Тоскуешь весь.
Не здесь.
Целуй меня в этот дождь.
Звезды твои есть.
Звезды — не грош.

* Выпускница ЕГТИ 2019 года (специальность «Литературное творчество»).
Работает хореографом во Дворце культуры Полевского. Печаталась в журнале
«Урал».

Перед концом все
изольем глаза.
Я была. За.
Тебе до меня теперь
деревянная дверь
ниоткуда — туда.

Не умешь прощаться — реви.
С неба всегда
ночью
горят города.
Впрочем,
не твои фонари.
В неизвестном пути
несколько теплых точек.

В темных комнатах сердца.
Терпят.
Как горелая Земля — трепет.

Не терпи меня, иди
в лето.
Ни зачем, ни для,
незаметно.

Мысль — колготная стрелка.
Птицам-скорлупкам виднее
где сплошная разметка
и почему тебе — я.

Говори тепло.
Если в тебе спасение.
Если не станешь руками пьяными
меня нелюбить.

Если тебя спасло
лето от недоверия,

губы теперь не обманешь, целуй...
Целуй, чтобы снова быть.

Мои губы взрослеют, папа,
пожелай мне удачи.
Любимый со мной не плачет,
любимый не рядом, значит,
я почти виновата.

Танцевать в дверном проеме
между домом родным и новым.
Если скажут: «Любви нет», —
я спрошу у тебя ответ.

Сердце хочет любить
и не ложится спать.
Ради губ научиться жить.
А ради твоих — ждать.

Ты стучал. За дверью пусто.
Отлучилась душа дорогая.
Целоваться это искусство.
Целоваться с прошедшим маем.

Что-то случилось вне:
я твое состояние,
из голого сердца...
Чтобы согреться.

Помню тебя такой.
Если рукой
в окно
автомобиля,
как ты,
проезжающим мимо
из темноты
что-то свое дарила,
что берегу внутри.

Умрет суеты кусок.
Вместе с тобой. В срок.
Плакать потом... И за что — не узнаешь, прости.

От чего молчат кошки?
Я думаю, это не зря, не нарочно.
Я думаю, это, конечно, возможно,
чтоб каждая кошка хотя бы немножко
с тобой начала говорить.
И ей совершенно не нужно при этом
губами и ртом шевелить.

Мне Господь велит ждать
и поливать драцену.
Нежностью полнить кровать.
Молчанием полнить стены.
Беречь настоящее и Счастливые цифры билета.
А ты вот так на меня смотри
И когда остановят планету...

Умираем мы. Умираем.
От войны? От болезни?
От глупости?
Прости
Господи,
Мы ль не за краем
Допустимых тобою вольностей?
На все твоя воля Божия.
Тихо молят о встрече любимые.
И о будущем. И о прошлом.
И о мире. О мире. Аминь.

На книжной странице ресница —
загаданная судьба
чья-то.
Тебе приснится
знакомая сторона.
Душный от частых свиданий

город идей и воды.
Струящие прошлым фонтаны
в сердце большое впусти.
Старая площадь не долго
заставит влюбленных ждать
и улыбаться столько,
сколько потом скучать.

Бог живет в этом море,
в большом родительском доме,
в масле старых картин,
в госте, что заходил.
В наших словах и слезах,
в пахнущих книжных листах,
в детях и в нашем коте.
Всюду. В каждом. В тебе.

Вдыхаю чужую воду,
ненужную несвободу.
Вены растут из земли.
В твоей крови журавли.
В небе — твои годы.

Кошки

Дымчатая кошка лунным глазом светит.
Видит, как стекает с голых крыш вода.
Кошки не боятся ничего на свете:
Не боятся боли, смерти и стыда.
Шерстяной клубочек, тапочки и ужин.
Дружба или рабство? Каждый за себя.
Дом бывает разный. Кошке угол нужен.
Угол, под которым вертится Земля.
Между звезд прекрасных есть одна — поярче.
Та, что не погаснет в небе никогда.
Между сотен счастливых есть одно кошачье:
Никому не верить, ничего не ждать.

Может быть, вы слышали когда-то,
Если живы в мире чудеса,
Как молчат усталые закаты
Между днем и ночью на часах...
Те, что были легкими, как ветер,
Быстрыми, как юношеский взгляд;
Все же был любой закат рассветом
Целый миг, вернее, жизнь назад.

Осень стояла в плаще с чужого плеча;
Швейной машиной гудел позади вокзал.
Некого было уже ни ждать, ни встречать,
Белыми хлопьями снег закрывал глаза.

Точно в сердца, как тонкая красная нить,
Море сознания бережно бороздя,
Осень входила, чтоб было кого винить,

В том, в чем, конечно, винить никого нельзя.
Падали капли с края ее плаща,
Крепко вмерзая в окна грядущих дней.
Осень умела только любить и прощать...
Это теперь мало кто помнит о ней.

Перестанет болеть душа,
И застыну, как в забытьи:
В первый раз так легко дышать,
И понятно куда идти.
Не хочу и не жду чудес,
Но дышу предсказаньем дня,
Когда имя мне будет Лес,
Когда кто-то уйдет в меня.

Влюбиться в дождь... Бессмысленно читать
По капле набегающие строки.
Им на стекло, как в нотную тетрадь,
Записаны упрямые потоки
Небесной музыки. Мелодия хитра:
Давно знакома и неповторима,
Как первый луч, проснувшийся с утра,
Как данное навек, с рожденья имя.

В темноте по острому краю
Босиком по лезвию бритвы
Ты идешь, разбивая на дольки,
По шагам скучавший гранит.
Я молюсь за тебя, не зная,
Наизусть ни одной молитвы...
И, быть может, поэтому только
Бог тебя до сих пор хранит.

Босиком сквозь город,
Будто бы никто.
Поднимаю ворот
Старого пальто.
По земле воскресной,
Ветром в деревьях,

Странствую, как песня,
В поисках певца.

Про слона

Ничего не стоит купить слона
И носить в кармане, как сувенир,
Как луну, что слишком, увы, полна,
Чтобы греть собой опустевший мир.
Проскулит звонок из чужого сна,
Захлебнется эхо в трубе: «встречай»...
Ничего нет проще достать слона,
Из коробки, где раньше хранили чай.
Если ночью захочется говорить,
То почти всегда не хватает слов...
Ничего нет слаше слона дарить —
Он большой, размером почти с любовь.
Есть один упрямый слепой закон:
Уходя, придется платить за свет.
Но ты счастлив, когда у тебя есть слон,
И тебе снова пять (пусть десятков) лет.

Осьминог

Зимнее утро. Ветер сбивает с ног.
В инее шарф, скользко, темно... Во сне
Видел, что я огромнейший осьминог
И обитаю где-то на самом дне.
Где-то на дне, где на каждом шагу враги,
Где-то, где солнце забыто почти совсем.
Каждое утро, вставая не с той ноги,
Думаю грустно: «Восемь-то мне зачем?»
И осекаюсь: «Внимательнее смотри!
Скольких обнять восемью бы руками смог!»
Сердца во мне отзывается целых три,
Но все равно я дьявольски одинок.
Снилось еще, что едких чернил штрихи
Я расплял, наводя на глубины страх,
А может быть, просто писал стихи
О существе сухопутном на двух ногах.
Что пробираясь по тонкому льду дорог
К теплему дому идет, размышляя вслух:
«Снилось вчера, будто бы я осьминог...»
...Как неудобно, должно быть, ему на двух...

В скучную осень вступает, едва дыша,
Лето, успевшее пожелтеть.
Страшно, наверное, вновь делать этот шаг.
Время пришло, оно принимает смерть.
В спешке бьет по лицу шаловливый дождь,
Словно торопится в Лету не опоздать.
Страшно, когда уже ничего не ждешь,
Страшно, когда перестаешь мечтать.

В цветах заката
Все становится нежно-алым,
Даже хмурые тучи.

Даже смерть может быть красивой,
После ее посещения
Гусеница становится бабочкой.

Я играла с кленовыми листьями
В старом парке у детских качелей
Я играла с воспоминаньями,
Разрисованными акварелью
Я играла с воспоминаньями,
Я играла с кленовыми листьями

Я спряталась в тени опавших листьев,
Меня найти не так-то просто.
И разгоняет ветер мысли...

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

И грудь разрывает сжатый воздух.
Я спряталась, пройдут года — не выйду,
Душа об угол кошкой трется,
На волю путь давно закрыт ей,
Но все равно она упорно рвется.

Летняя

Запах скошенной травы,
Неба грозного раскаты
Поругают до поры,
Посылая дождь в награду,
И по лужам босиком
Осень детскими шагами
Пробирается тайком,
Все на жизнь взрослее стало.

Уснуть бы на руках у неба,
В тумане тайны пеленая.
Молчать. И жить начать с начала,
Ошибки совершая те же.
Бежать до старта от финала
Легко. По-детски. Безмятежно.

Небо в алую полоску —
Солнце ложится спать.
Слышатся детства мне отголоски,
Словно бы время вспять.
Лето, колосья пшеницы до неба,
Июньского солнца лучи,
Ломоть свежего хлеба
Только что из печи.
Волосы нежно перебирая,
Мама зовет к столу,
Время другое и песнь другая.
Небо в полоску алую. Томно,
Страшно. И жутко спать,
Только мне снится мотив монотонный,
Тот, что пела мать.

1

День лениво тает, прощается. Волны. Одна, другая, — к моим ногам. Поднимают гривы, шепчут. Сквозь золотые армады туч солнце опалает рябь, искры вспыхивают и угасают мимолетно. Я дышу — солнце пахнет водой и корнями. И к солнцу тому тянутся голоса травы, а ветер, прежде острый и дикий, — замер, хочет послушать разговоры вечера.

Вода живая и вода мертвая. Я вижу это правильным — возвращать воде то, что когда-то она дала тебе. В этом я чувствую некий порядок, по которому все должно свершиться. Зарываю в песок глубже ноги. В синем кружеве теней я незаметна для уходящих с берега. Влюбленные парочки, стайки детей, старики и одинокие романтики. Разбредутся по домам, зажгут огни.

Солнце уже наполовину скрылось, становится зябко. Из глубины проступает это черное. И вот уже от людей остались только черные силуэты вдалеке да эхо в завитке ракушки. Пахнет дымом. Кружит последняя чайка, под ее крылом уже видны россыпи звезд. Вот Альфа Тельца — Альдебаран, что она скажет мне? Откроет ли правду?

Будто нить накаливания стала кромка воды. Граница ночи. Задержав дыхание, протягиваю руку. Вода знакомится, принимает меня. Ее пальцы входят в мои. Такая нежность.

День лениво тает, прощается. Волны. Одна, другая, — поют свой плач.

2

Шальные сквозняки, цепочки холода, листьев шорохи, — с ними мы к вам приходим.

Мы время отмеряем зернами, что в клюве птицы. Мы идем, собрав в ладони прах от праха большего. Мы идем по тем до-

* Родился в Екатеринбурге в 1996 году. Студент ЕГТИ (специальность «Литературный работник»). Живет и работает в Екатеринбурге.

рогам. Когда мы были? — неслышно произносим, и в ваши зеркала, открытые бесстыдно, смотрим. Мы ищем голос, но слова наши и языки не принадлежат нам более. Мы потеряли слезы, теперь не в глазах они, а глубже. Глубже в сердце врезается ночь. Иметь бы нам сердце, мы только мыслим его. Его.

— Я так хочу сказать, я так хочу, чтобы меня слышали! Тепла, тепла! Почему вокруг такая тишина? Она страшнее звуков. Я пытаюсь сказать тебе самые важные слова, ну, ты знаешь.

— Вспоминаю запах твоих волос. Как ты расчесываешь их перед сном. Я считаю до ста. Вспоминаю твои духи и розы в мутной банке. Вспоминаю, как утренний холод проникает под одеяло, и мы с тобой все ближе друг к другу. Наверное, мы были тогда почти одним.

— Мне совсем не хотелось умирать. Мне было страшно. Почему никто не спросил меня? Мне здесь одиноко. И я хочу скучать по кому-нибудь, но никого нет. Другие приходят и могут чувствовать своих любимых, пока хотя бы сигарета, хотя бы свеча горят. А мне — кого чувствовать? Кто зажег по мне свечу? Кто обратился ко мне ночью, закурив? Я даже никому не могу присниться. Если бы у меня были глаза, я закрыл бы их, протянул руку; я бы сказал, мама, ну пожалуйста, заведи меня, пожалуйста.

— Это была хорошая жизнь, я была любима, и сама любила, и каждый раз как в последний, до капли отдавала себя. Это была хорошая жизнь, я думала. Я жила с ними, я с ними радовалась. Я вместе с ними печалилась и умирала с ними. И всегда честно. Я не забывала первую любовь и дни рождения своих многочисленных друзей. Мне больно, что меня несли гробовщики. Это они копали мерзлую землю, это они бережно подняли меня, чтобы небо поцеловало мой лоб, это они со всей ответственностью и заботой опустили меня вниз. Мне больно.

— Вот кровать, где мы спали. А это пятно краски — я приняла его за жука однажды. Ты так смеялся. Ты не помнишь. Я одеяло поправлю, я посижу с тобою рядом, ты даже не услышишь. Когда-нибудь мы снова свидимся, и ты расскажешь мне всю жизнь, какой увидел ее. Да, так будет.

— Скоро, очень скоро коснется он моей руки. Его сердце висит на шее солнечным зайчиком. Я эхо — свободное от клетки ребер, лишенное клейма. Он голос — мастер гадания, он пред-

сказывает мои появления по крыльям павлиноглазок. Но тише! Не спугни его мысли. Скоро, очень скоро коснется он моей руки.

— Ее губы такие горькие! Она приблизилась, белая, кроткая. Она склонилась над нами, такими мелкими и дрожащими. От холода мы жались друг к другу, не было сил плакать, не было сил молиться. А она была ласкова и поцеловала каждого как равного себе.

— Мой муж не любил меня. Он, конечно, как и полагается, не говорил мне об этом никогда, а у меня не было времени думать о таком. Ну, так бывает. Но вот он пришел тогда, поставил пакеты из магазина на стол и говорит обыденно: ничего уже сделать нельзя, я тут купил на поминки. И я поняла — нет любви, не было. Я стою, течет с пакетов эта грязь на клеенчатую скатерть, а мне сделалось так все равно. Почему он не пощадил меня? В ту же ночь меня не стало. Какой мне был смысл без любви?

— ...тогда по слову Твоему наступит время камня, и увидят очи мои совлечение мрака всего.

И так сказали. И к ним вздохнули.

3

Сегодня ночью Некто отдал мне свою любовь. Что я сделаю с ней? Куда мне спрятать ее, чтобы никто не увидел? Цветок двух весен прорастает во мне, он охраняет от смерти. Этой любви тесно в слепке тепла, ей тесно под подушкой, ей тесно в моем теле. Осторожно, осторожно, самыми кончиками пальцев я соберу ее на мои губы, я выйду в грубую ночь, оставив дверь незапертой. В тонких ботинках, шатаюсь от снотворного, — я пройду всю любовь.

Меня разбудил Его голос. Знакомый, но услышанный впервые, несуществующий, где-то всегда между, где-то внутри вопроса «когда я сплю?». Я открыл окно — снежная месса свершалась над городом. Я выбежал налегке, потому что все стало вдруг неважно. Не помня Его лица, я видел его в других, я слышал биение одинокого сердца Его в сердцах людей, проходящих мимо. Я знал, что сил моих хватит только дойти до Него.

Каждый мой шаг в этой рыхлой пустоте оставляет черту, и черты эти протянутся сквозь каждую из вечностей, дарованных мне. Они станут сетью моих капилляров, оттиском нервной системы поверх рентгеновского снимка небоскребов, поверх

их сломанных ребер и кистей-бабочек. Тело мое станет тоньше и легче, бумажной рукой я закрою свет фонарей, я выйду на свет моего маяка «Утро». Я не первый прохожу эту дорогу, мы всегонавшего узор малой жизни в чашке Петри.

Снотворное — и мои движения хаотичны, нелепы. Ты слышишь это? Застывшие тучи над городом, фары машин оставляют длинные росчерки, луна едва светит, луна на длинной выдержке. Это сон грубой ночи, чужой сон, от которого я не могу проснуться. Мне кажется, я выдумал Его, но разве можно испытывать тоску по несуществующим людям? Разве можно увидеть глаза Его и сказать — несчастен! Когда все остальные говорят — преступник! Я помню это, я помню амальгаму реки, я помню свою тень в жухлой траве. Я помню Его, стоящего среди всей смерти, там, когда не осталось людей, не осталось языка и песни.

Мои мысли звучат, пока работает двигатель. Быстрые, летят навстречу, они танцуют, как листья; они танцуют, как фантики от конфет; липнут на лобовое стекло. Наша скорость становится постоянной величиной. Теперь я знаю, куда ведут все дороги.

Я чужой сон, скомканный и стыдливо брошенный на край кровати. Когда моя жизнь появилась? В какое из пробуждений она началась? Окна гаснут, усиливается снегопад, циферблат луны сошел с ума и треснул, закатился за тучу. Страшный визг ветра — так тормозит машина перед столкновением. Я снова в этом бреде, ищу символы в незначительных вещах. Эта безликость города и меня. Люминесцентные вихри уходят в небо, дома стоят грустью, отчужденные. Словно пальцы уснувших истуканов, они вырастают из земли; словно темные порезы от стекла на коже, они вызывают жалость и отвращение.

Семена одуванчиков летят навстречу, танцуют. Они спешат облететь города и поселки, они спешат к побережью, к воде. Усталость металла разрывает раму, птичий свист, отпущенное сцепление. Я глотаю масло и согреваю пальцы о разбитую фару, чтобы убить время.

Перед Ним я чувствовал стыд, я упрекал себя в холодности, и на Его коленях я проводил пальцем орбиты комет, в хвостах которых остаются наши имена. Он не мог сказать ни слова, Он их не знал. Ему было доверено лишь откровенно молчать. Я впервые так любил, в том сне, что репетиция смерти. Последний ориентир прошел сквозь мои ребра, далеко вверх, куда я не смогу подняться пешком. Груз с пометкой «Хрупкое»

на пассажирском сидении вынужден разбиться, он слишком предан гравитации.

Я не помню, сколько было. Две или больше, что-то из анксиолитиков, — зепамов. Взять камеру, на босу ногу надеть ботинки, пусть пленка выгорит, когда я смогу увидеть Его. Нет, я не вернусь, я не переживу красоту, которая явится мне. Такую красоту можно только умирать. Я поднимусь и поцелую солнце, я ослепну. Мой мир сузился до магистрали кровотока, которым Он говорит со мной: цветок двух весен между колесом и асфальтом.

Споры автомобилей разносит с метелью. Я могу измерить тормозной путь автомобиля по пульсации артерии. Со спорами я разлетаюсь в ночь, моя грибница вслед за амальгамой реки из машин, оставляю язык и песню, чтобы понять Его глаза. Мы встретимся вчера среди всей смерти. Следы остаются позади. Они на рассвете исчезнут.

4

Мне однажды весна принесла, одевшись в молчание, твою слезу. Ее я выпил — и разлилось в душе моей море, где среди полуночных прогулок мы смотрели. Мы смотрели вовне. Мы темно смотрели друг в друга. Мы искали это. Мы заклинали память.

Забросив лески, тянули солнце вниз и жадно пили, а ночью плели жемчужные нитки. Мы продевали их через сердце. Оно танцевало. Танцевало. В моих капиллярах кровь стала янтарем, окаменела в крике; от счастья мои вены взрываются; катаешь в руке меня что бусину (или то был глаз?). Так мы друг друга пожирали.

Мы стали одержимы, и это нас убило. Истерлись. В слишком крепких объятиях, в слишком частых поцелуях. Проснувшись в тишине и мшистом уюте, мы впервые подумали о первом снеге и испугались. Мы были ветками, что сломал неосторожный путник.

Нищие, мы не придумали себе языка, чтобы сказать друг другу это (лепет, лепет воздушными корнями). Твой огонь уходит из меня, он был приманкой Гончих Псов. Я их подзываю, влею им: разбудите все жизни, пусть они теперь знают! В последний раз шли потом вместе перед провалом. Некогда-мы, обожженные в холод. Некогда-мы, не знавшие слова о слове.

На всю глубину неба рассыпали мы зерна, черные зерна черных плодов. Мы рассыпали их без сожаления и на том разошлись.

5

— Зачем ты здесь? Ведь сюда только умирать приходят. А ты — ты жизнь любишь, избегаешь всячески больных, избегаешь смерти. Даже сейчас не можешь сделать другое лицо — так тебе противно здесь быть. Что в пакете? Еда... Но не люблю твою еду, ты готовишь невкусно, ты не умеешь. Ну подходи, что же ты? Давай покурим вместе, здесь можно. Ночью я подолгу не могу уснуть — это здешние звуки или?.. Я просила еще одно одеяло, но его так и не принесли. Всегда холодно. Особенно здесь, здесь, дай же мне руку... Здесь холодно всегда, чувствуешь? Я кладу голову на подоконник, вот так, закрываю глаза и ощущаю запах, какой был в нашем доме. Утром внизу начинали ходить трамваи, я просыпалась от звона бокалов в буфете, а потом солнце нагревало комнату и этот сладкий запах мебели щекотал ноздри. Все прошло.

Который час, да? Не знаю. Мне некуда торопиться. А здесь и нет времени, я даже не знаю, когда настанет мое. Прикладываю к лицу часы, но секунды превращаются в импульсы под моей кожей, в азбуку Морзе, в сигналы далеких звезд — их мерцание рисует кривые моего сердца. Прошедшее разворачивается передо мной сейчас, посмотри, подходи ко мне ближе, давай, посмотри на мою ладонь. Эта линия — кольцо F Сатурна, ты видишь все упущенное в нем? Дети, которых никогда не будет; любовники, которых не было по твоей воле.

Твой этот жест — прийти сюда с остывшей едой, — ты делаешь это для себя. Неужели ты думаешь, что тебя будет мучать совесть потом? Не будет. Другие, ну, те, кто был здесь со мной и до меня, — их мучали вопросы. Вот одна из них все время говорила: он увидит меня без волос и разлюбит, он точно меня разлюбит. А я не смогла ничего ей сказать в ответ, представляешь? У меня никогда не было любви, по которой я бы так страдала. Я завидовала ей, даже такой — немощной, лысой, в этом линялом халате. Ей! Я завидовала умирающей женщине, потому что у нее было то, ради чего все это. А что у меня?

Каждый мой день есть ожидание. Возможно, счастливое. Не знаю. Стать частицами солнечного ветра в магнитосфере —

это меня утешило бы. Кто верит — им, ну, легче. Знаешь, есть собеседник и какие-то надежды. А от меня ничего не останется, кроме архивной карточки на ближайшие двадцать пять лет. Даже не могу плакать, такое отупение... Я так долго ухаживала за больными, держала их за руки, провожала. А теперь я здесь, видишь. И не могу позаботиться о себе. Знаешь, о чем они говорят? Ну, напоследок? Я расскажу тебе. Они хотят к маме. Почти все как один зовут ее, они ищут ее. А глаза!.. Ты не увидишь таких. Я не позову тебя.

6

Проснувшись, я разбавлю молоком свой кофе. Увижу рассвет. Я получу ожог изнутри моих мыслей. Вдох — голос — эхо.

Я что-то теряю. Меня все меньше. Я горсть золы на ветру. Ветер меня уменьшает. Медленно я ухожу. Незаметно, точно горсть золы. Мое тело когда-то вырабатывало электрические импульсы. Я называл их нервами. Мое тело когда-то окислялось. Я называл это дыханием.

Я исчезаю, точно зола под дождем. Ухожу вглубь. Я момент разжатых пальцев, я потеря. Растворяюсь, обеляю землю. Становлюсь деревом. В моих легких образуются щели. Не хватает воздуха. Мой голос отзывается во мне — и только шелестом.

Я наспех человек и горсть золы. Зола что жизнь. И ее все меньше. Нет сопротивления, податлив, легок. Я наэлектризован от корней до грозových разрядов. Во всем, но нигде. Никогда сейчас, всегда между. Наэлектризованное эхо жизни.

Зима

я выбираю дорогу,
свет загорится после,
дай Бог, чтоб зеленый.

я не смотрю под ноги —
время смотреть под ноги
ушло вчерашним.

я заглянула прямо
в самое Ваше сердце,
я вижу Башню...

Зима вернулась неспроста,
она вернулась за ответом,
со злой иронией при этом
сковав мне холодом уста.

И я, не открывая рта,
пытаюсь выразиться жестом,
но развернуться мало места —
ущербен жест и мысль пуста.

Зима вернулась неспроста.

Жирафы пьяны от ягод,
пятнистые недотроги,
подальше от окон лягут,
пригреются на пороге.

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

На их золотистых шкурах
зияют черные дыры.

...все ниже температура —
почти остановка мира...

Глаза их темнее ночи,
сердца разъедает горе,
жирафам хотелось очень
на море, но вместо моря

они пропадают в стылых
ночах декабря в Сибири,
откуда им взяться было
в убогой твоей квартире?

Касайся их осторожно,
бери, как детей, на руки...
Жирафы пьяны безбожно
от волчьих ягод разлуки.

Сегодня мы с миром сказали друг другу «нет».
Нет. И внутри меня кто-то вышел вон.
Нет. Засосало под ложечкой. Инструмент
очень расстроен, немислимо огорчен.

Нет у меня претензий и нет обид.
Нет, мы друг друга поняли с первых слов.
Просто сегодня я слишком мрачна на вид.
Просто сегодня мир ко мне не готов.

Просто сегодня определенно нет.
А завтра, что будет завтра и будет ли?
Я сердце свое достаю и смотрю на свет.
И вижу, как в нем на риф идут корабли.

Но я не кричу им «нет», впрочем, как и «да».
Откуда мне знать, где победа, а где беда,
а где и того и другого густая смесь.
И я позволяю случиться тому, что есть.

Ветер ледяной,
как взгляд твой в последний день,
задумал играть со мной,
срывая рубаху-тень.
«Вам черное не к лицу!»
Мне светлый не по душе...
Но что ему, подлецу?
Он нынче на кураже.

Мне холодно? Нет, не то —
я чувствую костью кость,
он вихрем в мое пальто
ворвался, пройдя насквозь

рукав, как тоннель метро.
И пустошью деревень
он выстудил мне нутро,
как взгляд твой в последний день.

Усталый дом паденьем лечит
от тяжких дум седого дня —
его окна косые плечи
едва ли выдержат меня.

Угрюмый старый подоконник
уже хранит в себе разлом.
Напрасно я листаю сонник —
в нем нет ни слова о былом,

но лишь о будущем, да только,
что толку мне в грядущих днях?
Один вопрос остался — сколько
еще продержит он меня?

.....

И вот, ломаясь подо мною,
трещит не дерево, а кость...
и заболело все земное,
а неземное улеглось.

И как будто ты сам лес,
и поэтому мне весь
дорог, важен, необходим...
И как будто ты сам дым,
и огонь,
и сухой треск,
каменистый к реке спуск,
позабытый речной брод...
Я разденусь — не побоюсь,
я войду в эту реку — пусть,
пусть попробует унесет.

Я размахиваю руками,
не оглядываясь на берег,
рассекаю белое море
на своих деревянных лапах,
отпадает тоска комками,
и из всех минувших истерик,
из всего прошедшего горя
остается только веселье,
неспособное прекратиться,
даже если в сердцах улыбку
обуздать поводком коротким,
все равно оно будет длиться,
все равно оно будет длиться —
наконец проявилось в мире
хоть какое-то постоянство.

Вот, наконец, и остановка.
Я вышла в лес навстречу снегу.
Мне захотелось сбросить листья
и задержаться на пороге
еловой спаленки.

Стремительная зарисовка
жизнь, но не будет больше бега.
Землей приворожило ноги.
Рябина, сломанные кисти.
Я очень маленькая.

Вот так я упустила время,
поддавшись нежности ночной.
А выступала в срок, со всеми
дорогой двигалась одной...
Но что-то сделалось со мной.

Мне опостытели финалы,
согнав уверенность с лица,
я сбила шаг, я задышала
большой дорогой без начала
и без конца.

Ледоход

И вот в какой-то момент замирают льды.
Берегов моих поезда
отталкиваются от воды
и движутся не спеша,
весь город взяв на буксир.

Я пробую не дышать,
и телом быть перестав,
тихонько схожу на лед.
Моста подвижной состав
влечет за собою мир,
берега набирают ход.

Мне кажется, за окном
Белое море шумит,
и белый огромный кит
опрокинул наш дом,
везет его на спине
все ближе к краю Земли...

и все, что было вдали,
оказывается во мне.

Блужданья рыб подо льдом,
безвкусный кисель зари —
все это теперь внутри.
А что за моим окном?

Перед тем, как уйдешь, разбуди.
Разбуди перед тем, как закроешь решительно дверь.
Раздели со мной взгляд,
раздели со мной выдох. Пусть будет
у истории общей одно на двоих завершенье.

А может быть я дерево,
и все мои сожаления
о листьях, опавших осенью,
не больше, чем морок белого
унылого запустения,
не больше, чем страх, что холодом
сковал меня безвременно?
А может быть я дерево,
и все, что уходит в прошлое,
становится мне опорой,
а вовсе не лишней ношей,
шершавой сердцу защитой,
корой с резными узорами,
а вовсе не тяжким бременем?

Где иволга видимый воздух клюет,
Еще не свивая прозрачные нити
На тонкое небо, рябину и мед,
На звезды, горящие в полной орбите,

Там светит во весь безымянный объем
Неровное пение ветра пустого,
И видимый воздух незримым огнем
На листья ложится, как долгое слово.

полночное небо незримым дождем говоря
огонь вынимает из облачного словаря

последних синиц отпускает беззвучной рукой
земля отвечает деревьями камнем рекой

в прозрачное зеркало смотрит звездой высота
и ночь отплывает касаясь небесного рта

где медленно дождь обрастает седой пеленой
и не прекращаясь становится тишиной

Так лечит крапива. В ладонях поет
Игрушечный ветер, невидимый лед.
И сердце застывшего сада
Хранит немому листопада,

Где тени деревьев играют листвою,
И черные ветви осины пустой
Трещат, словно полое пламя
Себя наполняет стволами.

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

Так мучает землю неведомый звук
Синицы, незнающей гибельных рук.
Как слово нисходит ревниво,
Так лечит в ладонях крапива.

Холод и темнота
в каждом певучем слогe

что промолчит звезда
не осветив дороги
небо поет само
остановив каравай
расшифровав клеймо
словно любви выбирай

медленное письмо
в ненаходимый край.

в ночи прозрачен свет
и кажется темна
земля которой нет
в глазах печальных сна

такая тишина
в мерцаньи тонких век
что слышно как идет
горизонтальный снег

над речью долгих рек
и темный воздух шьет

какая музыка меж темных берегов
обводит кисточкой воды немые звуки
когда не светится луна из облаков
и снег невидимый кладет в пустые руки
метель узорами проступит на воде
и замерзая слово обретет значение
и белый снег двоится в гулкой темноте
на звонкий голос и на тонкое свечение

В зимнем ветре долгая земля
Обретает лунное течение,
Где, в шепот холодного угля
Собирая темное значение,
Проступает безымянный гость
По колени в полых волнах ветра,
В чьей руке полупустая горсть
Призрачного света.
Кто зажег раздвоенную сеть
И не открывает половины.
Кто собой обрек молчать и петь
В зимнем ветре долгий плач рябины.

после дождя тишина
держит прозрачные нити,
словно распутывая небесные волосы,
словно выпуская на волю птиц.

так неслышимое эхо говорит
то, о чем промолчал человек.

так опоздавший дождь
превращается в снегопад.

тенью слепого снега
зрячий свивая снег
жизнь без человека
дышит земля во сне

видит в прозрачной глине
ветром ползет змея
где непрозрачно синий
должен зимой зиять

воздух немой листвою
слово горит кустом
рыбкой ли золотую
светится подо льдом

В руках земли одушевленный ветер
Озвучит пустоту в чужих следах,
Где талый воздух сыплет хлопья света,
И бьет лучом прозрачным темнота.

Где гулкий звук дроздом и приведеньем
Несет в себе спрессованную боль
В пустых огней холодное сплетенье,
В глухое время, сшитое собой.

Где прячет в сердце драгоценный кубик
Вода, звездой спуская в черный лед,
И убивает, оттого что любит,
И ненавидит, потому что бьет.

Обращаясь в удивленный жест,
Воздуха замедленная роза
Собирает ветер в долгий крест,
Где сверкает зеркала угроза,

Где струится пламя, словно мед,
Так в испуге ты глядишь на воду.
Красота себя не узнает
И свою бесплодную свободу —

Четырех сторон врожденный гнет.

Душа — что призраки
значений, чуждых словам.

Где безмянно каждое дерево,
где память о первородной немоте
обращается в прозрачную плоть.

Капли дождя проступают на стекле
до начала дождя.

Ветер над мерзлой землей
еще не рождает звук.

серебрится река до краев
чтобы ветер отпугивал тени
и развеял нездешнее пение
убережь воробьев

от бескровного эха пустых
тополей преломляющих воздух
обрастает молчание гнездами
и стреляет под дых

и глаза закрывает огнем
затаенным лазоревкой белой
паутину из воздуха делая
поднимается гром

Застывает звезда в непрозрачном окне
Темноты и небес, чтоб сгореть и присниться.
На родном языке пересказывай мне
Невозможные сны о большой тишине
Невесомой синицы,

О холодном луче с никакой стороны.
Словно тени деревьев сплетались ветвями
До сплетенья корней, до восхода весны,
До глухого течения земной глубины,
Опадая словами.

Ветер, неназванный ветром,
Обволакивал деревья,
Они не гнулись.

Они не были названы деревьями,
Листья желтели, не опадая,
Зеленели обратно.

Снегопад не прекращался,
Никто не говорил
«Снег».

Безветренный лес обрастает травой —
Прозрачной на ветках и темной в корнях,
Где листья колышет неведомый страх,
Но в землю уходит под легкой рукой
Дождя или света. Скрывают родство
Во тьме две стихии, как песню ничью.
И хвойные ветви молчание шьют
В живом отраженьи лица твоего.

в сердце возьмет певучую
кисть обожженной клюквы
и обойдя созвучия
произнесет по буквам

сад журавлиный яд
призрак автопортрета
краденый звукоряд
веточка ветка Вета

темный кошачий взгляд
в доме сплошного света

столько света что голос прозрачен
равнодушие флейты клоня
на себя рассыпается значит
больше яблока и огня
снегопадом глухой пустыни
перекрестных значений звон
словно в медленной паутине

зарождается в сердцевине
и подходит со всех сторон

Он заезжает в город
На осле
Самокате
Танке
Его карманы полны
Рыб
Хлебов
И благих вестей
Вены плотны от вина
Сердце болит от вины

Народ будет ржать
Веселиться
Рожать
Лютовать
Жрать

А когда закончатся
Рыбы, хлеба и вино
Когда будет не до благих вестей
Ослы
Самокаты
Танки
Останутся доживать
Дождаться случая
Покинуть
Столь благодатный град

* Студентка ЕГТИ по специальности «Литературное творчество». Родилась в 1986 году в Хабаровске. Окончила школу в Каменске-Уральском. Училась на факультете теле-радио журналистики в Гуманитарном университете (Екатеринбург). Работает заведующей литературно-драматургической частью Екатеринбургского театра кукол.

Поди прими чужую смерть
Как обязательство, как чудо,
Как то, на что нельзя смотреть.
Стук сердца: буду-был. Забуду
«Аз есмь...»
Вино и молоко,
Насушный хлеб не лезет в глотку
Нам днесь.

В женское
В теплое
В молочное
Сплетение солнечное
Мальчик тычется
Носом
Курносым
Вдыхает марево
Доверчиво
Он к ней
Детенышем
Котенышем
Слепым
Опутанным
Переплетеньем тонким
Невидимым
Но самым ловким

Паспорт просят в затоптанном винном
Нахамили поддали на улице
И глаза залепили просроченным сном
Надо верить что все образуется
Поколение охранников и продавщиц
Надевает шарфик в полоску
Зажимая потуже вокруг шейных мышц
Успеваает поправить прическу
Улыбаясь потасканным детским лицом
Уверяет никто не простудится
Нахамили в захоженном винном
Просит паспорт поддатая улица

— В лоб. Как маленькую.
— Так ты же морду отворачиваешь. Боишься.
Сам тоже смущается.
И от того все вот так вот.
Криво.
Но в каждом уже — синица.
Бьется в грудную клетку.
Рвется к другому.
Стучится.

Почти трагично

«Чтоб тебе пусто было!», —
Стуком ночным в окно.
Не смое душистое мыло
Дыма чужого тепло.

«Пустое. Не больно даже», —
Хохот по простыням.
Губная помада мажет
Мимо «сердешных» ран.

Попусту, по-пустому.
Пустошь, по простоте.
Проще по-площадному:
Прощенье, прощание, не...

Черные платья по полу —
Белому телу воля.
Что-то там нужно смолоду?
Честь, чистота — чужое.

Доля, раздолье до смерти:
«...отмщенье и Аз воздам».
Лунным прицелом метится
Небо в затылок нам.

«Вращать медленно. Переставить месяц.
Ленинградский монетный двор».
В переносицу время метится
Календарным прицелом в упор.

Дню рождение, ребенку, неделе...
Февралем начинает дышать
На кричащей больничной постели
Мною снова брюхатая мать.

Стойкий запах корпоратива
В трамвае-подъезде-постели.
Время праздничный счет обнулило.
Трезвый пьяного не понимает.
Давясь не своими словами,
Умерив чрезмерную прыть,
Бездомной собакой Павлова,
На лунную лампочку выть.

Я не приду тебя хоронить:
Ты будешь жить долго-долго.
На тонком запястье алая нить —
Жизни кровавая кромка.
Дымом табачным, чайной травой,
Сорокой на солнечной крыше
Буду присматривать за тобой
По воле Того, кто выше.

На пороге перед пороком:
Пьяное пение прихоти,
Тело усталое скомкано,
Через плечо не смотрите,
В черную кошку не плюйте —
«Отче наш» нам не поможет.
Черти в неприбранной комнате
Точат ножи, корчат рожи.

Осень — чекист чокнутый —
Работает сверхурочно:
Стены июльской комнаты
Сжимаются ближе к полночи;
Небо допрос начинает
Лампой настольной по окнам.

Скажи, гражданин начальник,
Скоро ли передохнем?

«Зима застряла на вокзале», —
Ждем, звеним вязальными спицами.
«Зимы не будет», — черти сказали.
Сквозь пыльный сон перекреститься.
«Она не придет, у нее другие,
Белые простыни им в кровать...»
Проснувшись, в озябшие окна увидеть, —
Землю зима начала целовать.

«В очередь, сукины дети!» —
Каждому свой черед.
Аллея листьями метит
Путь до чугунных ворот.
Гвоздиками и гвоздями
Кто-то с утра окружен.
Сонное солнце над нами
Осенний бежит марафон.

День световой уже,
Велосипед в гараже,
Соседский ребенок простужен,
Аллея дрожит в неглиже.
По крышам белье расстилая,
Покров продолжает транзит.
Пронзительней звона трамвая
Сердце по сердцу скулит.

Последний летний день стесняется тепла.
Узорчатая ткань — на выданье невеста.
От дуновенья дынь качается пчела,
а лапчатая тень — по-летнему — ни с места.

Все трепетно вокруг. На тучи облака
ну разве что слегка похожи. Прядь рябины
встречает у окна, к нам напроситься
на случайный чай разлук в стаканчиках из глины.

Дерево ревело, дерево рвалось,
дерево терпело, если не срослось.
Дерево учило помнить и прощать,
дерево любило просто помолчать...

Октябрь. Зареванные окна.
Орнамент мокрого пятна
крадет лоскутные волокна
заснеженного полотна.

С утра востребованы сани,
к обеду тошно от телег.
Незванный саван и ночлег
скорбят за окнами часами.

И просит хлеба полынья,
и ждет в любое время суток
утраченных в пространстве уток,
устав от снежного вранья.

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Родилась в Красноуральске, окончила химико-технологический факультет УПИ (УрФУ). Автор книг «Замысел», «Око в окно». Печаталась в журнале «Урал». Живет и работает в Екатеринбурге.

Октябрь — немой и неумытый.
К рукам не прибранный зимой,
но летом начисто забытый.
Перелицованный. Не мой.

На часок в лесок,
от беды наискосок.
По грибы.
По гробы.

На миг возник перед глазами
веселый замысел села:
скрип коромысла, плеск весла,
дом, прадед во главе стола
и бабушка под образами,
не осужденная вдова,
из пряжи вяжет кружева.
Жива.

Бабушке

Однажды вечером ушла ты,
чтоб не вернуться никогда.
Халат на вешалке, бушлаты —
на каждой пуговке звезда.

Гляжу на жиденькие косы.
Плач не нарушит тишину.
Две из заначки папиросы
назад в газетку заверну.

Они уйдут, как две гвоздики,
— березка, столик да скамья —
с двумя страницами из книги:
«Моя семья».

Вечер в черной рамочке, тишина.
Девочка в панамочке и луна.
Хочешь на скакалочке, хочешь в мяч...
Помолчи на лавочке, но не плачь.

Скоро все изменится — счастья нет —
в белое оденется белый свет.
Заметет, на лавочках не присесть.
Девочка на саночках, счастье есть.
Скоро все устроится, не теперь.
Накрепко закроется эта дверь,
чтоб не видеть отчима
— провода, мокрый снег, обочина —
никогда.

Годики-годочки. Годики-года.
Вырастают дочки раз и навсегда.
Годы, годовщины. Ниже каблуки,
на подошвах глины влажные комки.
Скоро все случится: памяти темница,
гвоздики гвоздiк, ветер да тростник.

Иду да иду, вдруг окликнет калитка.
Иду да иду в никуда.
По небу летит одинокая утка,
минутка, а может, звезда...
По небу летит.
Загадать бы желаний
несбыточных
целый букет.
Но поезд ушел.
Никаких обещаний,
прощаний,
прощений в ответ.
Иду да иду, а в ответ — только ветки.
Назад не вернуть, не свернуть...
В зеркальной воде многоликие утки
торопятся в небо нырнуть.

Мне часто снится этот дом,
двор деревянный с огородом,
как будто я оттуда родом...
В ветвях черемух за стеклом —
стол алой скатертью накрыт
веселой плюшевой с кистями.

Я к вам с хорошими вестями.
Но свет в окошках не горит,
и я не в силах постучать,
чтоб вышла бабушка встречать...

Зима заманивает в дом, где топят печку.
Тропинка, зрима с трудом, бежит к крылечку.
Земля безлюдная, иду за стариками.
С небес упавшую звезду ловлю руками.
Патлатый тополь без пальто негромко скажет,
что помянуть из них никто меня не сможет.

Ночь в чернильной прячется черноте.
Пой, куда плачется, в наготе
неодушевленного в простыне
ничего мгновенного больше не будет
все по-прежнему без тебя.
Что потоку вешнему след дождя?
Боль от одиночества, пустоты.
С именем без отчества
Бог и ты...

И сосны неприкосновенны,
как вдохновение и Дух.
Неугомонные мгновенны
пространство, зрение и слух.

И небо необыкновенно,
но непроверенно верно
не отворенное окно
мгновенно.

Стемнело. И завьюжило,
повеяло зимой.
То крошево, то кружево,
то бархат с бахромой...

Для дворников с лопатами —
веселая пора.

А мы — во двор с ребятами...
Нетронута гора

санями и фанерками.
Метель навеселе.
Смерть вертит пионерками.
Вожатая — в петле.

От горшка — под стол пешком
с золотистым петушком.
Дотянулась до стола,
разом стол переросла...
Хлеб и водка на столе,
стол — в земле.

На ушко бабушке. В кармашке —
большой ромашковый секрет:
цветок, обертка от конфет
под стать бутылочной стекляшке
земле не отданы пока...
Ночь черно-белая, как кошка,
петлей не тлеет с потолка,
лишь — пенкой в крынке молока.
Приоткрывается ладошка.
Небес касается рука...

Невыносимый сон из снега и дождя.
От сосен и осин ты, в небо уходя,
ветвей коснись, ведь там растут из пустоты
к осиновым крестам сосновые кресты.

Только дерево и птица.
Только небо и звезда.
Только ветер и криница,
слов привычных череда...

Божьим словом нареченный
незаконченный сюжет.
Оторочен ниткой черной,
обреченной на рассвет.

Поступью пустоты.
Тьму отниму у тьмы.
Это мои цветы —
озимь земной зимы.
Это мои слова —
осени сенокос.
Жарко горят дрова.
Россыпью папирос,
известью по стене,
проседью, сединой...
Ты говоришь во мне.
Ты улетишь со мной.

Деточка, в дверь стучат.
Это она за мной.
Кто-то зашел. Молчат.
Утро зажглось луной.

Деточка, это сон.
Не просыпайся, чтоб
в панике похорон
твой не забыли гроб.

Тополь всюду цветет.
Это и твой венок.
Бабушка не придет,
деточка-черенок...

Память белым бела.
Боль, как печаль, светла.
Бабушка умерла.

Дерево это — ров.
Лед, пустота внутри.
Вроде хватает дров,
но все равно гори.
С небом поговори
полубольным нутром.
Небо вдыхай, ори
полуоткрытым ртом,
словно последний раз

«небо поет тобой».
Полузакрытый глаз
карий, не голубой.

Око в окно. Стекло
в пластике без креста.
Это ее тепло —
вечная мерзлота.
Ветер осиротел.
Стало совсем светло.
Ангела намело.
Ангел.
Не долетел.

Замостырил трамвайные дуги от крыши до неба.
Белым хлебом рассыпался, навзничь лежал между шпал.
Наблюдал, как плывут облака.
Пьяным ветром побега
глазную орбиту зрачком целиком огибал.

И стоял в стороне.
Веселился, кружился весной — верным вертелом, молодо.
Дождем заструился, родился под треск проводов.
Пробивал электричеством мягкие, мокрые головы.
Трамвайными рельсами солнышка круг замыкал.

Новостройки

Мерил асфальт коридорами,
а потолок — километрами.
Не были, были мы, новостройками — ветрами.

В кухне есть чайник и стол,
а еще картины бумажные.
Что хотел взять — все нашел.
А остальное не важно ли?

Важно, что эта ночь для таких же, как я, не закончится.
Говоря об одном, каждый врозь
разольется дождем, и не хочется
быть спокойным и тихим, ну а если подумать, то, впрочем,
нет здесь повода — выстрела. Стрелять себе в голову хочешь?

Мерил асфальт коридорами,
а потолок — километрами.
Не были, были мы, новостройками — ветрами.

* Выпускник ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

Курим

Вот и выгорел вечер.
Курим без фильтра, без курток.
Вечность. Полные снега карманы.
Как сдавать кровь натошак, утром.
Курим без фильтра, без курток.
Курим без фильтра, без курток.

Мой дом

Мой дом — вокзал, зал ожидания,
но можно курить сигареты.
Зеркала и свидания, зеркала и свидания.
Ждут поезд, смотрят суки в глаза,
не искренне трогают руки.
В груди дыра, можно просунуть голову,
потрогать пустоту на запах со скуки,
как кроссворд разгадать.
Вечером падать, утром — вороной кричать.
Молчать вам всем вслед.
Мой дом вокзал, которого нет.

Наоборот и вверх уходит время из-под ног.
Обрубленные пальцы тополей все так же раздирают небо.
В пустотах бытия сидит какой-то черный бог,
и звезды крошатся заиндевелым хлебом.
Наоборот и вверх уходит время из-под ног.

Возьми себе

Возьми себе разговоры — тщетного спора поры.
До поры да до времени ждать музыки сени нам.
Ты прости уходящего, безысходность обрящего,
обреченного лишнего, как всегда ближнего.
Возьми себе предначертанное общего тщетного.
Развей ярким знаменем, посеяй ярким семенем,
чтобы запомнили, чтобы поверили.

Посидим — так побегаем,
поживем — так попрыгаем.
Розы падали ниц,
розы пели «Богему» вам.
За чертою стоящему, на углу
нищим дедушкой.
До поры да до времени ждать музыки сени нам.

Вязкое утро. Все сделано.
Мне на вокзал, дождик — ласковый.
Я не ласков. Моральный урод в путь
собрался по разуму: носки, сигареточки.
Совість сунул в карман, волос твой с запахом.
Скоро поезд. Серо курим на лавочке с господом,
на двоих, так вкусней, так по-честному.

Сталинград

Я смотрю в эти лица — они часто бывают убитыми.
Покрытые пеплом, лежат на снегу и молчат.
Живые — голодные, мертвые — сытые.
Старуха страна сеет сталь. Сталинград.

Свобода безвольным — автомат для безруких.
Исполинам и карликам — северный ад.
Свобода струится сильнее из мясного костюма.
Больше свободы — быстрее на тот свет. Сталинград.

Выбелен снегом белым,
белым за окнами былым.
Белою улицей бьется снегирь,
выбелен снегом белым.

Бело на улице, бело внутри,
полные снега карманы.
Полно под шапкой, полно в груди.
Выбелен снегом белым.

В этом дне нет ни правды, ни огорчений.
Менять соль на сахар, правоту чужих мнений,
как кроты, забурившись в кровать.
Спой мне песню о том, чего не случилось.
Спой мне стих о заре, где дна не видать.
В этом сне лишь песок, но собака убилаась.
Под колесами правды продолжаем стрелять.
Спой мне песню о том, что хотела быть мною.
Спой мне стих о весне, где зари не видать.
В этом дне видеть сны и что-то другое.
В этом мне — только ночь, и убивать.

В моей комнате мрак,
так завершается день.
Огоньки сигарет на окне.
Здесь мне не вечер,
а солнце пульсирует шаг.
Каждый взгляд — человечность.
Твои руки скользят по стеклу,
я, наверное, — вечность.

Взвить веревкой слова, обернуть вокруг тела,
и повиснуть над городом, лицами, смыслами.
Выстрелы. Слышу выстрелы.

И. Ф. Летоу

Вечер. Тихо в ванной стекает вода,
в потемках скрывая комок голых стен.
Навсегда будет лампой на кухне звенеть одиночь.
Прочь из тела чужие дела!
В ночь прорастать поперек во дворы —
здесь как-нибудь доживу до утра.
Может, солнце не будет мне завтра огнем!
Вечер. Кто-то тихо поет, может я, гимн тифозной весне.
Навсегда будет кто-то на кухне мне в спину глядеть!
Прочь из тела чужие дела!
В ночь поднялись крапива и клен.
Здесь моя кожа веревкой пошла.
Я прорастаю столетним дождем.

Ходил по коридорам улиц,
плевал в заезжие плакаты.
Вещал собакой, блеял волком.
Смотрел презрительно на небо,
потом промок и простудился.
Ходил, ходил, и вышел вон.

След

Нас тихо свесив осенними листьями,
шорох ветвей ободрал небосвод.
Исцарапав асфальт, вами, постными лицами,
броненосцы стоят против шерсти в упор.
Так устают облака над окопами,
так не встают собаки с утра.
Продолжают лежать их тела тротуарами,
продолжает мелькать на ботинках икра.

Для меня безысходны и радость, и горе.
Мой побег через звезды — волчий след на бумаге.
Не хочу отдавать вам глаза.
Живодерами был приласкан котенок.
Дай же черт им отваги!

Черные листья осенней грозы.
Миром по нитке распушен узор.
И понеслось, понарезалось врозь.
Как же непросто быть просто дождем.

Все не так, как хотелось бы.
Вышел ночью из тела вон,
вниз с балкона — и в парк:
поорать между соснами.
Посидел и вернулся.
Ведь нельзя, надо спать.

Не уходи! Ты знаешь, я ведь сильный,
но злой я буду без тебя.
И чистоту прямейших линий,
в петлю согну я для себя.

Не уходи! Я знаю, ты боишься,
однажды ночью без меня.
Не отпускай, закрой все окна,
и я останусь за тебя.

Вы запретили мне злую свободу!
Так дайте мне кошечку или собачку,
чтобы я их закрючил, чтобы я их заплакал.
Христианский топор будет выброшен ночью.
Крестьянский топор все подпишет, все стерпит.
Ну что, все довольны? Поели пельменей?
Поплачьте теперь и в подушечку ночью,
а на утро убейте, на утро забудьте.
Все сильнее скрипят жернова Вавилона.

Где-то там, между снов твоих,
Иногда возникаю во мраке.
Голос мой не настойчив и тих.
И рука замирает в знаке.
Пойди, говорю, подойди.
Обними эту детскую душу.
До рассвета остался один
Сон, слезами смотрящий наружу.
Оборви золотую нить
В этом воздухе сонном и влажном.
Я могла бы тебя любить.
И на вдох.
И на выдох.
Каждый.

*В тишине такой, малыш,
Ничего не значишь.
Даже если говоришь.
Или просто плачешь.*

Ю. В. Казарин

Я никак не могу согреться:
То ли так велики холода,
То ли так обмельчало сердце,
И подмешана к крови вода.
У меня замерзают руки.
И на выдохе — слово в устах.
Ангел мой, расскажи мне о друге,
Поборовшем последний страх.
Ты спасешь, обманув. Я поверю:
Старый друг меня ищет сейчас...

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

Лишь тепло, узнавая потерю,
Ускользает из поднятых глаз.

Я сплю у порога неба,
Внимая живой воде.
Я всюду теперь. И нигде.
Я в утреннем инее — стебель.
Я — черный надлом крыла,
Растерзанной вещи птицы.
Я в чьи-то врастаю лица.
Я шепот. Я холод. И мгла.
Я все, что сейчас и здесь
Тебя бережет от тревоги.
Не помни меня.
И не трогай.
Мой сон у порога небес.

Море волнуется раз.
Море волнуется в нас.
Горькая с солью вода.
Море волнуется два:
Держит подводную рать...
Хочется морю поднять
Тайну из бездны внутри.
В черную воду смотри.
Гаснут твои янтари.

Море волнуется три...

Заплети мне волосы. Прошепчи:

«Не убудет света в твоей ночи.
Не убудет воли твоей от слез.
Кто коснуться посмеет твоих волос,
Пусть в объятьях удержит живой огонь —
Пусть иную врежет судьбу в ладонь.
Отпускаешь дрожащее слово в синь.
О тебе, догорая, горчит полынь.
О тебе дожди говорят у крыльца.

Золоченая прядь поперек лица —
Не собрать, не выпрямить, не усмирить.

Не убудет воли тебя любить».

Лето начнется завтра. В сердце качается воздух.
Новорожденные травы. Птицы. И облака.
Дар обретаешь зренья — будто ты заново создан —
От поцелуя луга с запахом молока.
Как ни пытайся, ни вспомнишь: что умирало в зиму?
Что оставалось чудом или сходило во тьму..
Вдруг шевельнется тревога холодом необъяснимым
В тихом течении жизни. И покорится ему.
В золото теплых боков солнечный свет разольется —
Тонкий олень покидает пепельные леса.
Голову к лугу склоняет. Сердце твое не бьется.
Смотрят любовью и смертью влажные эти глаза.

От стен оттолкнувшись в вечернем луче,
Заплакало эхо от боли:
Тобою обьятое горе ничем
Иным не измерить боле.
Всей тяжестью новой прижмешься к земле,
Ни в чем утешенья не зная.
Увязло горячее солнце в смоле,
Коснувшись древесного края.
Потянутся медные вишни к домам,
Тенями стволов и соцветий.
Как бережно небо к вишневым садам
И к выжившим страждущим детям...
К вишневым сердцам под блестящей корой
Идут обожженные кольца.
И время войну обращает в покой.
И та поддается.

По красным кирпичным стéнам
Вода разбегается с тенью.
И холод крепчает снаружи,
И в нем обнаженные души

Обнявшись, в слабеющий жар,
Укрыть свою нежность спешат...
Они забывают — так надо —
Дороги, деревья, фасады,
Туманы, пришедшие с юга.
Они умирают друг друга.
И любят до смерти.
Как мало
Тепло до морозов дышало...

Видишь: к воде торфяной розовой рваной губой
Тянется конь.
Воздух дрожит над ним и превращается в дым.
После в — огонь.
Конь поцелует гладь — небо начнет дрожать,
Ляжет вдоль берега
Утром, когда ни следа крови не вспомнит вода,
Снегом.

СК

Я буду жить, тихо в снегах дыша,
Замыслом чуждым каждому существу:
Я — ничего, кроме тебя. В ушах
Шумная кровь противится естеству,
Все заглушая: «Я не твоя, не твоя...
А коли так, то что же теперь твое?»
Этой реки обнаженные в стуже края,
Воздух, держащий и горечь, и дым, и смолье,
Мир, исчезающий в буре одной без следа,
Сонные туи, забывшие окон проем —
Где на весу, замерзшее навсегда,
Держит шиповник последнее сердце свое...

Облако, отяжелев, свой замедляет полет.
Скоро озерной водой рядом со мной пойдет.
Будут у всех на устах имя и вкус воды,
Станет душа чиста, станут темней сады.
Кожу почувствую вновь, тронутую водой —
Стану сама собой. Ангел нездешний мой,
Твой забываю цвет, зренье в воде топя.

Просто тебя больше нет.
Нет — говорю — тебя...

Тьма подойдет. Обнимет горячие плечи.
Тьма опрокинет в себя, но успеешь вдохнуть
И закричать не собой на плакучем наречьи,
Чтобы наречие это во тьме разобрал кто-нибудь.
Тьма успокоит. Отпустит нагим и дрожащим,
Внемлющим каждому звуку, наречьям любим.
Ищущий оною, Господи, тьму да обрящет.
Ищущий света заплачет во тьме — золотым.

В щели дверные стремятся и воздух, и звук.
Надо бы двери толкнуть и впустить облака.
Скоро закончится сон. Только голос вдруг
Станет расти изнутри: «...На леске у рыбака
Жизнь трепыхается, бьется, и губы рвет,
Падает снова в течение, стремится прочь.
В чистой воде шепчет кровавый рот:
Будет урод страдать и молчать не мочь...»
Дверь отпираешь, у тьмы отнимая зрачок,
Ловишь глазами свет, забываешь тлен.
Бог достает из плоти твоей крючок.
В порванный рот слово кладет взамен.

Я в сердце у детского сна.
Незыблем его охват.
Здесь падает в воду блесна.
Осока касается пят.
И сходится к берегу мрак,
К губам подступает дрожь...
Приди. Или дай мне знак,
Что скоро в мой сон придешь.
Приди и скажи, что жив.
Что ближе ко мне сейчас.
Приди и спаси от чужих,
Невидящих ужаса глаз.
Из этого страшного сна
В иные хочу силки:
Где звезды наступят на

Покорную воду реки,
Где свет разольется, любя,
Вбирая в себя голоса...
А после отнимут тебя
Часов неземных пояса.

Ангел проходит рядом.
А человек — насквозь.
Он обнимает бедой,
Спит к голове головой.
Костью врастает в кость...
Время закончилось.
Времени больше нет.
В небо уходит твердь.
Будет оно одно —
И высота, и дно.
Ангел глядит светло:
Это любовь, не смерть.

Шорох сыплющий занавес проходной, круговой
Над дорогой петляющей вдруг завис желтизной.
Световой, поджигающий медью пласт временной —
В негасимые факелы переход лиственной.

И лучу, изучившему прохождение сквозь
Шелестящего шелка мгновения, пробу снов,
Чуть мешает кулисами неподвижность стволов
Пробираться качелями словно стая стрекоз.

Березовых нитей натянут поток
и эхо петляет, как горький уток,
и плещет упавший с обрыва клубок
из зелени в синий глубокий челнок.

То красится небом, то сохнет моток,
вбирающий воду прослойки песок
на грани дела, на разрыв узелок,
зеленой ракушкой закрыл на замок.

Тропинкой стянул в отстраненность угла,
где прячется нежность в лоскут закутка.
И с веком другим колокольни игла
прошла насквозь лабиринты утка.

С вершины обрыва прозрачна, легка
течет непрерывно песчинок игра.
Соткав завершение лета, тепла
песочная пыль навсегда уплыла.

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Родилась в г. Дальний (Китай). Окончила Свердловское художественное училище. Работала педагогом дополнительного образования. Печата-лась в журнале «Урал». Автор книги стихотворений «Замыкание времен». Жи-вет и работает в Екатеринбурге.

И как над крестами белы облака,
но как я и здесь, но и с ними? Пока...

Анри Руссо

Даже угроза гривы, хвоста, шкуры и рыка льва
(фигуры, увеличенной с детской книжки
с помощью эпидиаскопа)
не пребудет сильнее звука
лопающихся шкур семян, ударом циклопа
открывающих тысячи заржавленных дверей
согнутыми головами
тщедушных бледно-зеленых тел
на встречу с камнями, колючими песками,
ударами града, завихрениями хлада,
липучему языку травоядного гада...
И, распрямляясь, движется, тянется вверх
неведомой силой стена ростков,
моментально грубея,
лишь выйдя из-под оков границы земли,
от солнца взрослея,
без школьной парты умея считать
и даже корни свои извлекать
(когда надо),
и умножать и закреплять,
наматывать и обнимать своих друзей
в зеленой сердечности,
и беречь тайну, вложенную в спираль —
силу и память бесконечности
воображаемых тропиков
нашей планеты или какой-то другой.

Медленно и нежно в воронку литника темечка
Вливает в меня по капле горячее лунное олово,
Плава мои мягкие восковые формы из времечка,
Спеленутые одеждой, как тугим бинтом так здорово,
Как наслаивает на веретено нить слово за слово,
Выдавливая в выпоры все, что ему уже не нужно:
Плавность движений, улыбку, зрение, скорость мышления,
Зачеркивая во мне жадность взгляда, смятения, но
Не подозревая, что я террорист, убежденный специалист
По взрывам на складах метафор — устаревшего вооружения,
Рассыпаю по снежной равнине остатки дробления,

на дружбу
и делит
на стыд.

Там, где прошедшее, повергнутое ничком,
каждый хочет думать о другом
(плачет над вымыслами глобальными),

Как втопанным в лужу собственной грязи,
рассердясь на связи
(кукловода обратного хода, зеркальными),

Где плюс, шатаясь, теряет вертикаль,
по минусу съезжает вдаль,
(мучаясь мыслями исповедальными).

Я вздрагиваю от синего цвета в одежде,
как невозможного
с коричневым сочетания...
Это просто воспоминания
перелицованной жизни...

О. Ч.

Тело сгорело в пути до Предела
от точки полета
до точки отсчета —
преодоление
Звукового барьера без тела,
того, что пело,
молчало,
звучало.
Звукового барьера, когда не у дела
воспоминание
о взгляде,
наряде.
Родившись в новом обличье,
разряде,
в облаке звездной пыли
воспоминаний
параде.

В. Ш.

Как домовой освоил печь,
 так я пещеру,
пусть кровоток еще силен,
 я знаю меру.

Сказав себе, что солнца нет
 без Эвридики,
и свет не нужен, как ответ,
 венок, гвоздики,

Я, как Орфей, в кругу теней,
 закрыты веки,
зачем оттенки и тона,
 фотонов реки?

Я на тропинке полотно
 измял стопами
и острый угол темноты
 ловлю руками.

И, как потоку, отдана
 для отчужденья,
кифара выплывет одна,
 без вдохновенья.

В разбеле времени — туман
и контуры березовых угоров,
но пробивает дрожь
пастушеских ознобов
холодный нож —
хрусталика обман.

Со звезды холода
Лодка расплавленного олова.
Режет весло тины тугой пирог
На половины. Вдоль и поперек.
В инее звездный сток.

Треугольник по имени
Время
Ищет пристанище...
Шея?

В Мегалополисе
Необитаемый остров —
Квартира
Робинзона
Бедности.

Наблюдательный
Робинзон
Вдруг
Заговорил
Вслед
За попугаем.

Мощь ночного подзаряда
Слышно, если не уснем.
Сочность взгляда, жесткость града —
Замыкание времен.

Вот ветошь. Она оттуда,
из прошлого. Как простуда,
сводившая к мокроте спуда.
Амплитуда игры, причуда.

Не ведая взлета, лишь воздух дробя,
Тяжелым порханьем упора крыла,
Укором паренью среди чердака,
Возвратно пространство взбивая, щемя,
Тайфуном протеста из-под потолка,
О! глохнувшим махом, ударом платка,
Молотит ком страстно о вздох полотна.

Два пакета чабреца
разложили у крыльца —
разлетелась в небеса
богородная пыльца.

Прибывает или убывает
Время
Время связанных рук?

Прилетела пустельга.
Про садовые дела,
Про охоту на мышей
Разговаривали с ней.

Приятно выловить рыбешку
Из центрифужного кольца
Мою садовую одежду
Без грязи — осени венца.
И октябрём в поток сезона
Тепло согнать с гнезда, крыльца
Стереть водой начало года,
Как окольцовывать птенца.
Почтенно встретить в белом цвете
Наклон фацелий завитка.
Как фиолетовое поле
Раздел Хронометр — Зима!

Две половинки шара
вакуум создавали.
Но потом их разъяли,
но вакуум ощущать
они не перестали.

Как пес, умирал
в чужой и, закинутый в мусор, курилке,
Как лес, умирал

на дерновой, залитою нефтью подстилке.
И, как адмирал,
 утес Чусовой принимал на закате,
поставивши крест
 в поименно зачеркнутом дружеском плато.

Время в шарик собирай
в металлический, Китай.
На ладони покатай
осторожно, близко край.
Пара шариков в руке —
трудно действовать вдвойне.
Нежно замкнут в холод жар
колокольчиков удар.
Время, слышишь стук ча-кьяк¹ —
не родится в камне знак.
— Салют, русский капитан! —
носят землю сто крестьян.
— До границы — шаг, пустяк,
Что-то движется не так,
ты, наверное, здесь чужак —
тихо шарики ворчат,
чуя СМЕРШа тайный знак.

¹ Ча-кьяк — сандалии на деревянной подошве — обычная обувь в послевоенном Китае.

Бархатцем да полынью,
горьким гречишным медом —
к целости пуповины —
в недра седые рода —
бусиной в ожерелье —
бабушкимамыдочки —
к Пасхе в конце апреля —
лыко в последней строчке.

Овес растет на подоконнике,
играет солнце — скоро Пасха,
и бабушка — в простом повойнике —
сбивает сливочное масло.
Земные силы и небесные
в ладонях нежат этот час
и бьют, до срока неизвестные,
ключи, спасающие нас.

Чистые половицы,
солнцем согрет висок.
Скоро со мной случится
Бог.

Чересполосицу бурого, серого —
ситцевой просекой с юга до севера,
спелостью жаркою, дружеской чаркою,
сердцем, растепленным больше просимого, —
в чересполосицу бурого, серого,
как в обещание неизъяснимого.

* Слушатель семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).
Живет и работает в Екатеринбурге.

Начинается дождь. Исход.
Вот, небеса покинул...
Он неспроста идет,
будто толкают в спину...
Други своя окропил
всею предвечной кровью...
Просто дождем он был,
мукою и любовью.

На ребро становится дорога,
разворот, скольжение, стога,
пазуха или ладони Бога —
птице, потерявшей берега,
дереву, забывшему уменя,
кроме как: тянуться, трепетать, —
с этим нестерпимым ощущеньем —
всех любить, но не уметь сказать,
и не знать — вернуться, будет время,
слух и зренье, нужные слова,
но любовь на грани говоренья
вспомнит состоянье вещества.

Не спрашивай, зачем
в природе столько сходства,
и почкой рвется плен,
где толще, там и рвется.
Кто счастливо вздохнет
над клейкими листками,
где полнота тенёт
нарушена не нами?

С утра томиться непонятно чем,
туманной мыслью оживляя спящий
упрямо ум. Осознанно затем
продлиться в неказистом настоящем
и в зеркале поймать на краткий миг,
себя не принимая, отраженье,
поток воды, что радостно приник
к стеклу окна, почтить, как невезенье,

но передумать — стоит ли того?
Бездействие — тупик водоворота.
И в смятый шелк березы волшебством,
как в Рождество упасть —
во все его высоты.

Мы участвуем в этой игре — череде превращений
мига в миг, года в год и — опять.
По законам своим вместе с нами живут свет и тени,
и мы тратим всю жизнь, чтобы эти законы понять.
Сколько боли у каждого там, где таится удача.
Ты не веришь. На то и рассчитан секрет:
все рождается на стыке: из старого — новое, значит,
смерти нет.

Угольки на дне горшка — живы будем —
и тогда наверняка выйдем к людям.
Рвется пламя на простор сквозь ладошки...
— Вот бы нам его задор, брат Сережка.
На веснушчатых щеках всполох краткий
мерзлой варежки распах, всхлип украдкой,
перевалы, буруны, бездорожье... —
двое мальчиков... одни... Мать Божья,
тени... крадучись... трусцой...
— *Стоп. Заело...*
Предвоенный выходной. Черно-белый.

Бог целует лето в макушку,
и под соснами у плетня
на двенадцатый счет кукушки
рыжик вспыхнет. Храни меня,
как хранишь этот сад и поле...
О другом не могу просить.
Да и как пережить такое —
поцелованной богом быть.

В свою последнюю игру
вступают листья. На ветру

лопочут, не переставая,
я слышу их.

Еще живая...

Весь мир — вода и серебро,
тепла не ведавшее чудо.
И вроде знаешь, что, откуда,
и кто пожертвовал ребро,
но нет желанья, в самом деле,
с воображением врез
искать причину счастья в теле
земли, Адама и небес.

И кто тому виной,
что в жажде совершенства
оттачиваем мысль,
а вместе — слух и взгляд,
о том забыв с тобой,
как мало нужно сердцу:
ромашки тихой жизнь,
простой ее наряд.

Подморозило в одночасье,
полетело, искрит пылью...
Снег, касаясь меня, отчасти
вспоминает мое лицо.
Прошлогодней бедой не скован,
совершая круговорот,
на зеленых ветвях еловых
после смерти своей живет.

Как ночь в бессонницу, разлуку пережду,
вновь на околице во двор родной войду,
листвой наглаженной всплеснет над головой
орех, посаженный отцовскою рукой...

Вновь прошлое сквозь нас — о чем-то... неслучайно:
«овец на склонах пас...; крутился круг гончарный...», —
и вот уже летишь, опережая ветер,
и крыльями частишь, знакомый двор приметив
и тени облаков на склонах прирученных,
и, испокон веков земные, трав поклоны,
где жив и посеячас библейский дух овчарный,
но ты... овец не пас — таков расклад печальный.
Куда же ты теперь — теряют силу чары,
но скрипнет чья-то дверь, и снова... —
круг гончарный.

К изгибу локтя голову склонить,
закрыв глаза, и обрести отчизну,
где всё — слова — без тени укоризны,
с надеждой, что их станут говорить.
И соразмерно с тягою, скорей
на их призыв откликнуться безмолвный,
вниманье тех дерев,
наклон, приятья полный,
к такой нескладной юности моей.

Здесь между делом сорвали земную коросту —
пресную глину забытых казачьих погостов,
белую глину на кладбище края станицы...
В костном расплаве — любимые некогда лица.
Все бремена позади и уже невозможны.
Зорче под ноги гляди и ступай осторожно.

Тесен ворот у преднебесья:
кроны, крыши... а на ловца,
неизменно счастливой вестью, —
щебет, присвисты, хрипотца.
В доме тихо. Как тихо в доме —
печь вздыхает, гудит в трубе,
Мандельштама открытый томик:
«Заблудился я в не... бе...»

И сквозь серое голубое
проступает в кругу живых...
За рисунок земных обоев
солнце прячет детей своих.

Еще он длится — шаг очередной...
Есть шанс ничтожный, заступив в безбрежность,
почувствовать нечаянную нежность
к тому, что было нам наречено.
Ухватит за подол вчерашний куст,
шипы его отпустишь на свободу
и, разглядев подъем, где ищут спуск,
ступаешь по воде...
В былую воду.

Так на просвете пальцев кровь
проявит остов нежной тенью.
Секрет души твоей — любовь —
чем явственней, тем драгоценней.

Этот тихий, неслучайный,
от Отца неотделимый —
в переносицу молчанью
после пороха и дыма,
в полукружья отсечений,
истекающие млеком,
в средоточие прощений
человека человеком.

Вот оно — время — под жухлым листом у вершин,
соком лозы напоенное, солнечным медом,
тяжестью года ложится на плечи жердин
там, где по осени мзду собирает природа.

Поток овса, где каждое зерно:
то ладное, литое,
то будто бы с прожилкой земляною,

все с памятью о стебле родовом,
о небе полуночном и дневном, —
заполнит торбу для души живой —
буланой, вороной, гнедой...

Когда все так, зачем разрешено,
где ты движеньем общим скован,
держаться что есть сил за слово,
искать, внимать ему вслепую,
касаться, изменяя строй?
И кто коснется бархатной губой
тебя? Не в поцелуе.

Когда земля отцов,
забыв о снах разлуки,
смогла в конце концов
мои припомнить руки... —
невьдуманный свет
прозрачной сердцу речи,
сквозь суету сует
во тьму последней встречи.

Протаять до схода
песка и камней,
до тихой свободы
древесных корней,
что ткут неустанно
глубинам покров,
протаять сохранный
предел черепков,
по капле сочиться
сквозь белую ночь,
где цель уже мнится,
и вдруг... изнемочь.

Окрест деревья — гуше, выше,
синее тени,
я прорубаю окна в крыше,
чтоб свет — на темя.
И вот теперь, во власти света,

тому ли рада?
Тень, за которую в ответе, —
все та же — рядом.
Она не дарит утешенья
в июльском зное,
наследье света, без сомненья —
в ее основе.
Заплачешь:
Свет неизъяснимый...
тот самый... в детстве...
— Лишь сердцу, милая, вестимо,
лишь в сердце.

Расчищаешь делянку
за чертой круговерти
от корней и опала
листвы и хвои.
Открываешь изнанку —
суть сокрытую сада.
Сколько жизни и смерти,
и жажды любви...

...так дерево в цвету среди сумерек и снега
в немислимой красе стоит отрешено,
что сердце, на беду, опомнилось от бега —
и в жизни, и любви изверилось оно.

Напоследок метался, срывая листву,
громыхая железом и книгу листая,
позабывтую кем-то. Ужель, потому,
что молчать на разрыв не хотел: — Улетаю.
Оставляю беспомощных: кто — не посмел,
кто летал лишь во снах, но не помнит их ныне,
точно зная, что гибнет соседний предел
от беды, порожденной пустыней.

Незваной — по окраинам —
околицам-задворкам —
собакой без хозяина —

в довольство хлебной коркой,
в текучесть очертаний,
в ложь тени полуночной,
в спасенье бормотанием
проточным.

Где-то там, между старых томов
с пылью пахнувших полок, —
в четверть сложенный лист, между слов —
чьей-то жизни глаголы.
Этот почерк тебе незнаком,
слишком круглый, и — буковка к букве,
будто рвался пред тем из оков
так, что вены набухли.
И не мог он стать областью — нет —
или вестником гибели, тленья,
если — этот незримый свет,
и... ответное... сердца движение.

В плодах густеет кровь,
тепла и света вдосталь,
еще летают осы,
но целят на постой,
где хлебом дышит кров,
где лес в просветах сосен
шафрановую светится листвой.
Что их туда влечет,
что ими верховодит?
Настанет мой черед
к исходу дня —
когда светил ночных угодыя
с такой же силой позовут меня.

Эка невидаль — долгие зимы,
и — родные края далеки.
Не отыщешь такой причины,
чтоб избавиться от тоски.
Разве только писать имена
на ладонь, чтоб касаться губами
и водой омывать — не слезами, —

будто тайная сила дана.
И уже различать времена,
точно книжные развороты,
разглядев за метелью пехоту
сквозь прицел ледяного окна.

Чистишь картошку, дело простое,
мысли неспешные, шепот дождя,
жизнь состоялась какой-никакою
и завершится, преград не щадя.
Длился б огонь, и кипенье счастливое
не унималось в простом чугушке.
Угли, как встарь, полыхнут хлопотливые,
только и есть, что — ожог на руке.

Тесно от птиц внутри —
зяблики да синицы...
Господи, сам смотри —
сердце становится птицей.
Как беспечально поет,
в небо взметнуться жаждет...

Как завершить полет,
ему бы открылось
однажды.

И в малом для души все явлено в избытке:
Вот — дерево. Ему плодов не удержать.
И то, что — хороши, не отменяет пытки
паденья с высоты, чтоб на земле лежать.
И вновь удар о твердь... Но я не прекословлю —
иные в этот час владеют мной мечты —
и смерть становится любовью,
когда приносит добрые плоды.

Как вырастает юное племя,
не замечаем. Первое время
взглядом любовно его охватив,
мы еще слушаем тайный мотив,

будто напором подземным гонима,
кровь устремилась к незримым вершинам,
но еще тешимся втайне надеждой
прежних созвучий и радости прежней.
Нынче обласканы взглядами сами,
с нашею кривдой, потугами к драме...
Только б не меркли, явив чудеса,
ближних небес листвяные глаза.

Какие-то серьезные дела —
на подступах к земле, в воздушном слое.
Там те же скорость, свет и мгла, —
когда не можешь быть покоен,
когда мерцает в глубине,
еще не смея оплотниться,
мечта, идея, что во мне
ждет силы внешней и клубится,
как это облако сейчас.
И наконец, мы слышим... глас.

Наконец-то очнулись, дышат
поселковые наши крыши,
где стекает слезой со щек
получивший свободу лед.
Звуки, запахи, снова звуки:
скрип калитки, разбег мальчика...
И земля наделяет руки
знобкой свежестью огурца.

Все бы нам переиначить
разумением своим,
лишь бы только не маячил
поселений вечных дым.
Тут бы воля — малой кровью,
там — ступня была легка,
каждой ночью к изголовью
подавались облака...
И с высот известных этих,
всеми нами обжитых,
вдруг летишь, успев приметить
тень на нивах золотых.

Обхватили деревья друг друга за плечи —
под сводом иду.
Летний вечер. В молчание прячутся речи —
вся жизнь на виду.
Кот крадется по краю изношенной крыши —
полеты в чести.
Стайкой мечутся — брызжут — летучие мыши...
Так что ж ты? Лети,
словно нежность — случайно спасенная птица —
из чуткой горсти,
словно веришь, что все это снова случится,
и — лица...
Лети.

Спелая осыплется листва
или еще будет на излете,
и небес открытых синева
нас возьмет в счастливую работу
причисленья к общности иной
до подошв, землю одержимых,
вместе с каждой нотой горловой,
чтоб уже уверились —
любимы.

Открывается невзначай,
как по отчеству величанье,
если вглядываешься в край
за плечами
и вытягиваешь на свет
из печали почивших истин
невесомые эти смыслы,
без которых дыханья нет.
Вот и все. И не прячь глаза,
опуская тяжелые веки.
Мы уже заглянули за...
дважды в те же вступая реки.
Я уже среди малых сих
на твоей золотой сетчатке.
Ничего, что мой голос тих.
Ты звучишь!
Значит, все в порядке.

Воробышек при дороге
барахтается в пыли.
Вихрасты и босоноги
мы здесь же куда-то шли.
Замрешь, распахнув ресницы
на встречный искристый взгляд —
в колесах у времени спицы,
поблескивая, стоят.
Вот, счастье, твоя обитель!
О, как незатейлив твой быт.
Беспечный его устроитель
к обители новой летит.

Невесть откуда, невесть кому —
каким-то чудом в моем дому:
сосновой стружкой, сухой осой,
горячей вьюшкой, ночной росой,
забытой кручей и небом вброд —
всем, что на случай нам жизнь дает,
шагну навстречу...
Прощай-прости, вчерашний вечер
пустой горсти.

Мыкаясь в небе, о правилах общих забыв,
пестуешь имя, как грозди лелеют сирени,
ловишь губами изменчивый ветра мотив...
И отступают на время любимые тени.

Когда бы не письмо из ангельского дома —
нечаянная радость прочитать
так вовремя его в давно знакомом,
в мимоидущем чудом угадать —
и все: к тебе спиной, мой Ангел терпеливый, —
могла ли наперед благословенья ждать?
Но исподволь, — как знать, одной ли только силой —
летит ко мне оно. И снег идет опять.

Осыпь дождем и золотом осыпь
земных садов, еще вчера зеленых,
и посади меня в саду твоём —
пора придет — меж топодем и кленом.
Еще не ведаю, что значит так стоять —
без внятных сердцу слов, без дела, —
но в шелесте листвы Ты сможешь разобрать
то, что когда-то я расслышать не умела.

Ветка дуба и глины млечность —
беспосадочный перелет.
Летних сумерек быстротечность —
бесконечность земных забот.
От отчаянья к надежде
поезд мчится на всех парах.
Что на книжных прочту полях,
что увижу, смыкая вежды,
чем откроется в час урочный
сердцевина прожитых дней?
Тихим плеском воды проточной,
добродушьем хмельных шмелей.

Вырван варварски из времен.
в час урочный на склон уронен —
камень с насыпи — так смирен,
так созвучен моей ладони.
Что мне в нем — весь — литая тяжесть,
в блестках режущий край чела, —
разве только, — чтоб я, отважась,
весть от вечности приняла?
Но так странно его приятье...
Пусть до времени не понять,
обнимать ли, бежать объятий.
Камни... стало быть —
собирать.

Ангелы не знают скуки,
с борозды за стол.
Разговор, земные звуки,
но а где же пол?
Рябь небес и чуть белесый
и чуть белесый под ногами свет.

К вам сюда не собиралась еще много лет.
Остается плач деревьев,
кровоток реки.
Я приму любое зелье
из твоей руки.
Гром, как будто гласных сшибка,
молний — ковыли.
Я была твоей ошибкой
на краю земли.

Бумажные слова
живым перечат.
— Неправильно жила
с последней встречи.

Зеленая трава
— сестра соломе.
Я чуточку жива,
болит на сломе.

Копаясь в себе,
причины ищешь.
Пульсируешь в судьбе,
устало, тише...

* Родилась в Хабаровске. Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Окончила Художественное училище и Педагогический институт в Екатеринбурге. Автор книг «Ангел лета» (2012) и «Открыть окно» (2016).

Если будешь от счастья совсем не помят
и поймешь поутру, что ты дома один,
и что аист покинул китайский халат,
и что мухи в глазах, опьяневшие в дым.

Не бессмысленной свадьбы прикинешь наряд
не с гусиною кожей пониже спины.
В сути зеркала вдруг сдетонирует взгляд,
и оглянутся те, кто идет без сумы.

И коровьи стада, и отары овец,
где по гендерным признакам клички дают,
хай, под нож, как и Он — под терновый венец,
в Соловецком остроге осанну поют.

На него в небесах уповают слова
у звучащих во тьме не запятнана честь.
Навий день, и постится монахов семья,
а на ветхой фате моли некуда сесть...

В небо смотрят миллионы,
полнолуние колесом.
Люди — тучи,
люди — волны,
успокоенные сном.

Лето любит цвет зеленый,
а сентябрь — ржаной.
Плод покинул свою крону
тишиной ночной.

Улетели с птичьей стаей,
совершая круг,
глубина непониманья,
пустоты испуг.

Ночью псы истошно выли,
осень на сносях,
а кого опять убили,
скажут в новостях...

В глазах снегов — бесценный груз,
он достается даром слабым.
Не забывая жизни вкус,
свет дарит тени и ухабам.
Решительность молчащих скул
напоминает Божье слово.
И нарастает звуков гул,
с небес летящего покрова...

Тронешь фланелью тело литое,
сутью не медное, а золотое.
Гвоздики вспыхнули, охнул рассвет.
Бабушкин крестик, а бабушки нет...

Все равно с ума сойдешь,
Поле, рожь, любовь в фургоне.
Газ иприт,
и снег, и дождь.
Хрип Антанты,
смерть на Сомме.
Броневик
и в кепке вождь.
Вены, вошь,
и ты бескровна.
Стягом дьявольским плывешь,
параллельно —
бревна, бревна.
Ты крадешь себя, крадешь.
Тиф сыпной,
любовь больного,
Ты и завтра не придешь,
три букета от наркома.
Бесконечность.
Поле.
Рожь.
Ты, живешь?
— Живу условно...

Забыто все, что было без тебя...
— Ты говори, я без оглядки верю!
За поворотом синего дождя,
Открой окно реликтовому зверю.

Трав ведовских и вещей дивных снов,
шаманит край, разыгрывая шутку.
У птицы, что запела про любовь
твои глаза и раненая грудка

Сжимает плоть, кольцо твоих молитв,
я пламенею или каменею.
Не сбудется пасьянс из черных слив,
плод золотистый — отыскать не смею.
— Ты говори!

Загостился день вчерашний
в отрывном календаре,
стынут восковою башней,
голоса на алтаре.

В небесах нет ни кровинки,
и безжизненны ветра,
и туман на половинки
разрезает мир с утра.

Пахнет осень бабьим летом,
перекопанной грядой.
И по Божьим трафаретам
дни проходят чередой.

Замученный вчерашним день,
и ангелы теряют крылья.
И запряженная бессильем
не различаешь свет и тень.
А мысли все еще грешат,
не разобравшись, что важнее.
И каюсь, бьешься об заклад,
и брань отборная нежнее,
чем ветер, катящий баллон,

освободившийся от пива.
Вранье вчера было правдиво.
Рассудочность — подарок Божий.
И не случаен тот прохожий.

На вазе слева блики,
а справа тень густа.
Погибшие гвоздики.
Как все же жизнь проста...
Как азбука с арбузом,
как дважды два не пять.
И с неподъемным грузом
летишь на свет опять...

Земля и небо — я и ты.
Осенний день копилка мнений.
Ветра похожи на костры,
что перешли на бег олений.

Дней светлых тихнут голоса,
как будто грешников моление.
Любви осталось полчаса,
воды замедлилось кружение.
И жалуется на лету
на несъедобный снег синица.
И прошивает пустоту
луча остуженная спица.

Как синева тиха гелиотропа,
как стебли роз небрежны без шипов.
И со времен вселенского потопа
как бессердечны стрелы твоих слов.

Она тиха, пока не упадет
луч солнца на чешуйку серой рыбы.
И мы с тобой сиять во тьме могли бы,
не зная боли, горя и забот...

1

Кудлатый пес в репьях, как бутоньерках,
бредет по следу тающего дня.
По утомившемуся пруду водомерки
основу жизни топчут, семена.
За горизонтом уголь с позолотой
возводят ночь в величественный сан.
День удаляется, как будто с неохотой
мои надежды прихватив в карман.

2

Кудлатый пес в репьях, как бутоньерках,
бредет по следу тающего дня,
а ветер снял с него и сада мерки
и подбирает ткани у плетня.
И лопухом скрывая позолоту,
кроит зеленый лету сарафан.
День удаляется как будто с неохотой,
мои надежды прихватив в карман.

3

Кудлатый пес в репьях, как бутоньерках,
бредет по следу тающего дня.
Мы не прошли у времени проверку,
себя совсем не помним до дождя.
И ветер мерки снял с деревьев сада,
и убедился, каждое — модель.
И август, как виновник звездопада,
у лета обоснованная цель...
Пес обошел у свежей ямы горку
— виновника печали, пустоты.
Без даты камень, а под лунной коркой
погост считает стелы и кресты...

Она хотела петь,
носила часто синий.
Последняя черта
осталась за спиной.
Отчаянье костра
и нервный тик актиний

— потерянная треть
истории земной.
И с живностью морской
с налетом голубики
в конце письма слились
кромешные стихи.
А с платиной в крови
— ревушей скорой блики,
и сына самокат,
и корни от сохи.
Она хотела петь,
и взгляд ласкает синий,
тот край, где отчий кров,
где детство помнит лес.
В руках молитвослов,
и правда Божьих линий
в падении дождя
и в бренности снегов...

Соль в том,
что ты не сахар,
не манна льет с небес.
И осень —
рыжий пахарь, —
вселилась в плоть и лес.

Житье перепахала
без видимых борозд.
Тепла осталось мало
и зябко в полный рост.

Свет отступил от темноты
на три босых гусиных шага.
Куда ни взглянешь,
всюду ты,
и от душевной слепоты
в признаниях корчится бумага.
Черед надежды, ход крестом.
И с Альтаира видно Южный
— И хочется быть просто нужной,
а остальное все потом...

Литературно-художественное издание

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ 2019

Драматургия, проза, поэзия



Редактор *Екатерина Филатова*
Верстка *Екатерины Жилиной*

Издательство «ТХТ»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Подписано в печать 20.01.2020. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.